

Шри Ауробиндо.

ЖИЗНЬ БОЖЕСТВЕННАЯ.

Книга I.

ВСЕПРИСУТСТВУЮЩАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ВСЕЛЕННАЯ

Перевод И.Савенкова

Содержание

Глава I. СТРЕМЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА	3
Глава II. ДВА ОТРИЦАНИЯ	5
Глава III. ДВА ОТРИЦАНИЯ	9
Глава IV. ВЕЗДЕСУЩАЯ РЕАЛЬНОСТЬ	13
Глава V. СУДЬБА ИНДИВИДА	17
Глава VI. ЧЕЛОВЕК ВО ВСЕЛЕННОЙ	21
Глава VII. ЭГО И ДВОЙСТВЕННОСТИ	25
Глава VIII. МЕТОДЫ ВЕДИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ	29
Глава IX. ЧИСТО СУЩЕСТВУЮЩЕЕ	34
Глава X. СОЗНАТЕЛЬНАЯ СИЛА	38
Глава XI. ВОСТОРГ СУЩЕСТВОВАНИЯ: ПРОБЛЕМА	43
Глава XII. ВОСТОРГ СУЩЕСТВОВАНИЯ: РЕШЕНИЕ	47
Глава XIII. БОЖЕСТВЕННАЯ МАЙЯ	52
Глава XIV. СВЕРХРАЗУМ КАК СОЗДАТЕЛЬ	56
Глава XV. ВЕРХОВНАЯ ИСТИНА-СОЗНАНИЕ	61
Глава XVI. ТРОЙНОЙ СТАТУС СВЕРХРАЗУМА	66
Глава XVII. БОЖЕСТВЕННАЯ ДУША	70
Глава XVIII. РАЗУМ И СВЕРХРАЗУМ	74
Глава XIX. ЖИЗНЬ	81
Глава XX. СМЕРТЬ, ЖЕЛАНИЕ И НЕСПОСОБНОСТЬ	88
Глава XXI. ВОСХОЖДЕНИЕ ЖИЗНИ	93
Глава XXII. ПРОБЛЕМА ЖИЗНИ	97
Глава XXIII. ДВОЙНАЯ ДУША В ЧЕЛОВЕКЕ	102
Глава XXIV. МАТЕРИЯ	108
Глава XXV. УЗЕЛ МАТЕРИИ	112
Глава XXVI. ВОСХОДЯЩИЙ РЯД СУБСТАНЦИИ	117
Глава XXVII. СЕМЕРНАЯ ХОРДА БЫТИЯ	121
Глава XXVIII. СВЕРХРАЗУМ, РАЗУМ И НАДРАЗУМНАЯ МАЙЯ	125

СТРЕМЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Шри Ауробиндо.
Пондичери, 1920.

Она следует к цели тех, кто проходит выше, она — первая в вечной череде грядущих рассветов, — Уша расширяется, выявляя тех, кто жив и пробуждая тех, кто мертв... В чем ее цель, когда она приводит в гармонию рассвет, озарявший ранее, с тем, что должно светить теперь? Она жаждет древних зорь и исполняет их свет; бросая сияние вперед, она вступает в общность с остальным, что должно прийти.

Кутса Ангираса — Риг Веда (I.113. 8,10)

Троекратно те верховные начала божественной силы, присутствующей в мире, они истинны, они желаемы; он движется там широко раскрытым внутри Бесконечного и сияет чисто, озаренно и исполненно... Ибо Тот, кто бессмертен в преходящем и обладает истиной, есть бог, и Он установлен внутри как энергия, вырабатываемая нашими божественными мощностями... Поднимись высоко, О Сила, сбрось все покровы, прояви в нас Божественные вещи.

Вамадева—Риг Веда (IV.1.7;IV.2.1;IV.4.5)

Первейшее занятие пробудившегося мышления человека и, по-видимому, неизбежное и окончательное — ведь оно пережило долгие периоды скептицизма и возвращалось после каждого изгнания — является в то же время высочайшим, на которое способно человеческое мышление. Оно проявляется в прозрении Божества, импульсе к совершенству, поиске чистой Истины и неомраченного Блаженства, чувстве тайного бессмертия. Древний рассвет человеческого знания оставил нам свидетельство этого постоянного стремления; сегодня человечество насыщено, но не удовлетворено победоносным анализом внешности Природы, готовясь возвратиться к первобытным устремлениям. Древняя формула мудрости обещает остаться последней — Бог, Свет, Свобода, Бессмертие.

Эти извечные идеалы человеческой расы сразу же вступают в противоречие с повседневным опытом и одновременно утверждают более высокие и глубокие переживания, необычные для человечества и достижимые, в их целостности и полноте, только посредством преобразующих индивидуальных усилий или в ходе общего эволюционного продвижения. Знать о божественном, обладать им и быть божественным существом, оставаясь в животном и эгоистическом сознании, преобразовывать нашу сумеречную или темную физическую ментальность в полную супраментальную озаренность, строить мир и само-существующее блаженство там, где присутствуют только напряжения мимолетных удовлетворений, окруженные физической болью и эмоциональными страданиями, устанавливать бесконечную свободу в мире, представляющимся скопищем механической необходимости, обнаруживать и реализовывать бессмертную жизнь в теле, подверженном смерти и постоянным мутациям — это дано нам как проявление Бога в Материи и цель Природы в ее земной эволюции. Для обычного материального интеллекта, принимающего теперешнюю организацию сознания за предел возможного, прямое противоречие между нереализованными идеалами и реализованными фактами является окончательным аргументом против обоснованности этих идеалов. Но если мы примем более взвешенный взгляд на устройство мира, то это прямое противостояние покажется скорее частью глубочайшего принципа Природы и знаком ее полного утверждения.

Ведь все проблемы бытия являются, в сущности, проблемами гармонии. Они возникают из восприятия неразрешенного разногласия и предчувствия непознанного согласования или единства. Можно примириться с неразрешенным разногласием на уровне практической и более животной части человека, но не на уровне его полностью пробужденного разума, к тому же даже его практическая часть обычно только избегает общей необходимости, отбрасывая проблему, либо принимая грубый, утилитарный и грязный компромисс. Ибо существенно, что вся Природа стремится к гармонии — жизнь и материя в своих сферах, также как и разум — на уровне своих восприятий. Чем более выражено видимое расстройство предложенных материалов или кажущаяся несовместимость, вплоть до прямого противостояния, отдельных элементов, которые должны быть использованы, тем сильнее побуждение, причем к более тонкому и всеобъемлющему порядку, чем тот, который был бы результатом не столь трудных стараний. Согласование активной Жизни с ее материалом, когда условием самой активности кажется инерция, является одной из проблем противостояний, которую Природа уже разрешила и всегда стремится найти лучшее решение с большей сложностью; ибо совершенным решением явилось бы материальное бессмертие высоко-организованного животного тела, наделенного разумом. Согласование сознательного разума и сознательной воли с формой и жизнью, которые сами по себе не полностью само-сознательны и

способны в лучшем случае на механическую или подсознательную волю — это другая проблема противостояния, в которой Природа достигла изумительных результатов и постоянно нацелена на достижение все больших чудес; ведь окончательным чудом было бы появление животного сознания, больше не ищущего Истины и Света, а уже обладающего ими, практически всемогущего, поскольку оно напрямую получало бы совершенное знание. Поэтому высшее побуждение человека к согласованию все еще остающихся высочайших противоречий является не только рациональным самим по себе, но и единственным логическим завершением правила и усилия, которое кажется фундаментальным методом Природы и самим смыслом ее вселенских стараний.

Мы говорим об эволюции Жизни в Материи, об эволюции Разума в Материи; но эволюция — это слово, которое просто констатирует явление, не объясняя его. Ведь нет видимой причины того, почему Жизнь должна эволюционировать из материальных элементов, или Разум — из живых форм, пока мы не примем Ведантное решение, что Жизнь уже заключена в Материи, а Разум — в Жизни, потому что в сущности Материя — это форма скрытой Жизни, а Жизнь — форма завуалированного Сознания. И тогда не видится особых возражений против того, чтобы сделать следующий шаг в этом ряду и допустить, что и само ментальное сознание может быть только формой и маской более высоких состояний, лежащих за пределами Разума. В таком случае непобедимое стремление человека к Богу, Свету, Блаженству, Свободе, Бессмертию занимает свое верное место во всей цепочке, как попросту императивный импульс, с помощью которого Природа старается эволюционировать за пределы Разума, и это представляется столь же естественным, истинным и обоснованным, как и стремление к Жизни, которым Природа наделила определенные формы Материи, или же стремление к Разуму, которое она поселила в некоторых формах Жизни. При этом каждое стремление более или менее замаскировано в различных природных сосудах в вечно-восходящей серии мощности “воли быть”; оно постепенно развивается и обзано полностью развить необходимые органы и способности. Подобно тому, как стремление к Разуму варьируется от все более ощущаемых реакций Жизни в металле и растении до своей полной организации в человеке, так и в самом человеке происходит то же самое восхождение, подготовка, если не нечто большее, к более высокой и божественной жизни. Животные — это живая лаборатория, в которой Природа, можно сказать, выработала человека. Человек же сам вполне может стать живой мыслящей лабораторией, в которой с помощью его, теперь уже сознательного сотрудничества, Природа хочет создать сверхчеловека, бога. Или, почему бы не сказать большего, проявить Бога? Ибо если эволюция есть последовательное проявление в природе того, что спало в ней или подспудно работало, то эволюция также предстает открытой реализацией того, что тайно заложено в Природе. Мы не можем заставить Природу остановиться на данном этапе ее эволюции, а также не имеем права осуждать вместе с религиозными людьми любые ее намерения как несговорчивые и самонадеянные или осуждать вместе с рационалистами как болезненные или иллюзорные любые намерения Природы, которые она проявляет в своем замысле или попытке выйти за очерченные границы. Если верно то, что Дух вовлечен в Материю и видимая Природа является скрытым Богом, то проявление божественного в себе и реализация Бога внутри и вовне — высочайшая закономерная цель, предначертанная человеку на Земле.

Таким образом, извечный парадокс и вечная правда божественной жизни в животном теле, бессмертное стремление или реальность, живущая в смертной обители, единственное и универсальное сознание, представленное в ограниченных разумах и изолированных эго, трансцендентное, неопределимое, безвременное и беспространственное Бытие, благодаря которому становятся возможными время, пространство и космос, и во всем этом высшая истина, реализуемая в низком выражении, находят свое оправдание как для осмотрительного рассудка, так и для стойкого природного чутья или интуиции человека. Временами предпринимаются попытки окончательно покончить с мучающими вопросами, которые столь часто объявлялись неразрешимыми для логического мышления, и склонить людей ограничить сферу их ментальной активности практическими и сиюминутными вопросами их материального существования во вселенной; но такие увертки никогда не имеют стойкого влияния. Человечество возвращается от них с более страстным импульсом к исследованию или с более неистовым голодом найти решение. Мистицизм пользуется этим голодом, так что возникают новые религии взамен старых, разрушенных или утративших свое значение под напором скептицизма, который сам по себе не может удовлетворить, поскольку, хотя его делом является исследование, он недостаточно расположен к нему. Попытка отрицать или подавлять истину, поскольку та еще кажется темной и слишком часто представляется религиозным предрассудком или грубой верой, сама по себе является разновидностью обскуратизма. Желание убежать от космической необходимости, поскольку та труднопостыгаема, не оправдывается сиюминутно осязаемыми результатами, и нетороплива в регулировании своих операций, в конце концов с необходимостью оборачивается не только неприятием истины Природы, но и протестом против тайной, могущественной воли великой Матери. Лучше, и более рационально, принять то, что она не позволяет нам, как расе, отвергнуть, и поднять это из сферы слепого инстинкта, темной интуиции и беспорядочного стремления в свет разума и информированной и сознательно само-направляемой воли. И если существует какой-либо высший свет озаренной интуиции или само-раскрывающейся истины, которая сейчас в человеке либо затемнена и бездеятельна, либо работает с перемежающимися проблесками, как будто из-под вуали, либо от случая к случаю проглядывает подобно северному сиянию в наших материальных небесах, то мы также не должны бояться стремления к этому. Ибо, по всей вероятности, это и есть следующее более высокое состояние сознания, по отношению к которому Разум представляется только формой и вуалью, и через сияние этого света может лежать путь нашего поступательного само-расширения в то навечно высочайшее состояние, являющееся конечным местом отдыха человечества.

Глава II

ДВА ОТРИЦАНИЯ I. ОТКАЗ МАТЕРИАЛИСТА

Он призвал сознание-силу (в простоте мысли) и распознал, что Материя есть Брахман. Ибо все существующее рождено из Материи; будучи рожденным, оно растет при помощи Материи и, умирая, входит в нее. Затем он пошел к Варуне, своему отцу, и попросил: “Почтенный, обучи меня Брахману”. Но тот ответил ему: “Призови (снова) сознание-силу; ибо Энергия есть Брахман”.

Тайттирия Упанишада (Ш. 1, 2)

Утверждение о божественной жизни на земле и бессмертном смысле преходящего существования не может иметь под собой основы до тех пор, пока мы не только распознаем вечный Дух в качестве обитателя телесного жилища, в качестве носителя этого изменчивого одеяния, но и примем Материю, из которой все сделано, в качестве пригодного благородного материала, из которого Он постоянно тклет свои одежды, периодически строит нескончаемую чреду Его обитателей.

Однако этого еще не достаточно, чтобы предохранить нас от отвержения от жизни в теле, пока, следуя Упанишадам и постигая за видимостью сущностную тождественность этих двух крайних выражений существования, мы не сможем сказать на языке древних писаний “Материя также есть Брахман” и придать полную ценность широкомасштабной картине, посредством которой физическая вселенная описывается как внешнее тело Божественного Бытия. А также — так далеко разделенными кажутся эти два крайних выражения, — эта тождественность не будет убедительной для рационального интеллекта, если мы откажемся распознать серию восходящих выражений (Жизнь, Разум, Сверхразум и промежуточные планы, связывающие Разум со Сверхразумом) между Духом и Материей. Иначе эти два выражения должны казаться двумя непримиримыми противниками, связанными узами несчастливой супружества и видящими единственно приемлемое решение в своем разводе. Тогда их тождественность, представление одного в терминах другого, становится искусственным творением Мысли, противостоящим логике фактов, и возможно лишь в иррациональном мистицизме.

Если мы будем настаивать на существовании только чистого Духа и механической неразумной субстанции или энергии, назвав одно — Богом или Душой, а другое — Природой, то неизбежно придем к тому, что либо отвергнем Бога, либо отвернемся от Природы. Ибо дальнейший выбор, как для Мысли, так и для Жизни, станет императивным. Мысль придет к отрицанию одного как иллюзии воображения или другого как иллюзии чувств; Жизнь, остановившись на нематериальном, убежит от самой себя в отречение или само-забывающий экстаз, или же отвергнет собственную бессмертность и примет ориентацию, уводящую от Бога к животному. Пуруша и Праkritи, пассивно светящаяся Душа Санкхьи и механически активная Энергия не имеют ничего общего, даже если сравнивать с состоянием инерции; их антиномии могут быть разрешены только путем остановки инертно правящей Активности и установления незыблемого Покоя, на который была тщетно наложена бесплодная вереница образов. Неопишное, неактивное “я” Шанкары и его Майя многих форм и имен — равным образом непримиримые и несовместимые сущности; их жесткий антагонизм может исчезнуть только при растворении множественной иллюзии в единственной Истине вечного Молчания.

Материалисту легче; он может, отрицая Дух, достичь более убедительной и простой постановки, настоящего Монизма, Монизма Материи или же Силы. Но он не может все время придерживаться этой жесткой постановки. В конечном итоге материалист также постулирует непознаваемое как инертное, отдаленное от известной вселенной в качестве пассивного Пуруши или безмолвного Атмана. Это бессмысленное занятие и это всего лишь неопределенная отговорка, с помощью которой он пытается снять непреклонные требования Мышления или принести извинение за отказ расширить пределы исследования.

Поэтому человеческий разум не может остаться удовлетворенным, столкнувшись с этими бесплодными противоречиями. Он всегда должен искать полного утверждения; он может найти его только через светлое примирение. Чтобы достичь этого примирения, он должен подробно рассмотреть те ступени, которые наше внутреннее сознание накладывает на нас, и либо объективным методом анализа Жизни и Разума, как и Материи, либо путем субъективного синтеза и озарения, прийти в покое к окончательному единству без отрицания энергии выразительной множественности. Только путем такого полного и всеобъемлющего утверждения могут быть гармонизированы все многообразные и кажущиеся противоречивыми факты существования, и многократно конфликтующие силы, управляющие нашим мышлением и жизнью, раскроют центральную Истину, которую они здесь символизируют и по-разному исполняют. Только тогда наше Мышление, обретя свой ис-

тинный центр, перестав блуждать кругами, сможет заработать подобно Брахману Упанишад, станет установившимся и стабильным даже в своей игре и своем по мировому широком течении, и наша жизнь, зная свою цель, станет служить ей с безмятежной успокоенной радостью и светом, как и с ритмически переключающейся энергией.

Но когда этот ритм нарушен, человеку необходимо и полезно испытать по-отдельности каждую из этих двух великих противоположностей в их крайнем утверждении. Это естественный путь разума более совершенным образом подходить к утверждению того, что он утратил. На этом пути он может пытаться остановиться на промежуточных ступенях, сведя все сущее к выражениям первозданной Жизненной Энергии или ощущений или Идей; но эти исключительные решения всегда пронизаны атмосферой нереальности. Они могут на некоторое время удовлетворить логический рассудок, оперирующий только чистыми идеями, но они не могут удовлетворить ощущению реальности, присущему разуму. Ибо разум знает, что есть нечто “позади”, не являющееся Идеей; с другой стороны, он знает, что внутри есть нечто большее, чем витальное Дыхание. Либо Дух, либо Материя могут дать ему на время ощущение окончательной реальности; и в меньшей степени любой из промежуточных принципов. Поэтому разум должен идти к двум крайностям, прежде чем сможет плодотворно вернуться к целому. Ведь через самую свою природу, обслуживаемую чувством, которое может отчетливо постигать только части существования, и посредством речи, которая также может достичь отчетливости только тогда, когда она тщательно разделяет и ограничивает, приводится в движение интеллект, имея перед собой эту множественность элементарных принципов, чтобы искать единство, безжалостно сводя все в термины одного. И чтобы практически утвердить это одно, он пытается избавиться от остального. Чтобы постичь реальный источник их тождества, минуя этот процесс исключения, он должен либо перепрыгнуть через себя, либо замкнуть кольцо, но только лишь затем, чтобы найти, что все равным образом сводимо к Тому, кто избегает определения или описания и все же является не только реальным, но и достижимым. Но какой бы дорогой мы ни путешествовали, Тот всегда является концом, которого мы должны достичь, и мы можем избежать этого, только отказавшись завершить путешествие.

Поэтому хорошим предзнаменованием является то, что после многих экспериментов и многословных объяснений мы теперь должны признать, что стоим перед лицом этих двух крайностей, что были по-одиночке рождены в течении длительных и по большей части тщательных испытаний, и что каждое переживание в конечном итоге приводит к результату, который вселенский инстинкт человечества, этот завуалированный судья, страж и представитель вселенского Духа Истины, отказывается принять как правильный или удовлетворительный. В Европе и Индии отказ материалиста и отречение аскета, соответственно, стремились утвердить себя в качестве единственной истины и овладеть концепцией Жизни. Если в Индии результатом было величайшее накопление сокровищ Духа, — или некоторой их части, — но это также явилось величайшим банкротством Жизни; в Европе полнота богатств и триумфальное овладение мировыми мощностями и территориями привело к тому же банкротству в области Духа. А также интеллект, искавший разрешения всех проблем в одном выражении Материи, не нашел удовлетворения в полученном ответе.

Поэтому назревает время, когда мир вплотную подходит к новому всеобъемлющему утверждению в мышлении и во внутреннем и внешнем опыте и, как следствие, к новому богатому само-свершению в интегральном человеческом существовании как индивида, так и расы.

Из той разницы отношений Духа и Материи к Непознаваемому, которое они оба представляют, проистекает также разница эффективности материального и духовного отрицаний. Хотя отказ материалиста более настоятелен и непосредственно приносит плоды, более привлекателен для большей части человечества, он все же менее прочен и в конечном итоге менее эффективен, чем поглощающее и рискованное отречение аскета. Ведь отказ материалиста несет в себе собственное лекарство. Наиболее мощным его элементом является Агностицизм, который, допуская Непознаваемое за всем проявлением, расширяет границы непознаваемого до тех пор, пока он не постигнет то, что попросту является неизвестным. Он стартует с того, что физические чувства являются нашими единственными средствами Познания, и поэтому Разум, даже в самом немислимом полете, не может выйти за их границы; он всегда должен оперировать исключительно с фактами, которые эти чувства поставляют или предлагают; и сами эти предложения должны всегда держаться привязанными к их источникам; мы не можем выйти за пределы этих чувств, не можем использовать их в качестве моста, ведущего нас в область, где вступают в игру более мощные и менее ограниченные способности, и где должен быть установлен иной тип исследования.

Эта деспотическая предпосылка выносит самой себе приговор в недостаточности. Она может поддерживаться лишь путем игнорирования всего того обширного поля данных и переживаний, которые противоречат ей, отвергая замечательные и полезные способности или пренебрегая ими, действующими сознательно или затемненно, либо, в худшем случае, скрытно во всем человеческом существе, и отказываясь исследовать супрафизические явления, кроме как в связи с провозглашенным отношением к материи и ее движениями и в связи с надуманной их подчиненностью материальным силам. Как только мы начинаем исследовать деятель-

ность разума и сверхразума, самих по себе, без предвзятости, которая побуждает с самого начала видеть в них только подчиненные выражения Материи, то мы сразу же вступаем в контакт с массой явлений, полностью избегающих жесткой постановки, ограничивающего догматизма материалистической доктрины. В этот момент мы открываем, как наш расширяющийся опыт заставляет нас признать, что во вселенной существуют реальности, познаваемые за пределами чувств, и что в человеке присутствуют мощности и способности, которые скорее сами определяют, чем определяемы материальными органами, посредством которых они поддерживают контакт с миром чувств, — этой внешней оболочкой нашего истинного и полного существования, — и предпосылка материалистического Агностицизма исчезает. Мы готовы к более широкой постановке и всегда развивающегося исследования.

Однако прежде всего нам следует осознать громадную, неопределимую пользу, принесенную тем коротким периодом рационалистического Материализма, через который прошло человечество. Ибо в то обширное поле опыта, который теперь начинает приоткрывать пред нами двери, можно благополучно вступить только с интеллектом, натренированным до ясной простоты; использование незрелого разума само по себе ведет к наиболее опасным искажениям и блуждающим фантазиям, и в прошлом в действительности зародыши истины обволакивались такими пластами извращенных суеверий и иррациональных догм, что обретение истинных знаний становилось невозможным. Возникла необходимость выместить временно как саму истину, так и подделки под нее, чтобы очистить дорогу для нового старта и надежного продвижения. Рационалистическая тенденция Материализма оказала человечеству эту неопределимую услугу.

Ведь способности, лежащие за гранью чувств, лишь самым фактом вовлечения в Материю, фактом призвания работать в физическом теле, впрягаясь в одну упряжку с эмоциональными желаниями и нервными импульсами, ввергаются в путанную деятельность, где они скорее подвергаются опасности со стороны освещенной сумятицы, чем попадают в очищающую истину. Эта путанная деятельность особенно опасна тогда, когда человек с непросветленным умом и неочищенными чувствами пытается подняться в высшие сферы духовного опыта. В каких только областях эфемерных облаков и поблескивающего тумана или темноты, озаряемой вспышками, которые скорее ослепляют, чем освещают, он не должен потерять себя в этом столь опрометчиво преждевременном приключении! В приключении, действительно следующем пути, который избирает Природа в своем продвижении, — ведь она развлекается в ходе работы, — но все же опрометчиво и преждевременном для Разума.

Поэтому необходимо, чтобы грядущее Знание основывалось на ясном, чистом и дисциплинированном интеллекте. Необходимо также, чтобы интеллект исправлял свои ошибки, временами обращаясь к сдерживающему влиянию чувственных явлений, конкретной реальности физического мира. Прикосновение Земли всегда бодрит сына Земли, даже когда он ищет супрафизического Знания. Даже можно сказать, что в действительности супрафизическим во всей полноте можно овладеть только тогда — а подняться к нему мы можем всегда — когда мы прочно базируемся на физическом. “Земля -опора для Его ног”¹ — говорят Упанишады, когда бы они ни изображали “я”, проявляющееся во вселенной. Безусловно, верно то, что чем шире и надежнее мы делаем наше знание о физическом мире, тем шире и надежнее становится наш фундамент для высшего знания, даже для высочайшего, даже для Брахмавидья.

Поэтому, выходя из материалистического периода человеческого Знания, мы должны быть осторожны в том, чтобы поспешно не забраковать то, что мы покидаем, или отбросить хотя бы частичку достижений, прежде чем мы сможем заменить их более надежными и способными восприятиями и мощностями. Будет лучше, если мы с почтением и интересом проследим за работой, которую проделал Атеизм ради Божественного и восхитимся услугой, оказанной Агностицизмом в подготовке освещенного роста знания. В нашем мире ошибки всегда рукотворны и являются первопроходцами Истины; ибо ошибка — это в действительности полу-истина, спотыкающаяся в силу своей ограниченности; зачастую это Истина, которая надевает маски для того, чтобы незаметно подойти к своей цели. Что же, если так всегда могло быть, как это было в величайший период, который мы покидаем, — преданное рукотворение, трудная, добросовестная, рукотворно чистая, освещенная в своих пределах, полу-истина, но не опрометчивое и самонадеянное заблуждение.

Определенная разновидность Агностицизма является конечной истиной любого знания. Ведь в конце любого пути вселенная предстает только символом или явлением непознаваемой Реальности, которая транслирует себя здесь в различные системы значений, физических величин, витальных и чувственных оценок, интеллектуальных, идеальных и духовных ценностей. Чем более реальным становится Тот для нас, тем более он видится отдаленным от определения посредством мышления и за пределами всяческих формулировок. “Ни разум, ни речь не достигают того”². И все же как можно преувеличить нереальность явлений, следуя Иллюзионистам,

¹ Мундака Упанишада II.1.4; Брихадараньяка Упанишада I.1.1

² Кена Упанишада I.3.

так же можно преувеличить непознаваемость Непознаваемого. Когда мы говорим о Нем как о непознаваемом, мы в действительности подразумеваем, что Он ускользает от захвата нашим мышлением и речью, инструментами, действующими всегда при помощи ощущения разницы и выражающими посредством определения; но будучи непознаваемым при помощи мышления, Он достижим при верховном усилии сознания. Существует даже разновидность Познания, которая действует заодно с Тожественностью и посредством которой, в известной степени, Он может быть познан. Конечно, это Знание нельзя успешно воспроизвести в терминах мышления и речи, но когда мы достигаем его, то результатом является переоценка Того в символах нашего космического сознания, не только в одном, а во всем диапазоне символов, что ведет к радикальному перевороту нашего внутреннего бытия, и через внутреннее, нашей внешней жизни. Более того, существует также разновидность Знания, благодаря которому Тот действительно раскрывает себя под всеми этими именами и формами мира явлений, которые для обычного интеллекта только скрывают его. Это и есть тот высокий, но не высочайший процесс Познания, которого мы можем достичь, переступив пределы материалистической формулы и тщательно изучив Жизнь, Разум и Сверхразум в явлениях, характеризующих их, и не единственно в тех подчиненных движениях, при помощи которых они связывают себя с Материей.

Неизвестное не есть Непознаваемое³; ему не требуется оставаться неизвестным для нас, если мы не выбираем неведение или не пребываем в рамках первых ограничений. Ведь всем вещам, не являющимся непознаваемыми, всем вещам во вселенной, соответствуют в той вселенной некие способности, с помощью которых можно познать эти вещи, и в человеке, этом микрокосме, эти способности всегда присутствуют и на определенной ступени получают возможность развиваться. Мы можем решить не развивать их; если они частично развиты, мы можем утратить их, расхлябываясь, или атрофировать их. Но, фундаментально, все возможное знание лежит в пределах возможностей человечества. И поскольку в человеке заложен Природой неистребимый импульс к само-реализации, то никакая борьба интеллекта, направленная на ограничение действия наших возможностей внутри заданных рамок, не может когда-либо взять верх. Когда мы исследуем Материю и откроем ее тайные возможности, то само знание, находившее удобство во временных ограничениях, должно закричать в нас подобно Узникам Вед: “Теперь вперед и проталкивайся также в других областях”³.

³ Другое, нежели чем то, что известно; кроме того, это выше Неизвестного — Кена Упанишада. I.3.

Глава III

ДВА ОТРИЦАНИЯ
II. ОТРЕЧЕНИЕ АСКЕТА

Все это есть Брахман; это “я” есть Брахман и “я” четырехкратно. За границами отношений, без черт, немислимое, в чем все покойно.

Мандукья Упанишада (Стих 2, 7.)

И все же существует запредельное.

Ибо по другую сторону космического сознания существует, достижимое для нас, сознание даже более трансцендентное, -трансцендентное не только по отношению к эго, но и к самому Космосу, — против которого вселенная кажется незначительной картинкой на необъятном фоне. То поддерживает деятельность вселенной, — или, возможно, только позволяет ее; Оно охватывает Жизнь со всей Его необъятностью, — и либо отвергает ее с Его бесконечностью.

Если материалист оправдывает свою точку зрения тем, что считает единственной реальностью Материю, этот относительный мир единственной вещью, в которой до некоторой степени мы можем быть уверены, а Запредельное как полностью непознаваемое, если не несуществующее, считает его фантазией разума, абстракцией Мысли, отделившейся от реальности, также и Саньясин, очарованный Запредельным, оправдывает свой взгляд тем, что считает единственной реальностью чистый Дух, единственную вещь, не подверженную изменениям, рождению, смерти, а все остальное -порождением разума и чувств, фантазией, противоположной абстракцией своевольной Ментальности, отошедшей от чистого и вечного Знания.

С помощью какого подтверждения, логикой или переживанием, следует нам отстаивать одну из крайностей крайности, если одна из них не подкрепляется равно убедительной логикой, а вторая — равно законным опытом? Мир Материи подтверждается опытом физических чувств, которые, в силу того, что сами по себе не могут воспринять что-либо нематериальное или не организованное в грубую Материю, будут убеждать нас, что супрачувственное нереально. Это вульгарное или грубое заблуждение наших телесных органов, будучи выдвинутым в область философских рассуждений, не приобретает ни на йоту убедительности. Очевидно, что эти притязания лишены оснований. Даже в мире Материи существуют вещи, которые невозможно познать физическими чувствами. Кроме того, отказ от супрачувственного как обязательно от иллюзии или галлюцинации инспирируется этой постоянной чувственной ассоциацией реального с материально осязаемым, что само по себе есть галлюцинация. Предполагая везде то, что хочется утвердить, материалист тем самым замыкает порочный круг и не может обрести законность беспристрастного рассуждения.

Существуют не только супрачувственные реальности, а если наблюдаемое и опыт вообще являются критериями истинности, то существуют также супрафизические чувства¹, которые не только могут постичь реальности материального мира без помощи телесных органов-чувств, но и привести нас в контакт с другими реальностями, супрафизическими и принадлежащими другому миру — реальностями, включенными, скажем, в организацию сознательного опыта, подчиненному некоему иному принципу, а не грубой Материи, из которой, как кажется, сделаны наши солнца и земли.

Постоянно утверждаемая человеческим опытом и верой с момента возникновения мышления, эта истина, выражающаяся сейчас в том, что больше не нужно отдавать исключительного предпочтения тайнам материального мира, начинает подтверждаться новорожденными формами научных исследований. Все накапливающие доказательства, из которых наиболее очевидные и внешние известны под именами телепатии и родственных ей явлений, не могут более встречать сопротивления, кроме как со стороны разума, зажатого в блестящую оболочку прошлого, интеллекта, ограниченного, несмотря на свою пронизательность, в силу ограниченности поля опыта и исследования, или со стороны тех, кто путает озарение и доводы с правдоподобным повторением формул, оставленных нам ушедшими веками, и ревностным сохранением мертвых или умирающих интеллектуальных догм.

Верно, что проблески супрафизической реальности, приобретенные в ходе методических исследований, были несовершенными и еще плохо-подтвержденными; ведь используемые методы все еще остаются грубыми и недостаточными. Но, по крайней мере, было найдено, что переоткрытые тонкие чувства являются истинными свидетелями физических фактов, лежащих за пределами диапазона телесных органов. Следовательно, нет никаких оснований пренебрегать ими как лживыми свидетелями при исследовании супрафизических фактов,

¹ Сукшма индрия, тонкие органы, существующие в тонком теле (сукшма деха), и средства тонкого видения и переживания (сукшма дерсти).

лежащих за пределами области материальной организации сознания. Подобно всяческим свидетельствам, как свидетельствам самих физических чувств, их показания должны контролироваться, тщательно исследоваться и сортироваться разумом, правильно транслироваться и правильно связываться, а их поле, законы и процессы определяться. Но истина широчайшего диапазона опыта, чьи объекты существуют в более тонкой субстанции и воспринимаются более тонкими инструментами, чем инструменты грубой физической Материи, требует в конце концов того же статуса законности, как и истина материальной вселенной. Запредельные миры существуют: они имеют свой вселенский ритм, свои главные магистрали и образования, свои само-существующие законы и могучую энергетику, свои прямые и освещенные средства познания. И здесь, в нашем физическом мире и нашем физическом теле они упражняются по части своего влияния; здесь также они организуют свои средства проявления и направляют сюда своих посланников и своих свидетелей.

Но эти миры являются всего лишь каркасом для нашего опыта, а чувства — только удобными инструментами переживаний. Сознание же есть величайший основополагающий факт, вселенский свидетель, для которого мир является полем, а чувства — инструментами. К этому свидетелю зывают эти миры и объекты, убеждая в своей реальности, ведь как для этого мира, так и для многих других, как для физического, равно как для супрафизического, нет иного доказательства того, что они существуют. Утверждалось, что не существует никакой особенной связи между конституцией человечества и его точкой зрения на объективный мир, кроме как определяемой самой природой существования; все феноменальное существование состоит из наблюдающего сознания и активной объективности, и Действие не может происходить без Свидетеля, поскольку вселенная существует только в сознании и для сознания, наблюдающего и не имеющего никакой независимой реальности. В ответ на это утверждалось, что материальная вселенная наслаждается вечным само-существованием; она была здесь до возникновения жизни и разума: она их переживет, если те исчезнут, и вечный бессознательный ритм солнц не нарушается их скоротечной борьбой и ограниченным мышлением. Эта разница, возникшая метафизически, тем не менее чрезвычайно важна для практики, поскольку она определяет целостный взгляд человека на жизнь, определяет цель, которую он будет преследовать, и поле его деятельности. Ибо ставится вопрос о реальности космического существования и, что еще важнее, вопрос о ценности человеческой жизни.

Если мы доведем до крайности материалистическое заключение, то придем к неважности и нереальности жизни индивида и расы, что логически оставляет нам выбор между лихорадочным усилием индивида урвать все, что можно от преходящего существования, “прожить свою жизнь”, и между беспристрастной и бесцельной службой расе и индивиду, хорошо зная, что последний является преходящей фикцией нервной ментальности, а предыдущая — только чуть более долгие живущей коллективной формой того же самого обычного нервного спазма Материи. Мы работаем или наслаждаемся под воздействием импульса материальной энергии, который ввергает нас в краткую иллюзию жизни или более благородную иллюзию этической цели и ментального совершенства. Материализм, подобно духовному Монизму, достигает Майи, которая есть и которой все же нет — есть, поскольку она существует и непреодолима, и нет, поскольку она принадлежит миру явлений и преходяща в своих работах. С другой стороны, если мы будем слишком подчеркивать нереальность объективного мира, то придем другой дорогой к аналогичному, но даже более резкому заключению — к фиктивному характеру индивидуального эго, нереальности и бесцельности человеческого существования, к возвращению в Небытию или лишенный связей Абсолют как к единственно рациональному выходу из бессмысленной неразберихи феноменальной жизни.

И все же этот вопрос не может быть решен путем логических рассуждений на основе данных обычного физического существования; ведь этим данным всегда недостает опыта, что не позволяет сделать окончательный вывод. Обычно мы не имеем никаких определенных переживаний космического разума или сверхразума, переживаний, не ограниченных жизнью индивидуального тела, а также, с другой стороны, не упираемся ни в какой прочный предел опыта, который оправдывал бы предположение, что наша субъективное “я” в действительности зависит от физической конструкции и не может ни пережить ее, ни расшириться за пределы индивидуального тела. Только при расширении поля нашего сознания или неожиданном приращении наших инструментов познания, может быть разрешен древний спор.

Расширение нашего сознания необходимо должно быть расширением от индивидуального к космическому существованию. Ибо Свидетель, если он существует, — это не индивидуально воплощенный разум, рожденный в мире, а то космическое Сознание, охватывающее вселенную и появляющееся в качестве имманентного Интеллекта во всей его работе, по отношению к которому либо мир существует вечно и реально в качестве Его собственного активного существования, либо из него он рожден и в нем он растворяется в акте познания или акте сознательной силы. Не организованный разум, а тот, кто безмолвно и вечно равным образом пропитывает живущую землю и живые человеческие тела, и по отношению к которому разум и чувства предстают несущественными инструментами, является Свидетелем космического существования и его Господином.

Возможность реализации космического сознания в человечестве медленно допускается современной Психологией, как некая возможность обретения более эластичного инструмента познания, хотя все еще классифицируемого как галлюцинация даже тогда, когда принимается его ценность и сила. В психологии Востока эта возможность достижения космического сознания всегда признавалось в качестве реальности и цели нашего субъективного прогресса. Сутью достижения этой цели является превышение пределов, наложенных на нас эго-ощущением, и, по крайней мере, сопричастность с само-знанию, а самое большее — отождествление с ним, несущим тайну всего живого и того, что кажется нам неодушевленным.

Входя в то Сознание, мы можем продолжать пребывать, подобно Ему, над вселенским существованием. Тогда мы начинаем осознавать — ведь все элементы нашего сознания и даже чувственного опыта начинают меняться — Материю в качестве единого существования, а тела' в качестве ее образований, в которых единое существование физически разделяет себя на единичные тела и затем снова устанавливает физические связи между этими многочисленными точками своего бытия. Аналогично, мы получаем переживание того, что Разум и Жизнь также являются тем же самым существованием одного в его множественности, разделенного и объединяющегося в каждой области вновь, при помощи надлежащих средств. Можно двинуться еще дальше, и после прохождения многих связующих стадий, осознать сверхразум, чьи вселенские операции являются ключом ко всей низшей деятельности. А также мы не просто будем осведомлены об этом космическом существовании, но и будем сознательны в нем, получая его в ощущениях, но и осознанно вступая в него. В нем мы будем жить так, как и прежде жили в эго-ощущении, активными, все более и более соприкасаясь, даже объединяясь, с другими разумами, другими жизнями, другими телами, нежели чем с теми организмами, которыми мы называем себя, влияя не только на наше собственное моральное и ментальное бытие и субъективное бытие других, но даже на физический мир и его события, при помощи средств, более близких к божественным, чем наши эгоистические средства, которыми мы сейчас располагаем.

Для человека, соприкасавшегося с космическим сознанием или жившего в нем, это сознание обретает реальность, причем даже большую, чем физическая реальность; реальность в себе, реальность в действии и работе. И как космическое сознание реально по отношению к миру, являющемуся его собственным тотальным выражением, так и мир реален по отношению к нему; но не в качестве независимого существования. Ведь в этом высочайшем и менее стесненном опыте мы постигаем, что сознание и бытие не отличаются друг от друга, а все бытие есть верховное сознание, все сознание есть само-существование, вечное в себе, реальное в своей работе и не представляющее ни фантазией, ни эволюцией. Мир реален именно потому, что существует только в сознании; ведь именно Сознательная Энергия в единении с Бытием создает его. Существование же материальной формы самой по себе, отделенной от само-озаренной энергии, принимающей форму, явилось бы противоречием истины, фантазмагорией, кошмаром, невозможной ложью.

Ибо за вратами Трансцендентного стоит тот сущий совершенный Дух, описанный в Упанишадах, светлый, чистый, поддерживающий мир, но не активный в нем, не обладающий физической силой, без изъяна двойственности, без шрама разделения, единый, тождественный, свободный от всякой видимости связи и множественности, — чистое “я” Адвайтина ², неактивный Брахман, трансцендентное Молчание. И когда разум человека проходит через эти врата, проходит внезапно, без промежуточных переходов, он получает ощущение нереальности этого мира и единственной реальности Молчания, — это одно из наиболее мощных убедительных переживаний, доступных человеческому разуму. Здесь, при восприятии этого чистого “я” или Не-Бытия, стоящего за миром, мы получаем стартовую точку для второго отрицания, — другого полюса по отношению к материалистическому, однако более полному, более законченному, более опасному в своем воздействии на индивидов или общество, зовущего их в пустыню — к отречению аскета.

Именно это восстание Духа против Материи в течении двух тысячелетий, с тех пор как Буддизм нарушил баланс старого Арийского мира, все большее захватывало Индийский разум. Не так, чтобы это ощущение космической иллюзии целиком занимало мышление Индии; существовали также другие философские утверждения, другие религиозные стремления. Но ни малейшая попытка урегулирования отношений Духа и Материи не предпринималась даже наиболее крайними философами. И все жили под сенью величайшего Отречения, и конечным итогом жизни считались одеяния аскета. Эта общее представление о существовании распространилось вместе с Буддистской теорией цепей Кармы с вытекающей отсюда антиномией рабства и освобождения, рабства при рождении, освобождения путем прекращения рождения. Поэтому все голоса сливались в один великий хор — что не в этом мир двойственности можем мы найти наше небесное царство, а лишь в запредельном -то ли в радости вечного Вридавана ³, то ли в высоком блаженстве Брахмалоки ⁴, за пределами

² Ведантный Монист

³ Голока, небеса Вайшнавья вечной Красоты и Блаженства

⁴ Высочайшее состояние чистого существования, сознания и блаженства, достижимое душой без полного угасания в Неопределяемом

всех манифестаций в некоей невыразимой Нирване⁵, то ли там, где весь разделенный опыт теряется в безмолвном единстве неопределяемого Существования. И в течении многих веков великая армия сияющих свидетелей, святых и учителей, имен, священных для памяти Индии и захватывающих ее воображение, рождала всегда одно и то же свидетельство и выпячивала всегда один и тот же возвышенный давний призыв — отречение единственного пути познания, принятие физической жизни как акта неведения, прекращение рождения как правильное использование человеческого рождения, призыв к Духу, отвращение от Материи.

В век разлада с аскетическим духом — а может показаться, что везде в мире час Затворничества прошел или проходит -легко приписать эту великую тенденцию к слабости витальной энергии в древней расе, изнуренной под тяжестью своей ноши, нелегкой доли в общем продвижении, истощенной многосторонним вкладом в копилку человеческих усилий и знаний. Но мы видели, что аскетическая тенденция соответствует истине существования, состоянию сознательной реализации, стоящему на самом верху наших возможностей. На практике аскетический дух является также бесценным элементом в человеческом совершенствовании, и даже невозможно избежать его самостоятельного утверждения до тех пор, пока раса не освободила свой интеллект и свои витальные привычки от подчинения настойчивому анимализму.

В действительности мы ищем большего и более полного утверждения. Мы постигаем, что в аскетическом Индийском идеале великая формула Вед “Один без второго” не была надлежащим образом прочитана в свете другой формулы, одинаково императивной: “Все это есть Брахман”. Страстное стремление человека вверх к Божественному не было должным образом связано с нисходящим движением Божественного, склоненного вниз, чтобы навечно охватить Его манифестацию. Его значение в Материи не было понято так же хорошо, как Его истина в Духе. Реальность, искомая Саньясином, была схвачена во всей своей высоте, но не в полном охвате и всесторонности, как у древних Ведантистов. Однако в нашем более полном утверждении мы не должны минимизировать долю чисто духовного импульса. Как мы видели, Материализм в значительной степени послужил целям Божественного; точно также мы должны осознать еще большую услугу, оказанную Аскетизмом Жизни. Мы должны сохранить истину материальной Науки и ее действительную пользу в достижении конечной гармонии, даже если многие, если не все ее формы должны быть разрушены или отброшены. И даже большую осторожность должны мы соблюдать при обращении с наследием Арийского прошлого, в действительности недооцененного и полу-забытого.

---

⁵ Угасание, не обязательно всего бытия, а того бытия, каким мы его знаем; угасание эго, желаний, эгоистических действий и ментальности

ВЕЗДЕСУЩАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Если кто-то знает Брахмана как Не-Бытие, он становится просто несуществующим. Если кто-то знает, что Брахман Есть, то его знают как реально существующего.

Тайттирия Упанишада (II.6)

Поскольку мы принимаем запросы чистого Духа проявить в нас абсолютную свободу и требования вселенской Материи быть матрицей и условием нашей манифестации, то должны мы найти истину, которая может полностью примирить эти кажущиеся антагонистическими термины и определить их должное место как в Жизни, так и в Мышлении, ни в чем не ущемляя их прав, ни в чем не отрицая суверенную истину, из которой даже ошибки, даже исключительные преувеличения постоянно черпают силу. Ведь где бы мы ни натолкнулись на крайнее утверждение, столь мощно взывающее к человеческому разуму, мы можем быть уверены, что стоим по соседству не с простой ошибкой, суеверием или галлюцинацией, а с неким величайшим скрытым фактом, требующим нашей верности и мстящим за себя при отрицании или исключении. Поэтому так трудно найти удовлетворяющее надлежащего решение; здесь кроется источник утраты окончательности, что порождает все пустые компромиссы между Духом и Материей. Компромисс является сделкой, соглашением двух конфликтующих мощностей; это не настоящее примирение. Истинное примирение всегда осуществляется путем взаимного охвата, ведущего к некоторого рода сокровенному тождеству. Поэтому именно через предельно возможное объединение Духа и Материи можем мы наилучшим образом прийти к примиряющей истине и достичь наиболее сильного основания для примиряющей практики во внутренней жизни индивида и в его внешнем существовании.

Мы уже обнаружили в космическом сознании ту точку встречи, где Материя становится реальной по отношению к Духу, а Дух — к Материи. Ведь в космическом сознании Разум и Жизнь являются посредниками и не являются более, как это видится обычной эгоистической ментальности, агентами разделения, разжигателями искусственного раздора между позитивными и негативными принципами одной и той же непознаваемой Реальности. Достигнув космического сознания, Разум, озаренный знанием, единожды охватывающим истину Единства и истину Множественности и обладающим формулой их взаимодействия, обнаруживает, что его диссонансы одномоментно объяснены и примирены божественной Гармонией; удовлетворенный, он соглашается стать агентом этого верховного единения между Богом и Жизнью, того единения, к которому мы стремимся. Материя раскрывает себя реализованному мышлению и облагороженным чувствам в качестве облика и тела Духа — Духа в его само-созидательном расширении. Дух раскрывает себя посредством тех же согласившихся агентов в качестве души, истины, сущности Материи. Дух и Материя признают и допускают друг друга в качестве божественного, реального и по сути единого. Разум и Жизнь раскрываются в этом озарении в качестве обликов и в то же время инструментов верховного Сознательного Бытия, при помощи которого Он расширяется и вселяется в материальную форму, и в этой форме Он раскрывает Себя Своим множественным центрам сознания. Разум достигает своего само-исполнения, когда становится чистым зеркалом Истины Бытия, выражающим себя в символах вселенной; Жизнь — когда она сознательно предоставляет свою энергетику совершенному само-оформлению Божественного в вечноновые формы и деятельность вселенского существования.

В свете этого представления можем мы постичь возможность божественной жизни для человека в мире, что одновременно оправдывает Науку путем раскрытия смысла жизни и постижимой цели космической и земной эволюции, и в то же время реализует путем преобразования человеческой души в божественную ту великую воображаемую мечту всех возвышенных религий.

А что же с тем безмолвным “я”, неактивным, чистым, само-существующим, само-наслаждающимся, которое является нам в виде постоянного оправдания аскета? Здесь также существует гармония, и здесь непримиримое противостояние также не должно быть освещенной истиной. Безмолвный и активный Брахман -это не две различные, противостоящие и непримиримые сущности, одна из которых отрицает, а другая подтверждает космическую иллюзию; они — это единый Брахман в двух состояниях, позитивном и негативном, и каждое необходимо для другого. Именно вне этого Молчания существует Слово, творящее миры на вековечные времена; ибо Слово выражает то, что скрывается в Молчании. Именно вечная пассивность служит подоплекой для совершенной свободы и всемогущества вечной божественной деятельности в неисчислимых космических системах. Ведь все становления этой деятельности черпают свою энергию и безграничное могущество изменения и гармонии из этого беспристрастного источника неизменного Бытия, при его согласии оплодотворять собственную динамическую Природу.

Человек тоже становится совершенным лишь тогда, когда открывает внутри себя то абсолютное спокойствие и пассивность Брахмана и поддерживает благодаря этому свободную и неистощимую деятельность с той же самой божественной толерантностью и божественным блаженством. Тот, кто обрел Спокойствие внутри себя, всегда может воспринять льющийся из молчания неиссякаемый поток энергии, работающей во вселенной. Поэтому неверно будет сказать, что по своей природе истина Молчания отвергает космическую деятельность. Кажущаяся несовместимость этих двух состояний является ошибкой ограниченного Разума, привыкшего к крайним положениям утверждения и отрицания и перескакивающего от одного полюса к другому, Разума, не способного достаточно широко и мощно постичь всеобъемлющее сознание — постичь так, чтобы включить одновременно оба положения в одном охвате. Молчание не отвергает мир; оно поддерживает его. Или, правильнее, оно поддерживает с равной беспристрастностью как деятельность, так и отход от нее, и утверждает такое примирение, благодаря которому душа остается свободной и спокойной даже тогда, когда она прибегает к какой-бы то ни было деятельности.

Но все же существует абсолютный отход, существует Не-Бытие. Из этого Не-Бытия, говорит древнее писание, возникло Бытие ¹. Затем оно снова должно погрузиться в это Не-Бытие. Если бесконечное вседозволяющее Существование допускает любую возможность преобладания и множественность реализации, то почему бы Не-Бытию в качестве, по крайней мере, первородного состояния и единственной неизменной реальности, не отрицать и не отвергать всю возможность реальной вселенной? Тогда бы Нигилизм некоторых Буддистских школ был бы верным аскетическим решением; “я”, подобно эго, стало бы только воображаемой конструкцией иллюзорно феноменального сознания.

Однако мы снова обнаруживаем, что попались в ловушку слов, введены в заблуждение резкими противопоставлениями нашей ограниченной ментальности с ее излюбленной опорой на словесные разделения, как будто бы они в совершенстве передавали окончательную истину и толкования нашего супраментального опыта на языке тех нетерпящих разграничений. Не-Бытие — это только слово. Когда мы исследуем ту сущность, которую это слово представляет, то не сможем быть более уверенными в том, что абсолютное несуществование имеет сколь-нибудь большие шансы, чем бесконечное “я”, оказаться нечто большим, чем воображаемой конструкцией разума. В действительности мы подразумеваем под этим Ничто нечто запредельное по отношению к последнему пределу, к которому мы можем подвести наше наиболее чистое понимание и наш наиболее абстрактный или тонкий опыт фактического бытия, каким мы его знаем или постигаем в этой вселенной. Это Ничто, следовательно, есть попросту нечто за пределами позитивного представления. Мы сооружаем фикцию “ничто” для того, чтобы превзойти методом полного исключения все то, что мы можем знать и в чем сознательны. В действительности, когда мы более близко рассматриваем Нигилизм некоторых философов, то начинаем понимать, что нулем является либо Все, либо неопределяемая Бесконечность, которая кажется разуму пустой, поскольку разум схватывает лишь конечные конструкции, но на самом деле является истинным Существованием ².

И когда мы говорим, что Бытие возникает из Не-Бытия, то понимаем, что говорим в терминах Времени о том, что находится за пределами Времени. Ибо какой может быть та претенциозная дата в истории вечного Ничто, когда из него было рождено Бытие или когда пробьет тот грозный час, в который вся реальность вернется в вечную пустоту? Сат и Асат, если их следует утвердить, должны быть постигнуты так, как если бы они существовали одновременно. Они допускают друг друга, даже если отказываются смешиваться. Оба, раз уж мы вынуждены говорить в терминах Времени, вечны. И кто убедит вечное Бытие в том, что оно в действительности не существует, а существует только вечное Не-Бытие? При таком отрицании всего опыта как мы найдем ответ, объясняющий весь этот опыт?

Чистое Бытие есть утверждение Непознаваемым Себя в качестве свободного базиса для всего космического существования. Мы называем Не-Бытием противоположное утверждение Его свободы от всего космического существования — свободы, скажем, от всех позитивных элементов фактического существования, которое сознание во вселенной может выработать для себя, — свободы даже от наиболее абстрактного, наиболее трансцендентного. Чистое Бытие не отрицает вселенную как реальное выражение Себя, но Оно отрицает Свое ограничение при всяком выражении чего бы там ни было. Не-Бытие допускает Бытие, точно также как Молчание позволяет Деятельность. Путем этого одновременного отрицания и утверждения, не взаимно разруши-

¹ В начале всего было Не-Бытие. Оттуда родилось Бытие. — Тайтирия Упанишада. II.7

² Другие Упанишады отвергают рождение бытия из Не-Бытия как невозможное; Бытие, они говорят, может быть рождено только из Бытия. Однако если мы примем Не-Бытие не в смысле несуществующего Ничто, а в смысле некоего “икс”, превышающего все наши представления или опыт существования, — в смысле, применимому к Абсолютному Брахману Адвайты, как и Пустоте или Нулю Буддистов, тогда — невозможность исчезает, ибо Тот может в совершенстве быть самим источником бытия либо посредством оплодотворяющей или созидающей Майи, либо посредством манифестации или “создания из себя”

тельных, а комплиментарных друг другу, подобно всем противоположностям, одновременно становится реализуемым для пробужденной человеческой души само осознание сознательного Само-бытия в качестве реальности, и запредельного Непознаваемого — в качестве той же Реальности. Таким путем Будда смог достичь состояния Нирваны и одновременно могущественно действовать в мире, безлично в своем внутреннем сознании и действуя как наиболее мощная личность, из тех, кого мы знаем, кто когда-либо жил и работал на земле.

Когда мы размышляем над этими вещами, то начинаем постигать, насколько ничтожны в своем самоутверждаемом насилии и насколько путанны в своем сбивчивом разграничении слова, которые мы используем. Мы начинаем также постигать, что ограничения, накладываемые нами на Брахмана, проистекают из узости опыта индивидуального разума, концентрирующегося на одном аспекте Непознаваемого и тотчас же переоскакивающего к отрицанию всего остального или к пренебрежению им. Мы всегда стремимся слишком жестко перевести то, что мы можем постичь или узнать об Абсолюте, на язык нашей собственной специфической относительности. Мы утверждаем Единое и Тождественное путем страстного выделения и утверждения эгоизма наших собственных мнений и частного опыта в пику мнений и частного опыта других. Мудрее было бы ждать, учиться, расти, и — поскольку мы вынуждены в целях нашего само-совершенства говорить об этих вещах, не выразимых на человеческом языке — искать наиболее широкого, наиболее гибкого, максимально всеобъемлющего утверждения и основывать на нем наиболее значительную и наиболее исчерпывающую гармонию.

Затем мы постигаем, что сознание индивида может вступить в состояние, в котором относительное существование кажется растворенным, и даже “я” кажется неадекватным представлением. Можно войти в некое Молчание по ту сторону этого Молчания. Но это не целостное окончательное переживание, а также не единственная и все-исключающая истина. Ибо мы находим, что эта Нирвана, это само-угасание, хотя дающее абсолютный покой и свободу душе внутри, все еще согласуется на практике с бесстрастной, однако эффективной деятельностью снаружи. Эта возможность реализации полной неподвижности безличности и пустынного Покоя внутри, вместе с наружной работой вечных истин, Любви, Истины и Справедливости, возможно, была реальной сутью учения Будды — это превосходство над эго и цепями персональной работы, над отождествлением с изменчивой формой и идеей, а не мелкий идеал бегства от забот и страданий физического рождения. В любом случае, как только совершенный человек сможет сочетать в себе молчание и деятельность, так также полностью сознательная душа будет достигнет абсолютной свободы Не-Бытия, не теряя своей опоры на Существование и вселенную. Таким образом будет навечно воспроизведено в себе вечное чудо божественного Существования, воспроизведено во вселенной, что осуществляется пока еще всегда за ее пределами и даже, как это было, за пределами самого Существования. Противоположным опытом могла бы быть только концентрация ментальности в индивиде над Не-существованием, что приводит к забвению и персональному отходу от космической деятельности, по-прежнему и всегда происходящей в сознании Вечного Бытия.

Таким образом, после примирения Духа и Материи в космическом сознании, теперь уже в трансцендентном сознании мы постигаем примирение окончательного утверждения всего и его отрицания. Мы открываем, что все утверждения являются утверждениями статуса деятельности Непознаваемого; все соответствующие отрицания есть утверждения Его свободы как от этого статуса или деятельности, так и в этом статусе или деятельности. Непознаваемое является для нас Нечто верховным, чудесным и невыразимым, постоянно выражающим Себя нашему сознанию в виде неких формулировок и постоянно ускользящим от этих формулировок, созданных Им Самим. Оно делает это не как некий злонамеренный дух капризного волшебника, ведущего нас ото лжи к еще большей лжи и, следовательно, к окончательному отрицанию всех вещей, а как Мудрец — за пределами нашей мудрости, ведущий нас от реальности к невиданной доселе более глубокой и широкой реальности, пока мы не обречем глубочайшую и широчайшую реальность, на которую мы только способны. Вездесущая реальность — это Брахман, а не всепроникающая причина сохраняющейся иллюзии.

Если так мы примем позитивный базис для нашей гармонии -а на каком ином может быть основана гармония? — то различные концептуальные формулировки Непознаваемого, каждая из которых представляет истину за пределами концепции, должны быть поняты, насколько это представляется возможным, в их отношении друг к другу и в их воздействии на землю, не раздельно, не исключительно, утверждены не так, чтобы разрушить все остальные утверждения или преуменьшить их значимость. Настоящий Мониизм, истинная Адвайта — это то, что принимает все вещи в качестве единого Брахмана и не стремится разделить Его существование на две несовместимые сущности, на вечную Истину и вечную Ложь, Брахмана и не-Брахмана, “я” и не-“я”, настоящее “я” и ненастоящую, но все же вечную Майя. И если будет истинным то, что только “я” существует, должно быть истинным также то, что все есть Я. И если это “я”, Бог или Брахман не является беспомощным состоянием, не ограниченной мощностью, не ограниченной персональностью, а является само-созидательным Всем, то должна быть в нем также некая добрая, внутренне присущая причина для манифестации, для открытия, к которому мы должны приступить, предполагая некое могущество, некую мудрость, некую исти-

ну бытия во всем, что проявляется. Разногласие и видимое зло мира должны быть допущены в их сферах, но не приняты в качестве наших завоевателей. Глубочайший инстинкт человечества всегда здраво ищет мудрости как последнего слова вселенской манифестации, не как вечной насмешки и иллюзии, — тайного и окончательно победоносного блага, не все-творящего и непобедимого зла, — конечной победы и исполнения, не разочарывающего отказа души от ее великого приключения.

Ведь мы не можем предположить, что единственная Сущность подчиняется чему-то внешнему или чему-то отличному от себя, поскольку такой вещи не существует. А также не можем мы предположить, что эта Сущность подневольно подчиняется некоей частности внутри Себя, частности, враждебной по отношению к целостному Бытию, частности, отрицаемой Ей и в то же время слишком сильной для Нее; ведь это только бы выразило на другом языке то же самое противоречие между Всем и нечем иным, отличным от Всего. Даже если мы скажем, что вселенная существует просто потому, что “я” в своем абсолютном беспристрастии одинаково допускает все вещи, безразлично взирая на все реальности и все возможности, то все же существует нечто, что желает манифестации и поддерживает ее, и это нечто не может быть чем-то иным, чем Всем. Брахман неделим во всех вещах, и что бы ни было желаемо в мире, оно в конечном итоге желаемо Брахманом. И только наше относительное сознание, встревоженное или сбитое с толку явлениями зла, неведения и боли в космосе, стремится освободить Брахмана от ответственности за Себя и свои свершения, возводя некий противостоящий принцип, Майу или Мару, сознательного Дьявола или само-существующий принцип зла. Существует один Господин и “я”, а множество — только Его представители и становления.

Далее, если мир — это сон, иллюзия или ошибка, то это сон, порожденный “я” и желаемый им в его тотальности, и не только порожденный и желаемый, но и поддерживаемый и постоянно питаемый Им. Более того, это сон, существующий в Реальности, и материал, из которого он сделан, это та же Реальность, ведь Брахман должен быть материалом мира, как и его основой и содержимым. Если золото, из которого изготовлен сосуд, реально, то как мы можем предположить, что сосуд сам по себе — мираж? Мы видим, что все эти слова: сон, иллюзия являются уловками нашей речи, привычками нашего относительного сознания; они представляют определенную истину, даже большую истину, но также и искажают ее. Подобно тому, как Не-Бытие оказывается нечем иным, чем простым нулем, так же и космическая Греза оборачивается нечем иным, а не простой иллюзией или галлюцинацией разума. Явление не есть иллюзия; явление — суть субстанциональная форма Истины.

Таким образом, мы стартуем с представления о вездесущей Реальности, в которой ни Не-Бытие с одной стороны, ни вселенная — с другой, не являются несовместимыми противоположностями; скорее, они — это различные состояния Реальности, прямое и обратное утверждения. Высочайшее переживание этой Реальности во вселенной показывает, что она является не только сознательным существованием, а верховным Интеллектом и Силой и само-существующим Блаженством; и за пределами вселенной все же существует некое иное непознаваемое существование, некое предельное и невыразимое Блаженство. Тем самым мы подтверждаем предположение, что даже двойственности во вселенной, истолковываемые сейчас нашим чувственным и пристрастным пониманием, будучи истолкованными нашим освобожденным интеллектом и переживанием, также будут разрешены в этих высочайших выражениях. Но пока мы трудимся под напряжением двойственностей, это осознание должно, несомненно, постоянно поддерживаться актом веры, однако веры, которую Рассуждение, широчайшее и наиболее терпеливое отражение не отрицает, а напротив, утверждает. В действительности эта вера дана человечеству, чтобы поддержать его в его путешествии, пока оно не достигнет той стадии развития, когда вера обратится в знание и совершенное переживание, и Мудрость будет оправдана в своей работе.

СУДЬБА ИНДИВИДА

Через Неведение они перешагивают Смерть и посредством Знания наслаждаются Бессмертием ... Через Не-Рождение они перешагивают Смерть и посредством Рождения наслаждаются Бессмертием.

Иша Упанишада (II. 11,14)

Вездесущая Реальность есть истина всей жизни и всего существования, будь то абсолютного или относительного, будь то телесного или нематериального, будь то оживленного или неживого, будь то интеллектуального или неразумного; и во всех бесконечно разнообразных и даже неизменно противостоящих само-выражениях, от противоречий, близких нашему обыденному опыту, до тех далеких антиномий, теряющихся за гранью Невыразимого, Реальность едина, и не является просто суммой или скоплением. Оттуда начинается все многообразие, в том все многообразие существует, туда же все многообразие возвращается. Все утверждения отрицаются только затем, чтобы вести к более широкому утверждению той же самой Реальности. Все антиномии противостоят друг другу для того, чтобы распознать единую Истину в противоборствующих аспектах и охватить их взаимное Единство на пути конфликта. Брахман есть Альфа и Омега. Брахман есть Один, помимо которого ничего более не существует.

Но это единство по своей природе неопределимо. Когда мы пытаемся постичь его разумом, то вынуждены пройти через неисчислимую чреду представлений и переживаний. И все же в конце мы обязаны отбросить даже самые величайшие представления, наши наиболее впечатляющие переживания, чтобы утвердить то, что Реальность превосходит все определения. Мы обретаем формулу Индийских мудрецов нети-нетти “Не это, не то”; не существует опыта, способного вместить Его, не существует представления, при помощи которого Он может быть определен.

Непознаваемое, являющееся нам во многих ипостасях и атрибутах бытия, во множестве форм сознания, во множественном действии энергии, — это то, что Разум в конце концов может сказать о существовании, коим мы являемся, и которое мы видим во всем, что предстает пред нашим мышлением и чувствами. И именно через те ипостаси, те формы, ту деятельность должны мы достичь Непознаваемого и узнать его. Но если в опрометчивой спешке достичь Единства, которое наш разум может охватить и придерживаться его, если в нашей настойчивости ограничить Бесконечность нашим охватом мы отождествим Реальность с какой-либо одной определенной ипостасью бытия, какой бы чистой и вечной она ни была, с любым частным атрибутом, сколь общим и всеохватывающим он бы ни казался, с любой фиксированной формулировкой сознания, какой бы обширной она ни казалась, с любой энергией или деятельностью, сколь угодно неограниченной в своем применении, и если мы исключим все остальное, то наше мышление согрешит против Его непознаваемости и придет не к истинному единству, а к разделению Неделимого.

Эта истина, постигнутая в древние времена Ведантными Провидцами, оказалась настолько сильной, что выстояла даже после того, как они достигли коронного представления, постижимого опыта Сатчитананды в качестве высочайшего позитивного выражения Реальности для нашего сознания, и выстояла также тогда, когда они пришли к восприятию Асата, запредельного Не-Бытия, не являющегося окончательным существованием, чистым сознанием, бесконечным блаженством, все переживания которого предстают лишь выжимкой или деформацией. Если вообще можно сказать, что Сатчитананда состоит из существования, сознания и блаженства, то это описание лежит далеко за пределами самой высокой чистейшей позитивной формы, которой мы можем здесь обладать, и поэтому там существование, сознание и блаженство — нечто иное, чем то, что мы знаем здесь под этими именами. Буддизм, несколько произвольно провозглашенный теологами не-Ведантной доктриной, поскольку отвергал авторитет Писаний, все же возвращается к этому существенно Ведантному представлению. Единственно, позитивное синтезное учение Упанишад рассматривает Сат и Асат не как противоположности, разрушающие друг друга, а как последнюю антиномию, через которую мы можем поднять свой взор к Непознаваемому. И в операциях нашего позитивного сознания даже Единство должно придавать значение Множественности; ибо Множественность также есть Брахман. Именно посредством Видьи, Знания Тождества, мы знаем Бога без Авидьи, относительного множественного сознания, ночи тьмы и беспорядка Неведения. Однако если мы исключим поле того Неведения, если мы избавимся от Авидьи так, как если бы она была вещью несуществующей и нереальной, то само Знание станет разновидностью темноты и источником несовершенства. Тогда мы уподобляемся человеку, ослепленному светом, так что более не можем видеть поле, которое тот свет озаряет.

Таково учение — спокойное, мудрое и ясное наших самых древних мудрецов. Они имели терпение и силу для того, чтобы искать и познавать; также они обладали ясностью и смирением, чтобы допустить ограниченность нашего знания. Они осознали границы, где это знание должно перейти в нечто за пределами себя. И только позднее нетерпение сердца и разума, страстное влечение к окончательному блаженству или высокая власть чистого существования и острый интеллект стали искать Одно с отрицанием Множества, а потому восприняли дыхание высот, пренебрегая при этом сокровенными глубинами или чувствуя отвращение к ним. Но ровный глаз древней мудрости воспринял, что для реального познания Бога следует распознавать Его везде равным образом и без разделения, обдумывая и оценивая, а не руководствуясь противоположностями, через которые Он сияет.

Следовательно, должны мы отбросить резкое разделение частной логики, заявляющей, что поскольку Одно — реально, то Множество — иллюзия, и поскольку Абсолют — это Сат, единое существование, то относительное — это Асат и несуществование. И если во Множестве мы действительно распознаем Одно, то тем с благословением и откровением возвращаемся к Одному, утверждающему себя во Множестве.

Мы также должны предохранять себя от чрезмерной значимости, придаваемой нашим разумом частным точкам зрения, к которым он приходит при более мощных расширениях и переходах. Восприятие одухотворенного ума, свидетельствующее, что вселенная — это нереальная греза, не может иметь большего и какого-то абсолютного значения для нас, чем восприятие материалистического, говорящее, что Бог и Запредельное — иллюзорная идея. В одном случае разум, привыкший только к доказательствам чувств и связывающий реальность с материальными фактами, либо не приучен использовать иные средства познания, либо неспособен расширить представление о реальности до супра-физического опыта. В другом случае тот же разум, перескакивая к ошеломляющим переживаниям нематериальной реальности, попросту переносит ту же неспособность и сопутствующие ощущения грезы или галлюцинации в сферу опыта физических чувств. Но мы также воспринимаем ту истину, что эти два представления уродливы. Верно, что в этом мире форм, в котором мы находимся ради нашей само-реализации, ничто не становится полностью законным, пока им не завладеет физическое сознание и не проявит его на низших уровнях в гармонии с манифестацией на высочайших вершинах. Также верно, что представление о форме и материи, утверждающих себя в качестве само-существующей реальности, — иллюзия Неведения. Форма и материя могут быть законными лишь как форма и субстанция манифестации бестелесного и нематериального. Форма и материя по своей природе — суть акт божественного сознания, а по своей цели — суть представление статуса Духа.

Другими словами, если Брахман вошел в форму и представил Свое бытие в материальной субстанции, то лишь для того, чтобы насладиться само-манифестацией в образах относительного и феноменального сознания. Брахман находится в этом мире для того, чтобы представить Себя в ценностях Жизни. Жизнь существует в Брахмане, чтобы раскрыть Брахмана в себе. Поэтому значимость человека в этом мире состоит в том, что человек вносит в мир такое развитие сознания, в котором становится возможным его преобразование при помощи совершенного само-раскрытия. Исполнить Бога в жизни — вот настоящая зрелость человека. Человек стартует с животной витальности и ее деятельности, но его цель — божественное существование.

Но как в Мышлении, так и в Жизни, истинным правилом само-реализации является последовательный охват. Брахман выражает Себя во множестве последовательных формах сознания, последовательных в их связи, даже если они сосуществуют в бытии и во Времени, и Жизнь в своем само-раскрытии также должна восходить в вечно новые области собственного бытия. Но если при переходе от одной области к другой, в пылу нового приобретения мы откажемся от того, что уже было дано нам, если при достижении ментальной жизни мы отбросим или принизим физическую жизнь, являющуюся нашим базисом, или если мы отвергнем ментальное и физическое при нашем влечении к духовному, то мы не осуществим Бога интегрально, а также не удовлетворим условиям Его само-проявления. Мы не станем совершенными, а только сместим поле нашего несовершенства или, самое большее, достигнем ограниченной высоты. Как бы высоко мы ни взбирались, даже к самому Не-Бытию, мы наносим себе вред, если забываем нашу базу. Не бросать низшее на произвол судьбы, а преобразовывать его в свете высот, которых мы достигли — вот истинная божественность природы. Брахман интегрален и одновременно объединяет множество состояний сознания; также и мы, проявляя природу Брахмана, должны становиться интегральными и все-охватывающими.

Помимо отвращения от физической жизни, существует и другое преувеличение аскетического импульса, и это преувеличение исправляется идеалом интегральной манифестации. Узел Жизни — это взаимосвязь трех основных форм сознания: индивидуальной, вселенской и трансцендентной или супракосмической. В ходе обычной жизнедеятельности индивид рассматривает себя как отдельное существо, включенное во вселенную, а то и другое — как зависящее от того, что одинаково превосходит как индивида, так и вселенную. Именно эту Трансцендентность мы сейчас называем Богом, который, таким образом, становится в нашем представлении скорее экстра-космическим, чем супра-космическим. Из этого разделения следует принижение и приуменьшение зна-

чимости как индивида, так и вселенной: перечеркивание как космоса, так и индивида путем достижения Трансцендентного будет главным логическим заключением.

Интегральный взгляд на единство Брахмана избегает этих заключений. Точно также, как мы приходим к заключению, что не должны отказываться от телесной жизни ради достижения жизни ментальной и духовной, так же мы можем достичь точки зрения, в которой сохранение индивидуальной деятельности больше не несовместимо с нашим пониманием космического сознания или нашим достижением трансцендентного и супракосмического. Ибо Трансцендентность Мира охватывает вселенную, составляет одно с ней и не исключает ее, точно также, как вселенная охватывает индивида, составляет одно с ним и не исключает его. Индивид — это центр цельного вселенского сознания; вселенная — это форма и определение, населенные полной присущностью Бесформенного и Неопределимого.

В этом заключается истинная взаимосвязь, сокрытая от нас нашим неведением или неправильным осознанием вещей. Когда мы приходим к знанию или правильному осознанию, тогда ничто сущностно не меняется в вечной взаимосвязи, а только глубочайшим образом видоизменяется взгляд вовнутрь и вовне от индивидуального центра, а также, как следствие, меняется сам дух и его воздействие. Индивид все еще необходим для действия Трансцендентного во вселенной, и это действие не становится невозможным при озарении индивида. Напротив, поскольку сознательное проявление Трансцендентного в индивиде является тем средством, при помощи которого коллективное, вселенское также начинает осознавать себя, то вовлеченность освещенного индивида в действие мира становится императивной нуждой мировой игры. Если же законом является непреклонное отстранение через сам факт освещения, тогда мир приговорен к тому, чтобы вечно оставаться сценой безнадежной тьмы, смерти и страдания. И такой мир может быть только безжалостным испытанием или механической иллюзией.

Верно, что философия аскета стремится постичь это. Но индивидуальное спасение не может иметь реального смысла, если существование в космосе само по себе есть иллюзия. С Монистической точки зрения индивидуальная душа составляет одно со Всевышним, ее чувство отделенности является неведением, а уход от чувства отделенности и отождествление со Всевышним — ее спасением. Но кто тогда извлекает пользу из этого ухода? Не верховное “я”, ведь по предположению оно всегда и неотъемлемо свободно, спокойно, безмолвно, чисто. Не мир, ибо он постоянно пребывает в рабстве и не освобождается при бегстве любой индивидуальной души из вселенской иллюзии. Именно сама индивидуальная душа творит свое верховное благо, убегая от горя и разлада в мир и блаженство. Тогда получается, что индивидуальной душе присуща некая реальность, отделенная от мира и Всевышнего даже в случае освобождения и озарения. Однако для Иллюзионистов индивидуальная душа является иллюзией и не существует, кроме как в необъяснимой мистерии Майи. Поэтому мы приходим к бегству иллюзорно не-существующей души из иллюзорно не-существующего рабства в иллюзорно не-существующем мире, приходим как к верховному благу, которое несуществующая душа должна преследовать! Ибо вот последнее слово Знания: “Не существует ни пут, ни освобождения, ни поисков освобождения”. Видья оказывается в той же степени частью Феноменального, как и Авидья; Майя встречает нас даже в нашем бегстве и смеется над напыщенной логикой, силящейся разрубить узел ее мистерии.

Говорят, что эти вещи не могут быть объяснены; они суть изначальное неразрешимое чудо. Они предстают перед нами практическим фактом и должны быть приняты. Мы должны убежать из заблуждения при помощи заблуждения. Индивидуальная душа может только разрубить узел эго при помощи верховного акта эгоизма, путем исключительной привязанности к собственному индивидуальному спасению, доходящему до абсолютного утверждения своего отдельного существования в Майи. Нас призывают рассматривать другие души так, как если бы они были вымыслом нашего разума, и их спасение было бы неважным, а нашу собственную душу — исключительно так, как если бы она была полностью реальна, и единственной стоящей вещью было бы ее спасение. “я” прихожу к тому, чтобы считать свое персональное бегство из рабства реальным, тогда как остальные души, равно являющиеся мною, остаются в прежнем рабстве!

И только когда мы отбрасываем все непримиримые антиномии между “я” и миром, тогда все встает на свое место с помощью менее парадоксальной логики. Мы должны принять многосторонность манифестации, даже когда мы утверждаем единство Проявляемого. И разве это не истина преследует нас везде, куда бы мы ни бросили свой взор, пока мы наконец не увидим в истинном свете то, на чем останавливаем свой взгляд? В конце концов, разве совершенно естественная и простая мистерия Сознательного Бытия ограничена своим единством или своей множественностью? Оно “абсолютно” в том смысле, что будучи полностью свободным, может включать и устраивать на собственный лад все возможные термины своего само-выражения. Не существует ни ограничения, ни освобождения, ни поисков освобождения, — ибо То является совершенной свободой. Оно настолько свободно, что даже не ограничено своей свободой. Оно может играть так, как будто было бы ограничено, не будучи в действительности ввергнутым в путы рабства. Его цепи — это само-наложенное соглашение, его ограничения в эго — это переходный инструмент, который оно использует для того, чтобы произвести свою трансцендентность и универсальность в схеме индивидуального Брахмана.

Трансцендентное, Супракосмическое есть абсолют и свобода в себе за пределами Времени и Пространства и за пределами концептуальных противоположностей конечного и бесконечного. Но в космосе оно использует свою свободу само-формирования, свою Майя, для того, чтобы построить свою схему в дополнительных терминах единства и множественности, и это множественное единство оно утверждает в трех условиях: подсознательного, сознательного и сверхсознательного. Ведь в действительности мы видим, что Множественность, объективизированная в форму в нашей материальной вселенной, стартует с подсознательного единства, выражающего себя достаточно открыто в космическом действии и космической субстанции, но это единство не осознается Множественностью на поверхности. В сознательных условиях эго становится той поверхностной точкой, в которой может возникнуть осознание единства; но эго применяет свое ощущение единства к форме и поверхностному действию и, оказываясь не в состоянии принять в расчет все, что действует позади него, не может также представить себе, что оно едино не только в себе, но и с другими. Это ограничение вселенского “Я” в поделенном эго-ощущении составляет нашу несовершенную индивидуальную персональность. Но когда эго претупает пределы персонального сознания, оно начинает включать, и быть подавленным тем, что для нас сверхсознательно; оно начинает осознавать космическое единство и входит в Трансцендентное “я”, которое выражает здесь космос при помощи множественного единства.

Поэтому освобождение индивидуальной души является лейтмотивом ясного божественного действия; это первейшая божественная надобность и центр, вокруг которого все вращается. Это точка Света, в которой начинает возникать предначертанная полная само-манifestация во Множестве. Но освобождающаяся душа расширяет свое восприятие единства горизонтально в той же степени, как и вертикально. Ее единство с трансцендентным Одним неполно без ее единства с космическим Многим. И это последнее единство передает себя путем умножения, воспроизведения своего собственного освобожденного состояния в других точках Множественности. Божественная душа воспроизводит себя в аналогичных освобожденных душах подобно тому, как животное воспроизводит себя в сходных телах. Поэтому, всякий раз когда освобождается даже единственная душа, существует тенденция к расширению и даже ко вспышке того же божественного само-сознания в других индивидуальных душах нашего земного человечества и, — кто знает? — возможно, даже за пределами земного сознания. Где мы можем зафиксировать пределы того расширения? Является ли всецело легендой сказание о Будде, говорящее, что в то время как он стоял на пороге Нирваны, Не-Бытия, его душа обратилась назад и дала клятву не делать безвозвратного перехода до тех пор, пока на земле существует хотя бы одно существо, не освобожденное от пут страдания, от рабства эго?

Однако мы должны достичь высочайшего, не вычеркивая себя из космического существования. Брахман всегда сохраняет два Свои термина: свободы внутри и создания вовне, выражения и свободы от выражения. Мы тоже, будучи Тем, можем достичь того же божественного само-обладания. Гармония этих двух тенденций является условием всей жизни, нацеленной к реальной божественности бытия. Свобода, настаивающая на исключении того, что было превзойдено, неизбежно ведет по пути отрицания к отречению от того, что было Богом принято. Деятельность, настаивающая на погруженности в акте действия и энергии, ведет к утверждению низшего и отрицанию Высочайшего. И почему человек должен настаивать на разрыве с тем, что Бог объединяет и синтезирует? Быть совершенным подобно тому, как Он совершенен, — вот условие Его интегрально-достижения.

Через Авидья, Множественность, лежит наш путь из преходящего эгоистического само-выражения, в котором преобладает смерть и страдание; через Видья, соглашающуюся с Авидья благодаря совершенному чувству тождества даже в этой множественности, мы интегрально наслаждаемся бессмертностью и блаженством. Достигая Нерождения за пределами всех становлений, мы освобождаемся от этого низкого рождения и смерти; принимая Становление свободно, как Божественное, мы заполняем смертность бессмертным блаженством, и становимся светлыми центрами его сознательного само-выражения в человечестве.

ЧЕЛОВЕК ВО ВСЕЛЕННОЙ

Душа человека, путешественница, странствует в этом цикле Брахмана, в грандиозной тотальности жизни, тотальности ипостасей, мнящая себя отделенной от Движущей Силы этого путешествия. Принятая Им, она достигает своей цели Бессмертия.

Шветашватара Упанишада (I.6)

В постепенном раскрытии величайшей, трансцендентной, светлой Реальности с многочисленными относительностями этого мира, видимого нами, и тех иных миров, которые мы не видим в качестве средства и материала, положения и поля, заключается, как кажется, смысл вселенной, — поскольку она имеет смысл и цель и не является ни бесцельной иллюзией, ни какой-то случайностью. Ведь те же рассуждения, которые привели нас к заключению, что мировое существование не является обманчивой уловкой Разума, равным образом подтверждают тот вывод, что вселенная не является слепой беспомощной само-существующей массой разделенных феноменальных существований, сцепленных вместе и борющихся совместно так, как если бы это и было тем лучшим, что они могут предпринять в вечном круговороте, а также вселенная не является громадным само-созданием и само-побуждением невежественной Силы без какого-то бы ни было сокрытого внутри Интеллекта, осознающего свою начальную точку и цель, и направляющего свой ход. Существование, полностью само-осознающее и поэтому полностью распоряжающееся собой, обладает феноменальным бытием, в которое оно вовлечено, реализует себя в форме, раскрывает себя в индивидуе.

Это светлое Появление является той зарей, которую почитали древние Арийцы. Ее исполненное совершенство является той высочайшей ступенью миро-пропитывающего Вишну, которую они увидели подобно тому, как если бы глаз видения расширился в чистейших небесах Разума. Ибо это Появление уже существует в качестве само-раскрывающейся и само-наводящейся Истины вещей, которая наблюдает за миром и притягивает смертного человека, сначала без участия его сознательного разума, в ходе общего марша Природы, а затем осознанно, путем постепенного пробуждения и само-расширения, притягивает его к божественному восхождению. Восхождение к божественной Жизни — это путешествие человека, Работа работ, желанное Жертвоприношение. Единственно это является настоящим делом человека в мире и оправданием его существования, без которого он был бы только червем, копошащимся среди других эфемерных червей на поверхности склизкого комка грязи, который умудрился сформироваться посреди ужасающей безмерности физической вселенной.

Эта Истина вещей, которая должна возникнуть из феноменальных мировых противоречий, провозглашается бесконечным Блаженством и само-сознательным Существованием, единым повсюду, во всех вещах, во все времена и за пределами Времени, и осознающим себя за всеми этими явлениями, чьими даже наиболее интенсивными вибрациями деятельности или даже наиболее великой тотальностью эта Истина никогда не может быть ни выражена, ни ограничена; ведь она само-существует, и ее существование не зависит от ее манифестаций. Манифестации представляют Истину, но не исчерпывают ее; указывают на нее, но не раскрывают ее. Истина раскрывается лишь для себе, внутри своих проявленных форм. Сознательное существование, вовлеченное в форму, приходит, по мере своей эволюции, к познанию себя посредством интуиции, само-видения, само-переживания. Оно становится собой в мире, познавая себя; оно познает себя, становясь собой. Внутренне овладевая собой, оно также передает своим формам и модам сознательный восторг Сатчитананды. Это становление бесконечного Блаженства-Существования-Сознания в разуме, жизни и теле, — ведь в не зависимости от них оно существует вечно, — является предначертанным преображением и определяет ценность индивидуального существования. Через индивида оно проявляется в мировой взаимосвязи, причем даже так же, как само по себе существует в тождестве.

Непознаваемое, познающее себя в качестве Сатчитананды, является единым верховным утверждением Веданты; оно содержит все остальное, либо все остальное зависит от него. Это единственно подлинный опыт, остающийся после того, как все видимости учтены либо негативно — путем исключения их форм и оболочек, либо позитивно — путем сведения их имен и форм к неизменной истине, содержащейся в них. Для свершения жизни или для превосхождения жизни, какая бы чистота, спокойствие и свобода в духе ни была бы нашей целью или могуществом, радостью и совершенством, Сатчитананда является неизменным, вездесущим, неотъемлемо присутствующим термином, вечно искомым человеческим сознанием, будь то в знании и мнении, или в ощущении и действии.

Вселенная и индивид являются теми двумя сущностными видимостями, в которые спускается Непознаваемое и через которые оно должно быть достигнуто; ведь другие промежуточные сообщества порождены лишь

их взаимодействием. Это нисхождение верховной Реальности само-сокрыто по своей природе; и в этом нисхождении есть последовательные уровни, каждый из которых скрыт под своей вуалью. Поэтому освобождение неизбежно принимает форму восхождения; поэтому восхождение и освобождение обязательно сопутствуют друг другу. Ибо каждый следующий уровень в нисхождении Божественного является для человека ступенью его восхождения; каждая оболочка, скрывающая неизвестного Бога, для почитателя Бога и ищущего Бога становится инструментом Его раскрытия. Из размеренного сна материальной Природы, не ведающей о Душе и Идее, поддерживающих упорядоченную активность Природной энергии даже в онемевшем и самом материальном трансе, мир пробивается к более быстрому, изменчивому и неупорядоченному ритму Жизни, трудящейся на грани само-сознания. Из Жизни мир пробивается вверх к Разуму, в котором единица начинает сознавать себя и мир, и в этом пробуждении вселенная приобретает средство, требуемое для ее верховной работы, она обретает само-сознающую индивидуальность. И Разум продолжает эту работу, но не завершает ее. Разум — это трудяга проникательного, но ограниченного интеллекта, работага, берущий путанный материал, представляемый Жизнью, и после улучшения, адаптации, варьирования, классификации этого материала собственными силами, он передает его верховному Мастеру нашего божественного возмужания. Тот Мастер пребывает в Сверхразуме, ибо Сверхразум есть Сверхчеловек. Поэтому наш мир все еще должен подниматься за пределы Разума к более высокому принципу, более высокому статусу, более высокому динамизму, в котором вселенная и человек осознают и овладевают тем, чем они оба являются, становятся понятными друг другу и гармоничными по отношению друг к другу, объединяются.

Путаница жизни и разума сходит на нет при раскрытии тайного порядка, более совершенного, чем физический. Материя, лежащая под жизнью и разумом, содержит в себе баланс между совершенным равновесным спокойствием и действием безмерной энергии, но не обладает тем, что содержит. Покой Материи носит тупую маску темной инерции, представляется сном бессознания или, правильнее, притупленного заключенного сознания. Движимая силой, являющейся ее настоящим “я”, но замысел которой она еще не может ни охватить, ни разделить, материя не обладает пробужденной радостью собственных гармоничных энергий.

Жизнь и разум разбужены ощущением этой потребности в форме борющегося и ищущего неведения и взбаламученного и сбивчивого желания, представляющих первые шаги к само-знанию и само-свершению. Но где находится царство этого само-свершения? Оно приходит к ним при превышении самих себя. За пределами жизни и разума мы сознательно восстанавливаем в своей божественной истине то, что грубо представлено в балансе материальной Природы — спокойствие, не являющееся ни инерцией, ни изолирующим трансом сознания, а являющееся концентрацией абсолютной силы и абсолютного само-осознания, и также действием безмерной энергии, являющимся одновременно захватывающим невыразимым блаженством, поскольку каждый акт есть выражение не потребности и невежественного напряжения, а абсолютного покоя и само-господства. В этом достижении наше неведение реализует свет, слабым отражением которого оно было; наши желания тонут в избылии и свершении, к которым они смутно и безуспешно стремились даже в самой грубой материальной форме.

Вселенная и индивид необходимы друг другу в своем восхождении. В действительности они всегда существуют друг для друга и извлекают из этого взаимную пользу. Вселенная есть растворение божественного Всего в бесконечном Пространстве и Времени, а индивид — его концентрация в пределах Пространства и Времени. Вселенная в бесконечном расширении ищет божественной тотальности, которой, как она чувствует, она должна быть, но не может полностью это реализовать; ведь в расширенном существовании правит множественная сумма сама по себе, которая не может быть ни отправной, ни конечной точкой, а только непрерывной десятичной дробью без конца и начала. Поэтому вселенная создает в себе само-сознательные сгустки Всего, через которые она может устремляться. В сознательном индивиде Пракрити оборачивается назад, чтобы постичь Пурушу, Мир ищет свое Я; Бог стремится полностью охватить Природу, Природа ищет последовательного становления Бога.

С другой стороны, именно вселенная заставляет индивида реализовать себя. Вселенная является не только его основанием, его средством, его полем, веществом божественной Работы; а также, поскольку средоточие вселенской Жизни, представляющее индивида, ограничено некими пределами и не свободно, подобно глубокому единству Брахмана, от любых представлений ограничения и выражения, то индивид неизбежно должен универсализоваться и обезличиться для проявления божественного Всего, своей реальности. И все же индивид призван сохранить, даже когда максимально расширяется в универсальности сознания, таинственное трансцендентное нечто, чему его ощущение личности дает смутное и эгоистическое толкование. В противном случае индивид пропустит свою цель, и поставленная пред ним задача не будет решена, божественная работа, для которой он был рождение, не будет выполнена.

Вселенная приходит к индивиду как Жизнь, — как динамизм, полной тайной которого он должен овладеть, и как масса сталкивающихся исходов, водоворот потенциальных энергий, из чего он должен выстроить некий верховный порядок и некую еще нереализованную гармонию. В конце концов, именно это составляет реальное

ощущение прогресса человека. Это не просто переутверждение в несколько других выражениях того, что физическая Природа уже исполнила. А также идеалом человеческой жизни не может быть животный идеал, повторенный на более высокой отметке ментальности. Напротив, любая система или устройство, гарантирующие сносное бытие и умеренное ментальное удовлетворение, остановили бы наше продвижение. Животное удовлетворено крохами необходимости; боги согласны с их роскошью. Но человек не может навечно успокоиться, пока не достигнет некоего высочайшего блага. Он является величайшим из живых существ, поскольку он наиболее неудовлетворен, поскольку больше всех чувствует давление ограничений. Человек, возможно, — единственное существо, способное с божественным безумием устремиться к далекому идеалу.

Поэтому, с точки зрения к Жизненному Духу, индивид, в котором потенциальности сконцентрированы, является пре-восходящим Человеком, Пурушей. Именно Сын Человека способен к верховной инкарнации Бога. Этот Человек есть Ману, мыслитель, Маномая Пуруша, ментальная персона или душа в разуме, как говорили древние мудрецы. Человек не является просто верховным млекопитающим, а он — это зарождающаяся душа, базирующаяся в животном теле Материи. Он — это сознательное Имя или Ноумен, принимающее форму и использующее ее как среду, через которую Личность может иметь дело с субстанцией. Животная жизнь, появляющаяся из Материи, суть только низший термин существования человека. Жизнь мышления, чувства, воля, сознательный порыв, что мы в тотальности именуем Разумом, то, что силится завладеть Материей и ее витальными энергиями и подчинить их закону собственной постепенной трансформации, составляет средний термин, в котором человек занимает действенное место. Но равным образом существует некий высший термин, которого ищет Разум в человеке, обретя который, он может утвердить его в своем ментальном и телесном существовании. Это практическое утверждение чего-то существенно высшего по отношению к его теперешнему “я”, составляет базис божественной жизни в человеческом существе.

Пробужденный к более глубокому само-знанию, чем его первое ментальное представление о самом себе, Человек начинает постигать некую формулу и воспринимать некоторую видимость вещей, которую он должен утвердить. Но это знание является ему как бы балансирующим между двумя своими отрицаниями. Если, выходя за пределы своих теперешних достижений, человек воспринимает или прикасается к мощи, свету, блаженству само-сознательного бесконечного существования и переводит свое мышление или свое переживание этого в выражения, удобные для оперирования своей ментальности — Бесконечность, Вездесущность, Всемогущество, Бессмертие, Свобода, Любовь, Великолепие, Бог — то все же солнце его видения кажется светящим между двумя Ночами — темнотой внизу и непроглядной тьмою запредельного. Ведь когда человек неистово стремится познать, то ему кажется, что он вступает в нечто, что ни одно из этих выражений, ни их сумма не может представить. Его разум в конечном итоге отрицает Бога ради Запредельного, либо, по крайней мере, человеку кажется, что он находит Бога, превосходящего Себя, отрицающего Себя в представлении. Также и здесь, в мире, в себе и вокруг себя, человек всегда встречает противоположности своего утверждения. Смерть всегда рядом, ограничения блокируют его бытие и опыт; ошибки, несознательность, слабость, инерция, горе, боль, зло постоянно противостоят его усилию. Здесь также он принуждается к отрицанию Бога, или, по крайней мере, кажется, что Божество отрицается или прячется в некоей видимости или исходе, отличающемся от истинной вечной реальности.

И выражения этого отрицания не являются, подобно другим далеким отрицаниям, непостижимыми и поэтому естественно таинственными, непознаваемыми человеческим разумом, а кажутся познаваемыми, известными, определенными — и все же таинственными. Человек не знает, чем они на самом деле являются, почему они существуют, как они приходят в бытие. Он видит ход вещей так, как они воздействуют на него, являются пред ним; он не может вникнуть в их сущностную реальность.

Может быть, эти отрицания неизмеримы, возможно, они также в действительности непостижимы в своей сущности? Или, быть может, они и не имеют сущностной реальности — а суть иллюзия, Асат, не-бытие. Верховное Отрицание является нам временами как Ничто, Не-Существование; это низшее отрицание может также быть, в своей сущности, Ничто, не-существованием. Однако, подобно тому, как мы уже отбросили подобное бегство от трудности при рассмотрении высочайшего Отрицания, так же мы отвергнем его при рассмотрении этого низшего Асата. Полностью отвергать реальность низшего отрицания или искать ухода от него как от губительной иллюзии — означает отбрасывать проблему и уклоняться от своей работы. Для Жизни все эти вещи, кажущиеся отрицаниями Бога, кажущиеся противоположностями Сатчитананды, — реальны, даже если они оказываются преходящими. Они и их противоположности: добро, знание, радость, удовольствие, жизнь, выносливость, сила, мощь, рост — являются самим материалом работы Жизни.

Вероятно, в действительности эти отрицания являются результатом или, скорее, неотъемлемыми спутниками, но не иллюзии, а неправильной связи, неправильной постольку, поскольку она базируется на ложном представлении о том, чем является индивид во вселенной и, как следствие, на ложной позиции, занимаемой индивидом и вселенной по отношению к Богу и Природе, по отношению к “я” и окружающей обстановке. Поскольку то, чем человек стал, не гармонирует как с миром, его местожительством, так и с тем, чем он дол-

жен стать, то человек и подвержен этим противоречиям тайной Истины вещей. В таком случае они являются не наказанием за падение, а условием прогресса. Они составляют первые элементы работы, которую человек должен выполнить, ценой, которую он должен заплатить, чтобы выиграть желаемую корону, они образуют тот узкий путь, по которому Природа убегает из Материи в сознание; эти противоречия — одновременно ее искупление и ее фонд.

Ибо из этих ложных связей и с их помощью должна быть найдена истина. С помощью Неведения должны мы перешагнуть через смерть. Также Веда таинственно говорит об энергиях, подобных женщинам, пагубных в порывах, сбивающим с пути, причиняющим боль своему Господину, но которые все же через ложь и несчастье, в конце концов строят “эту обширную Истину”, Истину, являющуюся Блаженством. И не тогда, когда человек изгонит из себя Природного дьявола в акте моральной хирургии или отрешенно расстанется с жизнью, а когда он обратит Смерть в более совершенную жизнь, поднимет малые вещи человеческих ограничений в великие вещи божественной обширности, трансформирует страдание в блаженство, преобразует зло в надлежащее добро, переведет ошибки и ложь в их сокрытую истину, то тогда жертва будет принята, путешествие, предпринятое Небесами и Землей, завершится в блаженстве Всевышнего.

Но как же такие противоположности могут обратиться друг в друга? С помощью какой алхимии свинец смертности может быть превращен в золото божественного Бытия? Разве не в том случае, если они противоположны не по сути? Если они — это проявление одной Реальности, тождественной в субстанции? Тогда в действительности божественная трансмутация становится постижимой.

Мы видели, что запредельное Не-Бытие может равным образом предстать непостижимым существованием и, возможно, невыразимым Блаженством. По крайней мере, Нирвана Буддизма, сформулировавшего одно наиболее светлое усилие человека достичь этого высочайшего Не-Существования и успокоиться там, представляется в психологии все еще освобождающейся земли в качестве невыразимого мира и спокойствия; ее практический эффект заключается в угасании всех страданий через исчезновение всех эгоистических представлений или ощущений, и самое близкое позитивное представление о Нирване заключается в том, что это некое невыразимое Блаженство (если можно как-то назвать мир столь пустынный), в котором даже понятие само-существования кажется поглощенным и исчезает. Это Сатчитананда, к которой мы более не можем отважиться применить даже верховные термины Сат, Чит и Ананда. Ведь все термины аннулируются, и весь познавательный опыт превосходит.

С другой стороны, мы осмелились предположить, что поскольку все — одна Реальность, и это низшее отрицание тоже, то это другое противоречие или не-существование Сатчитананды является ни чем иным, как самой Сатчитанандой. Эти отрицания можно постичь интеллектом, воспринять видением, даже получить в ощущении как поистине то, что, как кажется, они отрицают, и так будет всегда для нашего сознательного опыта, если вещи не фальсифицированы некоей великой фундаментальной ошибкой, неким завладевшим и вынуждающим Неведением, Майей или Авидья. В этом смысле решение может быть найдено, но, возможно, не как метафизическое решение, удовлетворительное для логического ума, -ведь мы стоим на самой границе непознаваемого, невыразимого, и вглядываемся в запредельное — а как достаточный базис, на котором можно основывать переживания для практики божественной жизни.

Чтобы сделать это, должны мы отважиться спуститься ниже видимой поверхности вещей, на которой разум любит пребывать, спуститься для того, чтобы исследовать обширное и темное, проникнуть в бездонные глубины сознания и отождествить себя с ипостасями бытия, которыми мы сейчас не обладаем. Человеческий язык — плохой помощник в таком деле, но, по крайней мере, мы можем найти в нем некоторые символы и образы, сможем вернуться из нашего исследования с некими ощутимыми намеками, которые помогут свету души и набросят на разум некое отражение невыразимого построения.

ЭГО И ДВОЙСТВЕННОСТИ

Душа, сидящая на том же древе Природы, поглощена горестями мира, сбита с толку и опечалена оттого, что она не Господь, но когда она прозревает и соединяется с теми другими “я” и величием того, что есть Господь, тогда печаль уходит прочь.

Шветашватара Упанишада (IV.7)

Если все в действительности — Сатчитананда, то смерть, страдание, зло, ограничения могут быть только порождениями, позитивными в практическом воздействии, негативными по существу, искаженного сознания, выпавшего из полного и унифицированного знания и впавшего в ошибку разделения и частного опыта. Это падение человека поэтически отражено в древнееврейской Книге Бытия. То падение является отклонением от полного и чистого принятия Бога и себя или, вернее, Бога в себе, и впадением в разделяющее сознание, что тянет за собой всю цепочку двойственностей: жизнь и смерть, добро и зло, наслаждение и боль, насыщенность и желание — плоды разделенного бытия. Это тот плод, который вкусили Адам и Ева, Пуруша и Пракрити, душа, искушенная Природой. Искушение приходит с возвращением вселенского в индивида и с восстановлением духовного термина в физическом сознании. Только тогда душа в Природе может быть допущена к тому, чтобы съесть плоды древа жизни, стать подобной Божеству и жить во веки веков. Ведь только тогда цель нисхождения Божественного в материальное сознание может быть достигнута, когда знание добра и зла, радости и страдания, жизни и смерти станет достоянием человеческой души при ее возвращении к высшему знанию, которое примиряет и отождествляет эти противоположности во вселенной и преобразует эти разделения в образы божественного Единства.

По отношению к Сатчитананде, расширенной во все вещи в широчайшей всеобщности и беспристрастной универсальности, смерть, страдание, зло и ограничения, могут быть, самое большее, обратными выражениями, теньвыми формами соответствующих светлых противоположностей. Так, как эти вещи чувствуются нами, они являются потоками разногласия. Они формулируют разделение там, где должно быть единство, непонимание — там, где должно быть понимание, попытку достичь независимой гармонии — там, где должна быть само-адаптация в согласованном целом. Всякая тотальность, даже укладываемая в одну схему вселенских вибраций, даже будучи только тотальностью физического сознания без обладания всем тем, что движется за пределами и позади нее, должна в известной степени быть обращением к гармонии и примирением диссонирующих противоположностей. С другой стороны, для Сатчитананды, превосходящей формы вселенной, двойственные термины сами по себе, даже так понятые, не могут более быть приемлимыми. Трансцендентность преобразует; она в действительности не примиряет, а скорее превращает противоположности в нечто, превосходящее их, что стирает их противостояние.

Тем не менее, прежде всего, мы должны стараться снова связать индивида с гармонией тотальности. Нам необходимо, — в противном случае не существует решения проблемы, — осознать, что термины, в которых наше теперешнее сознание представляет значение вселенной, хотя и практически оправданы для целей человеческого опыта и прогресса, но не являются единственными терминами, в которых можно представить их, и не могут быть полными, правильными, конечными формулами. Точно также, как могут существовать органы чувств или образования чувственных способностей, которые иначе и, возможно, лучше, в силу большей полноты, воспринимают физический мир, чем наши органы чувств и чувственные возможности, также могут существовать другие ментальные и супраментальные представления вселенной, превосходящие наши собственные. Существуют состояния сознания, в которых Смерть является только сменой в бессмертной Жизни, боль — насильственным откатом вод вселенского блаженства, ограничение — отклонением Бесконечного от себя, зло -вращением добра относительно собственного совершенства; и это не только абстрактная концепция, а существующее в реальном видении и неизменном сущностном опыте. Достижение таких состояний сознания — это, возможно, один из наиболее важных и совершенно необходимых шагов индивида в его продвижении к само-совершенству.

Конечно, практические оценки, даваемые нашими чувствами и двойственным чувство-разумом, должны правильно отражать реальности нашего двойственного мира и быть принятыми нами в качестве стандарта обычного жизненного опыта до тех пор, пока не будет готова большая гармония, в которую наши чувственные инструменты смогут вступить и преобразовать себя без потери опоры на реальности, которые они представляют. Расширение чувств-дарований без знания, дающего старым чувственным оценкам их правильную интерпретацию с новой точки зрения, могло бы привести к серьезным нарушениям и неспособностям, могло бы оказаться непригодным для практической жизни и упорядоченного использования разума. Равным образом,

расширение нашего ментального сознания за пределы опыта эгоистических двойственностей в нерегулируемое единство с некой формой тотального сознания могло бы легко внести сумятицу и неспособность к активной жизни в установленном порядке мировых относительностей. Это, без сомнения, является истоком предписания, наложенного в Гите на человека, знающего о том, что не следует возмущать базис жизни и базис мышления невежественных людей; ибо, побуждаемые его примером, но неспособные всецело охватить принцип его действия, эти люди утратили бы собственную систему ценностей и не достигли бы более высокого основания.

Такое нарушение и неспособность могут быть приняты лично и приняты многими великими душами в качестве временного переходного явления или цены, которую следует уплатить, чтобы вступить в более широкое существование. Однако верной целью человеческого продвижения должна всегда быть действенная и синтезная переинтерпретация, посредством которой закон того более широкого существования может быть представлен в новом порядке истин и в более непосредственной и могущественной работе этих способностей над жизненным материалом вселенной. Для чувств солнце вращается вокруг земли; это было для них центральной истиной, и жизненные движения были выстроены на базисе этого неверного представления. Истина в точности противоположна, но ее открытие принесло бы мало пользы, если бы не наука, сделавшая новое представление центром разумного и упорядоченного знания, придав правильную оценку восприятиям чувств. Точно также для ментального сознания Бог вращается вокруг персонального эго, и вся Его работа и Его пути предстают пред судом наших эгоистичных чувств, эмоций и представлений, которые дают им оценку и накладывают свои интерпретации, которые, хотя и являются извращением и обращением истины вещей, все же полезны и практически достаточны при определенном развитии человеческой жизни и прогресса. Эти ценности являются грубой практической систематизацией нашего переживания вещей, законной до тех пор, пока мы пребываем в определенном порядке представлений и деятельности. Но они не представляют последнее и высочайшее состояние человеческой жизни и знания. «Истина — это путь, а не обман». Истина заключается не в том, что Бог вращается вокруг эго как вокруг центра существования и может быть им судим с точки зрения двойственностей, а в том, что само Божество есть центр, и в том, что опыт индивида только тогда находит настоящую собственную истину, когда эта истина познана в терминах вселенского и трансцендентного. Тем не менее, замена эгоистического представления на это представление, без адекватной базы знания, может привести к замене старых идей на новые, но все же на ложные и произвольные идеи, и может насильственно вызвать беспорядок вместо того, чтобы внести регулируемое расстройство исправных ценностей. Такое расстройство часто знаменует рождение новых философий и религий и инициирует полезные революции. Но истинная цель станет достижимой лишь тогда, когда мы сможем сгруппировать вокруг правильного центрального представления обоснованное и действенное знание, в котором эгоистическая жизнь заново откроет все свои ценности в трансформированном и исправленном виде. Тогда мы овладеем тем новым порядком истин, с помощью которого сможем заменить на более божественную жизнь то существование, которое мы сейчас ведем, и сможем задействовать более божественное и более могущественное использование наших способностей на жизненном материале вселенной.

Та новая жизнь и мощь человеческого целого обязательно должны покоиться на реализации величайших истинностей, что переводило бы на язык постижимых нами вещей природу божественного существования. Человечество должно идти через отречение эго от своей ложной точки зрения и ложных уверенностей, через его вступление в правильную связь и гармонию с тотальностями, часть которых составляет человечество, и с трансцендентностями, откуда оно спустилось, и через его совершенное само-открытие к истине и закону, превосходящим его условности, — к истине, которая явится его исполнением и законом, которая явится его извращением. Целью человечества должен быть отказ от тех ценностей, которые являются порождением эгоистической точки зрения на вещи; его венцом должно стать превосхождение ограничения, неведения, смерти, страдания и зла.

Это превосхождение, этот отказ невозможны здесь на земле и в нашей человеческой жизни, если выражения той жизни строго ограничены нашими эгоистическими ценностями. Если жизнь по своей природе составляет индивидуальное явление, и не является отражением вселенского существования и дыхания могущественного Жизненного Духа, если двойственности, являющиеся реакциями индивида на его контакты — не просто реакции, а само существо и условие всей жизни, если ограничение — это неотъемлемая природа субстанции, из которой сформированы наш разум и тело, если дезинтеграция при смерти является первым и последним условием всей жизни, ее концом и ее началом, если удовольствие и боль составляют неразделимое двойственное вещество всех ощущений, если радость и печаль необходимо предстают светом и тенью всякого ощущения, если истина и ошибка — это два полюса, между которыми вечно должно колебаться всякое знание, тогда превосхождение осуществимо лишь при отказе от человеческой жизни, в Нирване, за пределами всего существования, или при достижении иного мира, неких небес, совершенно иначе устроенных, чем эта материальная вселенная.

Не так то легко обыденному разуму человека, всегда привязанному к своим прошлым и настоящим связям, постичь некое существование, все еще являющееся человеческим, и все же радикально измененным по

части того, что теперь является нашими неизменными обстоятельствами. Наше положение по отношению к возможной высочайшей эволюции во многом напоминает положение первозданной Обезьяны теории Дарвина. Для той обезьяны, ведущей свою инстинктивную древесную жизнь в первобытных лесах, было бы невозможным постичь, что когда-то наступит день некоего животного на земле, которое будет использовать новое дарование, называемое разумом, и станет применять его к материалам своего внутреннего и внешнего существования, что это животное с помощью новой своей мощи превзойдет свои инстинкты и привычки, изменит условия своей физической жизни, построит для себя каменные дома, будет манипулировать силами природы, покорит море и воздух, разработает законы поведения, разовьет сознательные методы своего ментального и духовного развития. И если такое представление было бы возможным для разума Обезьяны, все же ей было бы трудно вообразить, что в ходе какого-то Природного процесса или с помощью длительного усилия Воли и в каком-то стремлении она сама смогла бы развиться в такое животное. Человек, поскольку он обладает разумом и, даже больше, поскольку потакает своей мощи воображения и интуиции, в состоянии постичь существование более высокое, чем свое собственное, и даже исследовать свое персональное восхождение в то существование, лежащее за пределами теперешнего состояния. Его идея о верховном состоянии является абсолютном всего, что позитивно в его собственном представлении и желаемо в его собственном инстинктивном стремлении, — Знание без негативной тени ошибки, Блаженство без его отрицания в опыте страдания, Мощь без постоянного отрицания неспособностью, чистота и великолепие бытия без противоположного ощущения дефекта и ограничения. Так Человек постигает своих богов; так он строит свои небеса. Но не так его рассудок воспринимает возможную землю и возможное человечество. Его мечта о Боге и Небесах в действительности является мечтой своего собственного совершенства; человек наталкивается здесь ту же трудность в принятии практической реализации своей конечной цели, какую бы встретила Обезьяна, неизменно воспроизводящая самую себя, если бы попыталась вообразить в себе будущего Человека. Его воображение, его религиозные стремления могут удерживать ту цель пред ним; но, когда его рассудок утверждает свои права, отбрасывая воображение и трансцендентную интуицию, он делает это с блистательным предрассудком вопреки строгим фактам материальной вселенной. Тогда человек приходит лишь ко внушенному видению невозможного. Все то, что возможно — это обусловленное, ограниченное и сомнительное знание, счастье, мощь и добро.

И все же в самом принципе разума присуще утверждение Трансцендентности. Ибо разум в своей полной цели и существе преследует Знание, ищет Истину путем исключения ошибки. Его взгляд, его цель заключается не в переходе от большей ошибки к меньшей; разум предполагает позитивную, предсуществующую Истину, к которой мы можем последовательно двигаться через двойственности верного и неверного знания. Если наш разум не обладает той же инстинктивной уверенностью по отношению к другим человеческим стремлениям, то это оттого, что ему недостает того же сущностного озарения, внутренне присущего ему в его собственной позитивной деятельности. Мы можем сразу же постичь только позитивную или абсолютную реализацию счастья, поскольку сердце, которому свойственен инстинкт счастья, обладает собственной формой уверенности, способно к вере, и поскольку наш разум может предусмотреть устранение неудовлетворенного желания, являющегося видимой причиной страдания. Но как мы можем постичь устранение боли из нервных ощущений или изгнание смерти из жизни тела? Все же устранение боли является суверенным инстинктом чувств, а устранение смерти — доминирующим требованием, внутренне присущим существу нашей витальности. Но эти вещи представляются нашему рассудку инстинктивными стремлениями, а не реализуемыми потенциальностями.

Тем не менее, тот же закон должен быть выдержан везде. Ошибка практического рассудка заключается в преувеличенной подчиненности кажущемуся факту, который он может непосредственно чувствовать как реальный, а также недостаточная отвага выведения глубочайших фактов потенциальности до их логического заключения. То, что есть, является реализацией предшествующей потенциальности; настоящая потенциальность является ключом к будущей реализации. И здесь сокрыта потенциальность; ведь господство над явлениями зависит от знания их причин и их хода, и если мы знаем причины ошибки, страдания, боли, смерти, то мы можем трудиться с некоторой надеждой устранить их. Ибо знание есть сила и господство.

В действительности, мы преследуем по мере возможности, как идеал, устранение всех этих негативных или обратных явлений. Мы постоянно стремимся свести к минимуму причины ошибки, боли и страдания. Наука, по мере накопления знаний, грезит о регулируемом рождении и бесконечно продленной жизни, если не о победе над смертью. Но поскольку мы изучаем только внешние или вторичные причины, то можем мечтать лишь о том, чтобы несколько отодвинуть их, а не уничтожить настоящие корни того, против чего мы боремся. Поэтому мы ограничены в силу того, что стремимся ко вторичным постижениям, а не к коренному знанию, потому что мы познаем лишь ход вещей, а не их сущность. Таким образом мы достигаем более мощного манипулирования обстоятельствами, а не сущностного контроля. Но если мы могли бы охватить сущностную природу и сущностную причину ошибки, страдания и смерти, то могли бы надеяться достичь господства над ними, господства, которое было бы не относительным, а полным. Мы могли бы даже надеяться устранить их навсегда и тем самым оправдать влиятельный инстинкт нашей природы путем завоевания того абсолютного добра, бла-

женства, знания и бессмертия, которые воспринимаются нашей интуицией как истинное и окончательное условие человеческого бытия.

Древняя Веданта предлагает нам такое решение в представлении и переживании Брахмана как одного вселенского и сущностного факта, и в переживании природы Брахмана как Сатчитананды.

С этой точки зрения сущностью всей жизни является движение вселенского и бессмертного существования, сущностью всех ощущений и эмоций является игра вселенского и само-существующего блаженства бытия, сущностью всего мышления и восприятия является излучение вселенской и все-проникающей истины, сущностью всякой деятельности является продвижение вселенского и само-свершающегося блага.

Но эта игра и движение воплощается во множественности форм, в разнообразии тенденций, во взаимной игре энергий. Множественность допускает взаимодействие детерминистического и временно изменчивого фактора, допускает индивидуальное эго; и природой эго является само-ограничение сознания через неведение об остальной игре и через исключительную его погруженность в одну форму, в одну комбинацию тенденций, в одно поле движения энергий. Эго является фактором, определяющим реакции в виде ошибки, печали, боли, зла, смерти; ведь оно придает эти оценки тем движениям, которые в противном случае, в их правильной связи, представляли бы одно Существование, Блаженство, Истину и Добро. Восстанавливая правильную связь, мы можем устранить реакции, определяемые эго, сведя их в конечном итоге к их настоящим ценностям; и это восстановление может осуществиться при правильном участии индивида в сознании тотальности и в сознании трансцендентности, представляемой тотальностью.

В поздней Веданте медленно проклевывалось и наконец прочно обосновалось представление о том, что ограниченное эго является не только причиной двойственностей, но и сущностным условием существования вселенной. Путем избавления от неведения эго и вытекающих из него ограничений, мы в действительности устраняем двойственности, но вместе с ними устраняем и наше существование в космическом движении. Таким образом, мы возвращаемся к сущностно порочной и иллюзорной природе человеческого существования и тщетности всякого усилия к совершенствованию мира. Относительное добро всегда стыкуется со своей противоположностью — это все, что мы можем здесь почерпнуть. Но если мы останемся верными большему и более глубокому представлению о том, что эго является только промежуточным представителем нечто за пределами самого себя, то избегаем этого вывода и можем применять Веданту для исполнения жизни, а не для того, чтобы избежать жизни. Сущностная причина и условие вселенского существования есть Господь, Ишвара или Пуруша, проявляющийся в индивидуальной и вселенской формах и занимающий их. Ограниченное эго — это только промежуточное явление сознания, необходимое в ходе определенной линии развития. Следуя этой линии, индивид может достичь того, что находится за его пределами, за пределами того, что он представляет, и все же продолжать представлять это, но не в качестве темного и ограниченного эго, а в качестве центра Божественного и вселенского сознания, охватывающего, использующего и трансформирующего в гармонию с Божественным все индивидуальные определенности.

Подведем итоги. Проявление божественного Сознательного Бытия в тотальности физической Природы служит основанием для существования человека в материальной вселенной. Проявление того Сознательного Бытия в инволюционных и неизбежно эволюционирующих Жизни, Разуме и Сверхразуме служит условием нашей деятельности; ведь именно эволюция дала человеку возможность появиться в Материи, и именно эта эволюция позволяет ему постепенно проявлять Бога в теле — осуществлять вселенскую Инкарнацию. Эгоистическая формация — это промежуточный решающий фактор, позволяющий Одному появиться как сознательное Множество из той неопределенной тотальности, общей, темной и бесформенной, которую мы называем подсознательным — хрдья самудра (hrdya samudra), срединного океана Риг Веды. Двойственности жизни и смерти, радости и печали, удовольствия и боли, истины и ошибки, добра и зла служат первыми образованиями эгоистического сознания, являются естественным и неизбежным продуктом его попытки реализовать единство в своей искусственной конструкции, исключая тотальную истину, добро, жизнь и восторг бытия во вселенной. Растворение этой эгоистической конструкции путем само-открытия индивида ко вселенной и к Богу служит средством того верховного исполнения, по отношению к которому эгоистическая жизнь является только прелюдией, подобно тому, как животная жизнь была только прелюдией к человеческой. Это верховное исполнение подводит к реализации Всего в индивиде путем трансформации ограниченного эго в сознательный центр божественного единства и свободы. Божественным результатом, к которому движутся циклы нашей эволюции, является истечение бесконечного абсолютного Существования, Истины, Добра и Восторга бытия на Множественность мира. Это верховное рождение, которое материальная Природа содержит в себе; этим путем она стремится к освобождению.

МЕТОДЫ ВЕДИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Скрытое “я” во всем бытии не видимо, но видимо посредством верховного разума, тонкого, — теми, кто имеет тонкое видение.

Катха Упанишада (I.3.12.)

Но в чем тогда заключается работа этой Сатчитананды в мире и в ходе какого процесса сначала формируется, а затем полностью устанавливается связь между ней и эго, представляющим ее? Ведь от тех связей и того процесса зависит полная философия и практика божественной жизни человека.

Мы достигаем представления и знания божественного существования благодаря тому, что превосходим видимость чувств и вглядываемся через стену физического разума. До тех пор, пока мы ограничиваемся видимостью чувств и физическим сознанием, мы не можем ни воспринять, ни узнать ничего, кроме материального мира и его явлений. Но определенные способности позволяют нашей ментальности достичь представлений, которые мы в действительности можем вывести рациональным путем или посредством воображимой вариации фактов физического мира, какими мы их видим, но эти представления не подкрепляются никакими чисто физическими данными или каким-то физическим опытом. Первым из этих инструментов является чистый разум.

Человеческий разум обладает двойным действием — смешанным или зависимым и чистым или суверенным. Разум прибегает к смешанному действию, когда ограничивается кругом нашего чувственного опыта, принимает закон этого опыта в качестве окончательной истины и занимает себя лишь изучением явления, или лучше сказать, поглощен видимостью вещей в их связях, процессах и использовании. Это рациональное действие не способно познать то, что на самом деле представляют собой вещи, оно познает только то, что видится, оно не имеет лота, с помощью которого могло бы прозондировать глубины бытия, оно может лишь обозреть поле становления. С другой стороны, разум утверждает свое чистое действие, когда, принимая наш чувственный опыт в качестве отправной точки, но отказываясь быть ограниченным им, он выходит за его пределы, выносит суждения, работает по своему праву и стремится достичь общих и неизменных концепций, которые прикрепляются не к видимости вещей, а к тому, что стоит за их видимостью. Разум может достичь результата путем прямого суждения, непосредственно переходя от видимости к тому, что стоит за ней, и в этом случае может показаться, что достигнутое представление является результатом чувственного опыта и зависит от него, хотя в действительности это восприятие разума, работающего по собственному праву. Но восприятия чистого разума могут также — и это для них более характерно — использовать чувственный опыт, с которого они отправляются, в качестве простого предлога и оставлять его задолго до того, как будет достигнут результат, так что даже может показаться, что этот результат является прямой противоположностью тому, что наши чувственные переживания хотят внушить нам. Это движение законно и совершенно необходимо, поскольку наш обыденный опыт не только покрывает лишь малую толику вселенской действительности, но даже в пределах собственного поля использует несовершенные инструменты и дает нам ложную систему мер и весов. Это должно быть преодолено, отброшено, и настоящие чувственного опыта должны быть по большей части подавлены, если мы хотим достичь более адекватного представления об истине вещей. Исправление ошибок чувства-разума при использовании разума является одной из наиболее ценных мощностей, развитых человеком и составляет главную причину его превосходства над остальными земными существами.

Совершенное использование чистого разума окончательно переносит нас от физического знания к знанию метафизическому. Но концепции метафизического знания не полностью удовлетворяют запросам нашего интегрального существа. В действительности они полностью удовлетворяют чистый разум, поскольку являются самим веществом его собственного существования. Но наша природа всегда смотрит на вещи через два глаза, ведь она обозревает их дважды — в качестве идеи и в качестве факта, поэтому каждая концепция неполна для нас и по отношению к некоторой части нашей природы почти нереальна, пока не становится достоянием опыта. Но истины, сейчас обсуждаемые, — порядка, не подчиненного нашему обыденному опыту. Они, по своей природе, “за пределами восприятия чувств, но охватываются восприятием разума”. Поэтому необходимы некие другие способности переживания, благодаря которым могут быть удовлетворены запросы нашей природы, и это можно добиться лишь посредством расширения психологического опыта, поскольку мы имеем дело с супрафизическим.

В некотором смысле весь наш опыт — психологический, поскольку даже то, что мы получаем посредством чувств, не имеет значения или ценности для нас до тех пор, пока оно не будет транслировано в термины чувства-разума, Манаса в Индийской философской терминологии. Манас, говорят наши философы, это шестое чувство. Но мы можем даже сказать, что он Манас — это единственное чувство, а все те остальные —

зрение, слух, осязание, обоняние, вкус — попросту специализации чувства-разума, который, хотя обычно и использует чувства-органы в качестве основания для своего опыта, все же превосходит их и способен на прямое переживание, соответствующее его собственному сокровенному действию. В результате психологическое переживание, подобно познавательному действию разума, способно двояко осуществляться в человеке: смешанно или зависимо и чисто или суверенно. Смешанное действие обычно происходит тогда, когда разум стремится познать внешний мир, объект; чистое действие — когда он стремится познать себя, субъект. В первом действии он зависит от чувств и формирует свои восприятия в соответствии с видимостью чувств; в последнем — он действует в себе и осознает вещи напрямую, посредством некоторого отождествления с ними. Так мы осознаем свои эмоции; мы осознаем гнев, как было тонко сказано, поскольку становимся гневом. Точно также мы осознаем наше собственное существование; и здесь природа переживания как знания посредством тождества, становится очевидной. В действительности, весь опыт по своей скрытой природе дается знанием посредством тождества; но истинный характер переживания сокрыт от нас, поскольку мы сами отделены от остального мира в силу исключения, разграничения на себя, как субъект, и все прочее, как объект, и мы вынуждены развивать органы познания и процессы познания, благодаря чему мы можем вновь входить в общность с тем, что исключили. Мы вынуждены заменять прямое познание посредством сознательного тождества на непрямое познание, которое кажется вызванным физическим контактом и ментальным соучастием. Это ограничение — суть фундаментальное творение эго и непреложное условие работы того способа, которому оно повсеместно следует, начиная с изначальной лжи, покрывая настоящую истину вещей условной фальшью, что становится для нас практической истиной отношений физического мира.

Из этой природы ментального и чувственного знания, как оно сейчас организовано в нас, следует, что нет никакой неизбежной необходимости в существующих сейчас наших ограничениях. Эти ограничения являются продуктом эволюции, в которой разум приучился зависеть от определенной физиологической деятельности и физиологических реакций как от своих обычных средств, с помощью которых он вступает во взаимосвязь с материальной вселенной. Поэтому, когда мы стремимся познать внешний мир, то делаем это, как правило, не напрямую, посредством органов чувств, и можем пережить только ту часть истины о вещах и людях, которую доносят до нас чувства, но все же это правило — попросту регулярность доминирующей привычки. Разум может — и это было бы естественным для него, если можно было бы уговорить его освободиться от своего согласия с доминированием материи — напрямую познать объект, минуя органы чувств. Именно это происходит в экспериментах, связанных с гипнозом и другими родственными психологическими явлениями. В силу того, что наше пробужденное сознание определяется и ограничивается балансом между разумом и материей, балансом, выработанным в ходе эволюции, то прямое постижение обычно невозможно в нашем обыденном пробужденном состоянии, и поэтому может быть привнесено пока лишь при впадении пробужденного разума в состояние сна, которое освобождает истинный или сублиминальный разум. Тогда разум обретает способность утвердить свой истинный характер в качестве одного и все-достаточного чувства и может применить к объектам чувств свое чистое и суверенное действие, вместо смешанного и зависимого. Кроме того, это расширение способности в действительности не невозможно, а только значительно затруднено в нашем пробужденном состоянии — как это известно всем, кто смог достаточно далеко продвинуться на определенном пути психологических экспериментов.

Суверенное действие чувства-разума может быть использовано для развития других чувств, помимо тех пяти, что мы обычно используем. Например, можно развить способность точной оценки веса предмета, находящегося в руках, без физических средств. Здесь ощущение контакта и давления попросту является начальной точкой, точно также, как данные чувственного опыта используются чистым разумом, но в действительности не ощущение касания дает разуму меру веса; разум находит правильное значение благодаря собственному независимому восприятию и использует касание лишь для того, чтобы вступить в связь с объектом. И как это было с чистым разумом, также и для чувства-разума, чувственное переживание может быть использовано просто как первая точка, от которой оно чувство-разум переходит к знанию, никак не связанному с работой органов чувств и часто противоречащему показаниям этих органов. А также это расширение способности не ограничивается лишь внешним и поверхностным. Можно, раз уж посредством какого-либо чувства мы вступили в связь с внешним объектом, также применить Манас и для того, чтобы, например, осознать содержимое объекта, получить или воспринять мысли или чувства других людей без помощи звуков, жестов, действий или выражений лица и даже в противоречии с этими всегда частичными и часто путанными данными. Наконец, при использовании внутренних чувств, — скажем, чувств-мощностей, в них самих, в их чисто ментальной или тонкой деятельности, в отличие от физической, где происходит только отбор из их полного и общего действия, и делается это в целях внешней жизни — мы способны охватить чувственные переживания, видимости и образы вещей, отличные от принадлежащих организации нашего материального окружения. Все эти расширенные способности, хотя и принимаемые физическим разумом с недоверием и колебаниями, поскольку они ненормальны по отношению к привычной схеме нашей обыденной жизни и опыта, поскольку их трудно задействовать,

еще труднее их систематизировать для того, чтобы сделать из них упорядоченный пригодный набор инструментов, все же должны быть приняты, потому что они оказываются неизменным результатом любой попытки расширить поле нашего поверхностно активного сознания, будь то посредством некоторого рода врожденного усиления и случайного плохо-упорядоченного действия или путем научной и хорошо-регулируемой практики.

Ни один из них упомянутых путей не ведет, однако, к поставленной нами цели, к психологическому переживанию тех истин, которые находятся “за пределами восприятия чувств, но охватываемые восприятиями разума” буддхиграфиям атиндрайам (Гита VI.21). Они только подводят нас к большему кругу явлений и снабжают нас более эффективными средствами для наблюдения явлений. Истина вещей всегда ускользает от чувств. И все же глубочайшим правилом, внутренне присущим самой организации вселенского существования, является то, что если существуют истины, достижимые разумом, то где-то в организме, обладающим этим разумом, должны существовать средства переживания этих истин или проверки их в ходе переживания. Одним из этих средств, потерянных нами в нашей ментальности, является расширение той формы познания посредством тождества, которая дает нам осознание нашего собственного существования. В действительности, именно на этом само-осознании, более или менее сознательном, более или менее присутствующем в нашем представлении, основывается знание о содержимом нашего я. Или, в более общей формулировке, знание содержимого содержится в знании содержащего. Тогда, если мы сможем расширить нашу способность ментального само-осознания до осознания “я” за пределами и вне нас, Атмана или Брахмана Упанишад, то сможем на опыте обрести истины, формирующие содержимое Атмана или Брахмана во вселенной. Именно на этой возможности базировалась Индийская Веданта. Она искала знание о вселенной через познание Я.

Но Веданта всегда считала даже самые высочайшие ментальные переживания и представления разума всего лишь ментальным отражением, а не верховным само-существующим отождествлением. Мы должны выйти за пределы разума и рассудка. Разум, активный в нашем разбуженном сознании, является лишь посредником между подсознательным Всем, откуда мы поднялись в ходе нашей эволюции, и сверхсознательным Всем, к которому мы побуждаемся той же эволюцией. Подсознательное и сверхсознательное — это две различные формулировки одного и того же Всего. Ключевое слово подсознательного есть Жизнь, ключевое слово сверхсознательного есть Свет. В подсознательном знание или сознание поглощены в действии, ибо действие заложено в сущности Жизни. В сверхсознательном действие снова входит в Свет и более не содержит инволюционного знания, а само содержится в верховном сознании. Интуитивное знание — это то, что общее между ними, и основанием интуитивного знания является сознательное или действенное тождество между тем, кто познает, и тем, что известно; это то состояние общего само-существования, в котором познающий и познаемое составляют одно благодаря знанию. Но в подсознательном интуиция проявляется в действии, в действительности, и знание или сознательное тождество либо полностью, либо почти сокрыто в действии. В сверхсознательном, напротив, Свет становится законом и принципом, и интуиция проявляется в своей истинной природе как знание, всплывающее из сознательного тождества, а эффективность действия является скорее сопутствующим или необходимым следствием и более не маскирует как первичный факт. Между этими двумя состояниями рассудок и разум действуют как посредники, позволяющие бытию освободить знание из его заключения в действии и подготовить его к возобновлению своей сущностной первичности. Когда само-осознание в разуме применяется как к содержащему, так и к содержимому, к собственному- я и другим- “я”, когда оно возвеличивается до светлого само-проявленного тождества, тогда и сам разум преобразуется в форму само-светящегося интуитивного (* “я” использую слово “интуиция” за неимением лучшего. То же самое можно сказать о слове “сознание” и многих других, значение которых мы вынуждены незаконно расширить в силу нашей бедности.) знания. Это высочайшее из возможных состояний нашего знания, когда разум исполняет себя в супраментальном.

Такова схема человеческого познания, на которой были построены выводы наиболее древней Веданты. Моей целью не было развитие результатов, полученных на этом основании древними мудрецами, но необходимо было дать краткий обзор некоторых их принципиальных выводов, насколько они затрагивают проблему божественной Жизни, единственно которую мы сейчас рассматриваем. Ибо именно в тех представлениях будем мы искать наилучшее основание тому, что мы сейчас стремимся вновь построить, и хотя, что относится ко всякому знанию, старые выражения должны быть заменены, до определенной степени, на новые выражения, удобными для поздней ментальности, и старый свет должен вылиться в новый свет подобно тому, как заря сменяется зарею, но все же именно со старым сокровищем как нашим начальным капиталом или с той его частью, какую сможем извлечь, будем мы стремиться накопить величайшую прибыль в нашей новой коммерции с вечно-неизменным и вечно-меняющимся Бесконечным.

Сат Брахмана, Существование чистое, неопределимое, бесконечное, абсолютное — это последнее представление, которого достиг Ведантный анализ при обзоре вселенной, это фундаментальная Реальность, которую Ведантное переживание открыло за всеми движениями и образованиями, составляющими видимую реальность. Очевидно, что когда мы постулируем это представление, то полностью выходим за пределы того, что наше обыденное сознание, наш нормальный опыт содержит или подтверждает. Чувства и чувство-разум

ничего не знают о каком бы то ни было чистом или абсолютном существовании. Все то, о чем говорят наши чувственные переживания, это форма и движение. Формы существуют, но это существование не чисто, а скорее всегда смешанно, скомбинировано, совокупно, относительно. Когда мы входим внутрь себя, то можем избавиться от точной формы, но не от движения, изменения. Движение Материи в Пространстве, ход изменения во Времени кажутся условиями существования. В действительности мы можем сказать, если захотим, что это и есть существование, и что представление о существовании в себе не соответствует никакой открываемой реальности. Самое большее, что мы схватываем в явлении само-осознания или позади него — это редкие проблески чего-то недвижимого и неизменного, нечто такого, что мы смутно воспринимаем и воображаем, что находимся за пределами всей жизни и смерти, за пределами любых изменений, формирований и действий. Здесь находится одна дверь в нас самих, которая иногда широко распахивается и открывает взору великолепие за-предельной истины, и прежде чем она снова захлопнется, луч света касается нас — светлый намек, который мы, если обладаем силой и твердостью, можем обратить в нашу веру и обрести начальную точку для иной игры сознания, нежели чем чувства-разума, для игры Интуиции.

Ведь при тщательном анализе мы обнаруживаем, что Интуиция является нашим первым учителем. Интуиция всегда неявно присутствует за нашими ментальными операциями. Интуиция приносит человеку те сверкающие послания из Неизвестного, которые являются началом более высокого человеческого знания. Разум приходит лишь позднее, чтобы посмотреть, какую пользу он может извлечь из великолепной жатвы. Интуиция дает нам представление о нечто запредельном и находящимся позади всего того, что мы знаем, и кажется тем, что неотступно приводит человека в противоречие с его низшим рассудком и всем его обыденным опытом и побуждает человека формировать то лишенное формы восприятие в более позитивных представлениях о Боге, Бессмертии, Небесах и остальном, посредством чего мы стремимся выразить это в разуме. Ибо Интуиция столь же сильна, как и Природа, из самого сердца которой она вспорхнула и ни сколько не тревожится о противоречиях разума или отрицаниях опыта. Интуиция знает, что есть, поскольку сама этим является, поскольку сама есть это и пришла из этого и не представит это на суд того, что попросту становится и возникает. О чем нам говорит Интуиция — это не столь Существование, сколь Существоющее, ведь она исходит из той одной точки света в нас, которая дает ей верховные полномочия, проникает через открывающуюся дверь в наше собственное само-осознание. Древняя Веданта охватила это послание Интуиции и сформулировала его в трех великих декларациях Упанишад: “Я есмь Он”, “Ты есть То, о Шветакету”, “Все это есть Брахман; это “я” есть Брахман”.

Но Интуиция по самой природе своего действия в человеке, работая как бы из-под вуали, действительна главным образом в его более непросветленных, менее выраженных частях, соприкасающихся с вуалью, и обслуживается в узком свете, являющимся нашим пробужденным сознанием, лишь с помощью инструментов, которые неспособны полностью усвоить ее послания — Интуиция лишена возможности дать нам истину в той упорядоченной и членораздельной форме, которую требует наша природа. Прежде чем Интуиция смогла бы задействовать любую такую полноту прямого знания в нас, ей потребовалось бы обосноваться в нашем поверхностном существе и завладеть там ведущей частью. Но в нашем поверхностном существе в действительности обосновалась не Интуиция, а Рассудок, который помогает нам упорядочить наши восприятия, мысли и действия. Поэтому век интуитивного знания, представленный ранними Ведантными размышлениями Упанишад, должен был уступить место веку рационального знания; вдохновленные Писания уступили место метафизической философии, так же как та в свою очередь была вынуждена уступить место экспериментальной Науке. Интуитивная мысль, являющаяся посланницей из сверхсознательного и потому представляющая собой наше высочайшее дарование, была вытеснена чистым разумом, являющимся только неким представителем и принадлежащим средним высотам нашего существа; чистый разум был в свою очередь на время вытеснен смешанным действием разума, живущим на наших равнинах и низших уровнях, обзор которого не превосходит горизонта опыта, который могут открыть нам физический разум и чувства или помощники, изобретенные нами с этой целью. И этот процесс, кажущийся нисхождением, на самом деле является кругом прогресса. Ибо в каждом случае более низшая способность побуждается взять столько, сколько она может усвоить из того высшего и уже данного, и попытаться снова утвердить это собственными методами. В ходе этой попытки низшее само-расширяется в своих границах и обычно достигает более гибкого и обширного само-согласования с высшими дарованиями. Без этой последовательности и без этой попытки отдельного усвоения мы были бы вынуждены бы были оставаться под исключительным преобладанием некоторой части нашей природы, тогда как остальная часть оставалась бы либо подавленной и чрезмерно подчиненной, либо отделенной в своем поле и потому бедной в своем развитии. С этой последовательностью и отдельной попыткой баланс выровнен; подготавливается более полная гармония частей нашего познания.

Мы видим эту последовательность в Упанишадах и у следовавших за ними Индийских философов. Мудрецы Вед и Веданты целиком полагались на интуицию и духовный опыт. Иногда ученые ошибочно говорят о больших дебатах или дискуссиях Упанишад. Всякий раз, когда намечается противоречие, оно всегда разреша-

ется не в ходе дискуссий, не диалектикой или логическим рассуждением, а путем сравнения интуиций и переживаний, где менее светлая интуиция уступает место более светлой, более узкая, недостаточная или менее существенная — шире охватывающей, более совершенной и сущностной. Вопрос, задаваемый одним мудрецом другому — это “Что ты знаешь?”, а не “Что ты думаешь?” и не “К какому выводу привели твои рассуждения?”. В действительности в Упанишадах мы нигде не найдем и следа логических рассуждений, приводимых в поддержку истин Веданты. Интуиция должна корректироваться более совершенной интуицией; логические рассуждения не могут быть здесь судьей — на это полагались древние мудрецы.

И все же человеческий разум требует своего удовлетворения. Поэтому, когда начался век рационалистических рассуждений, то Индийские философы, чтившие наследие прошлого, заняли двойную позицию по отношению к Истине, которую они искали. Они признали в Шрути, отражающих достижения Интуиции или во вдохновленном Откровении (как они предпочитают называть Интуицию), большую власть, давящую над Разумом. Но в то же время они исходили из Разума и проверяли даваемые им результаты, считая верными только те заключения, которые поддерживаются верховным авторитетом Откровения. На этом пути они избежали, до определенной степени, главного искушения метафизики, тенденции сражаться в облаках, поскольку метафизика обращается со словами так, как будто бы они были непреложными фактами, а не символами, которые всегда должны быть тщательно рассмотрены и неизменно притянуты к смыслу того, что они представляют. Их рассуждения поначалу держались около центра высочайшего и глубочайшего опыта и следовали в едином согласии двух величайших властелинов, Разума и Интуиции. Тем не менее, естественная тенденция Разума утвердить свое главенство взяла верх над принципом подчиненности Разума. Как следствие — рост конфликтующих школ, каждая из которых базировалась на теории Вед и использовала ее тексты в качестве оружия против других. Ведь высочайшее интуитивное Знание видит вещи в целом, в большом, а детали — только как стороны неделимого целого, Интуиция стремится к непосредственному синтезу и единству знания. Разум, напротив, действует путем анализа и разделения и затем собирает факты, чтобы сформировать целое; но в таком скоплении присутствуют противоположности, аномалии, есть логическая неполнота, откуда и вытекает естественное стремление Разума утвердить одно и отбросить другое, конфликтующее с уже выбранными им заключениями, чтобы можно было сформировать безупречно логическую систему. Таким образом было разбито единство первого интуитивного знания, и логикам всегда удавалось изобрести некие приспособления, способы интерпретации, изменчивые стандарты ценностей, посредством чего неудобные тексты Писаний могли быть практически сведены на нет и могла быть завоевана свобода метафизических спекуляций.

Тем не менее, основные представления ранней Веданты частично сохранились в различных философских системах, и время от времени предпринимались попытки снова скомбинировать их в некое подобие старой всеобщности и единства интуитивной мысли. И выжило фундаментальное представление, разнообразно представленное, представление о Пуруше, Атмане или Сате Брахмана, о чисто Существующем Упанишад, зачастую рационализированное в идею о психологическом состоянии, но все еще несущее нечто из своей старой сущности невыразимой реальности. Что может связывать движение становления, которое мы называем миром, с этим абсолютным Единством, и каким образом эго, созданное то ли самим этим движением, то ли причиной этого движения, может вернуться к тому истинному “я”, Божественности или Реальности, провозглашенной Ведантой — это те спекулятивные и практические вопросы, которые всегда занимали мышление Индии.

ЧИСТО СУЩЕСТВУЮЩЕЕ

Одно неделимое — вот что такое чистое существование.

Чхандогья Упанишада (VI.2.1.)

Когда мы отведем наш взор от его эгоистической поглощенности ограниченными и быстротечными интересами и взглянем на мир беспристрастными пытливыми глазами, ищущими только Истину, то нашим первым результатом явится восприятие безграничной энергии бесконечного существования, бесконечного движения, бесконечной деятельности, разливающейся в беспредельном Пространстве, в вечном Времени, существовании, бесконечно превосходящего наше эго или любое другое эго, или любое сообщество эго, существование, в балансе которого грандиозные продукты эпох выглядят всего лишь временной пылью и в неисчислимой сумме которого несчетные мириады кажутся только жалким скоплением. Мы инстинктивно действуем, чувствуем и строим наши жизненные помыслы так, как если бы это громадное мировое движение работало вокруг нас как центра и ради нашей пользы, чтобы помочь нам или навредить, или как если бы оправдание наших эгоистических стремлений, эмоций, идей, стандартов было бы его должным делом, даже как нашей главной заботой. Когда мы начинаем видеть, то постигаем, что мировое движение существует для себя, а не для нас, имеет собственные гигантские цели, собственную комплексную безграничную идею, собственное безбрежное желание или восторг, который оно стремится исполнить, собственные необъятные и грандиозные стандарты, взрывающиеся со своей высоты на нашу мелочность как будто бы со снисходительной и ироничной улыбкой. И все же давайте не будем прибегать к другой крайности и слишком позитивно формировать представление о нашей собственной незначительности. Это также явилось бы актом неведения, и тем самым мы закрыли бы глаза на великие факты вселенной.

Ибо это безграничное Движение не считает нас незначительными для него. Наука открыла нам, что каким бы мимолетным ни было внимание, какими изобретательными ни были бы приспособления, какой интенсивной ни была бы поглощенность — всему этому оно воздает должное — самой мелкой в той же степени, как и самой величайшей. Эта могущественная энергия есть спокойная и беспристрастная мать, самам брахма, в возвышенных терминах Гиты, и ее интенсивность и сила движения одна и та же при формировании и поддержке систем солнц и организации жизни муравейника. Именно иллюзия размера, величины побуждает нас считать одно великим, а другое — ничтожным. Если мы станем оценивать не с точки зрения количества, а напротив, с точки зрения качества, то увидим, что муравей более велик, чем солнечная система, в которой он обитает, а человек более велик, чем вся неживая Природа, вместе взятая. Но это опять же иллюзия, теперь иллюзия качества. Когда мы отойдем немного назад и изучим только глубину движения, аспектами которого являются количество и качество, то осознаем, что этот Брахман равным образом пребывает во всем существовании. Мы можем попытаться сказать, что Брахман, равным образом причастный ко всему бытию, также равным образом распределен во всем по части своей энергии. Но это тоже иллюзия количества. Брахман пребывает во всем неделимым, и все же как бы разделенным и распределенным. Если мы снова посмотрим на вещи с наблюдающим восприятием, не задавленным интеллектуальными концепциями, а информированным через интуицию и достигающим своего верха в познании посредством отождествления, то увидим, что сознание этой бесконечной Энергии является иным, чем наше ментальное сознание, что оно неделимо и предоставляет себя, не по частям, а в целостном “я”, одновременно и солнечной системе и муравейнику. Для Брахмана не существует целого и части, и каждая вещь сама по себе есть все и извлекает пользу из целостности Брахмана. Разнятся качество и количество, а “я” равножественно. Форма, способ действия и продукт этой силы меняются бесконечно, но вечная, первичная, бесконечная энергия одна и та же во всем. Сила крепости, делающая человека сильным, ничуть не величественней, чем сила слабости, делающая его слабым. Расходуемая энергия равновелика как в подавлении, так и в выражении, как в отрицании, так и в утверждении, как в молчании, так и в звучании.

Поэтому первое суждение, которое следует нам исправить, касается в этого Бесконечного движения, этой энергии существования, являющейся миром и нами. Сейчас мы придерживаемся ложной точки зрения. Мы бесконечно значимы для Всего, тогда как для нас это Все не важно; мы заняты только собой. Это знак первоначального неведения, являющегося корнем эго, которое может только себя считать центром, как будто бы это и есть Все, и которое приемлет из всего остального, чем оно не является, лишь то, что оно ментально расположено признать или что оно вынуждено опознать под воздействием окружающей среды. Даже когда эго начинает философствовать, разве не утверждает оно, что мир существует только в нем и благодаря его сознанию? Его собственное состояние сознания или ментальные стандарты являются для него тестом реально-

сти; все, находящееся вне орбиты его зрения, кажется ему ложным или несуществующим. Эта ментальная само-достаточность человека создает систему ложных ценностей, препятствующих нам вывести правильное и полное значение жизни. В некотором смысле эти притязания человеческого разума и эго опираются на истину, но эта истина появляется лишь тогда, когда разум узнал о своем неведении, а эго подчинилось Всему и потеряло в нем свое отдельное само-утверждение. Распознать то, что мы (или, лучше сказать, те результаты и видимости, которые мы называем собой) являемся лишь частным движением этого бесконечного Движения, и распознать, что именно эту бесконечность должны мы познать, быть в ней сознательными и предано исполнять ее — это начало истинного жития. Распознать, что в наших истинных “я” мы едины с этим тотальным движением, и не ничтожны или подчинены — это другая сторона этой позиции, и ее выражение в образах нашего существования, мышления, эмоций и действий необходимо для кульминации истинной или божественной жизни.

Но для утверждения этой позиции должны мы знать, чем является это все, эта бесконечная и всемогущая энергия. И здесь мы сталкиваемся с новой трудностью. Ибо чистый рассудок навязывает нам то, и это кажется утверждаемым Ведантой, что подобно тому как мы являемся подчиненными и аспектами этого Движения, так и движение подчинено и является аспектом нечто иного, чем оно само, аспектом величайшей безвременной и внепространственной Стабильности, стхану, неизменной, неистощимой и неистрачиваемой, не действующей, хотя и содержащей всю деятельность; это не энергия, а чистое существование. Тот, кто видит только эту мировую энергию, может заявить, что в действительности такой вещи, как Стабильность, не существует: наша идея о вечной стабильности, неизменном чистом существовании является вымыслом наших интеллектуальных концепций, стартующих с ложной идеи устойчивости: ведь не существует ничего стабильного; все есть движение, и наша концепция стабильности является лишь выдумкой нашего ментального сознания, благодаря чему мы выбираем точку отсчета, чтобы на практике иметь дело с движением. Легко показать, что это верно в движении как таковом. Там не существует ничего стабильного. Все, что кажется покоящимся — только блокировка движения, формулировка работающей энергии, которая так воздействует на наше сознание, что кажется неподвижной, это нечто подобное тому, как земля кажется нам неподвижной, нечто подобное тому, как поезд, в котором мы путешествуем, кажется остановившимся на фоне однородного ландшафта. Но является ли равным образом верным то, что за этим движением не существует ничего неподвижного и неизменного, что поддерживает его? Верно ли, что существование заключается лишь в действии энергии? Или, более того, не является ли энергия продуктом Существования?

Мы уже видели, что если такое Существование есть, то оно должно, подобно Энергии, быть бесконечным. Ни разум, ни переживание, ни интуиция, ни воображение не служат нам свидетелями возможности полного конца. Всякое начало и всякий конец предполагают нечто за пределами начала и конца. Абсолютный конец, абсолютное начало — это не только терминологическое противоречие, а противоречие сущности вещей, насилие, фикция. Бесконечность накладывает себя на видимость конечного посредством невыразимого само-существования.

Но это бесконечность по отношению ко Времени и Пространству, вечная длительность, непрекращаемое расширение. Чистый разум идет дальше и, глядя в своем бесцветном и строгом свете на Пространство и Время, указывает, что эти два являются категориями нашего сознания, условиями, при которых мы упорядочиваем наше восприятие явлений. Когда мы смотрим на существование в себе, Пространство и Время исчезают. Если существует какое-либо расширение, то оно не пространственное, а психологическое; если существует какая-либо длительность, то она не временная, а психологическая; и затем легко увидеть, что это расширение и эта длительность суть только символы, представляющие разуму нечто неперебиваемое в интеллектуальные термины, представляющие вечность, кажущуюся нам одним и тем же все-содержащим, вечно новым моментом, представляющие бесконечность, кажущуюся нам одной и той же все-содержащей точкой без размеров. И это противоречие терминов, столь сильное, но все же точно выражающее нечто, что мы в действительности воспринимаем, показывает, что разум и речь перешли свои естественные пределы и стремятся выразить Реальность, в которой их собственные условности и неизбежные противостояния растворяются в невыразимом тождестве.

Но будет ли это верным словом? Не может ли быть, что Пространство и Время так исчезают лишь потому, что существование, на которое мы ссылаемся, является выдумкой интеллекта, фантастическим Ничто, созданным речью, которое мы стремимся возвести в концептуальную реальность? Мы снова возвращаемся к рассмотрению Существования-в-себе и говорим, Нет. Существует нечто позади явления не только бесконечное, но и неопределимое. Мы можем сказать, что это нечто абсолютно вне явления, вне тотальности явлений. Даже если мы сведем все явления к одному фундаментальному, универсальному несводимому дальше явлению движения или энергии, то получим только неопределимое явление. Сама концепция движения несет с собой возможность покоя и изменяет себе как действие некоторого существования; сама идея энергии в действии несет с собой идею энергии, воздерживающейся от деятельности; абсолютная энергия вне действия есть попросту и чисто абсолютное существование. Мы имеем только эти две возможности: либо неопределимое

чистое существование, либо неопределимая энергия в действии и, если верно единственно последнее в чистом виде (то есть существует только энергия без какой-либо неизменной базы или причины), тогда энергия есть результат и явление, производимое действием, движением, единственно которое существует. Тогда мы не имеем Существования или имеем Ничто Буддизма с существованием в качестве только атрибута вечного явления, Действия, Кармы, Движения. Это, заявляет чистый рассудок, не удовлетворяет моим восприятиям, противоречит моему фундаментальному видению, а потому не может быть. Ведь тогда тогда внезапно исчезает последняя ступенька, как это рисовалось в древности, — ступенька, из-за которой вся лестница теряет опору, оказывается подвешенной в пустоте.

Если это неопределимое, бесконечное, безвременное, внепространственное Существование есть, то оно с необходимостью чисто абсолютно. Оно не может быть представлено каким-либо качеством или суммой каких-то качеств, оно не может быть представлено каким-либо количеством или комбинацией количеств. Это не конгломерат форм или формальный субстрат форм. Если бы все формы, качества, количества исчезли, это бы осталось. Существование без качества, без количества, без формы не только постижимо, но это и есть единственная вещь, которую мы можем постичь за этими явлениями. Неизбежно, когда мы говорим о Существовании без форм, количеств и качеств, то подразумеваем, что оно превосходит их, что это нечто, во что они вступают таким образом, что перестают быть тем, что мы называем формой, количеством, качеством, и вне чего они появляются как форма, количество и качество в движении. Они вступают не в одну единственную форму, одно единственное количество, одно единственное качество, что явилось бы базисом всего остального — ибо такового базиса не существует — а в нечто, что мы не можем определить при помощи любого из этих терминов. Так что все вещи, являющиеся условиями и видимостями движения, вступают в То, из чего они вышли, и там, раз уж они продолжают существовать, становятся чем-то, что более не может быть описано при помощи терминов, соответствующим им в движении. Поэтому мы говорим, что чистое существование есть Абсолют и непознаваемо в себе при помощи нашего мышления, хотя мы можем вернуться к нему в верховном тождестве, превышающем термины знания. Движение, напротив, является полем относительного и все же по самому определению относительного все вещи в движении содержат Абсолют, содержатся в нем и являются им. Это отношение явлений Природы с фундаментальным эфиром, который содержится в них, составляет их и содержит них, и все же настолько от них отличается, что, входя в него, они перестают быть тем, чем сейчас являются — это иллюстрация, данная Ведантой как наиболее близко передающая это тождество в различии между Абсолютом и относительным.

Неизбежно, когда мы говорим о вещах, переходящих в то, из чего они вышли, мы используем язык нашего временного сознания и должны предохранять себя от его иллюзий. Возникновение движения из Неизменного является вечным явлением, и только потому, что мы не можем постичь его в тот лишенный начала и конца вечно-новый момент, являющийся вечностью Безвременного, только поэтому наши представления и восприятия вынуждены заменить его на временную вечность последовательной длительности, к чему прикреплены представления о вечно возвращающемся начале, середине и конце.

Но все это справедливо, можно было бы сказать, до тех пор, пока мы принимаем концепции чистого рассудка и остаемся подчиненными им. Но концепции рассудка не имеют обязательной силы. Мы должны вымерять существование не тем, что мы ментально постигаем, а тем, что мы видим существующим. И эта наиболее чистая, наиболее свободная форма, обнаруживающаяся при взгляде в существование, как оно видится нам, есть ни что иное, как движение. Единственно две вещи существуют: движение в Пространстве, движение во Времени, первая объективна, последняя — субъективна. Расширение реально, длительность реальна, Пространство и Время реальны. Даже если мы перейдем за расширение в Пространстве и воспримем его как психологическое явление, как попытку разума сделать существование контролируемым путем распределения неделимого целого в концептуальном Пространстве, мы все же не можем выйти за пределы движения последовательности и изменения во Времени. Ибо это само вещество нашего сознания. Мы и мир есть движение, которое непрерывно развивается и разрастается путем включения всех последовательностей прошлого в настоящее, что представляется нам как зачинание всех последовательностей будущего — начало, настоящее, которое всегда ускользает от нас, ибо оно умерло до того, как родилось. То, что существует, есть вечная, неделимая последовательность Времени, несущая в своем потоке последовательное движение сознания, также неделимого¹. Тогда длительность, вечно последовательное движение и изменение во Времени — это единственный абсолют. Становление есть единственное бытие.

¹ Неделимого в тотальности движения. Каждый момент Времени или Сознания может считаться отделенным от предыдущего и последующего, каждое последующее действие Энергии — новым квантом нового творения; однако это не отменяет непрерывности, без которой не было бы ни длительности Времени, ни связности сознания. Когда человек гуляет, бежит или прыгает, его шаги разделены, но существует нечто, что захватывает шаги и делает движение непрерывным.

В действительности, это противопоставление фактического взгляда в бытие и концептуальных выдумок чистого Разума есть заблуждение. Если бы интуиция действительно противостояла интеллекту, то мы попросту не смогли бы уверенно поддерживать просто концептуальные доводы в противовес фундаментальному взгляду. Но этот призыв к интуитивному опыту неполон. Интуитивное переживание справедливо лишь пока оно действует в пределах себя, и сразу же ошибается, входя в интегральное переживание. Пока интуиция фиксируется только на том, чем мы становимся, мы видим себя в качестве непрерывного развития движения и изменения сознания в вечной последовательности Времени. Мы — это река, пламя в образах Буддизма. Но существует верховный опыт и верховная интуиция, благодаря которым мы можем отойти за наше поверхностное “я” и обнаружить, что это становление, изменение, последовательность — только моды нашего бытия, и в нас существует нечто, что вовсе не вовлечено в становление. Мы можем иметь не только интуицию того, что стабильно и вечно в нас, не только проблески этого на опыте за оболочкой непрерывно мимолетных становлений, а можем мы отойти в это и пребывать в нем вечно, осуществляя оттуда полное изменение нашей внешней жизни, нашей позиции, нашего воздействия на мировое движение. И эта стабильность, в которой мы можем так жить, есть в точности то, что уже дал нам чистый Разум, хотя ее можно достичь вообще без каких-либо рассуждений, без предварительного знания об этой неизменности — это чистое существование, вечное, бесконечное, неопределимое, неподвластное Времени, не вовлеченное в расширение Пространства, за пределами формы, качества, количества — “я” единственное и абсолютное.

Тогда чисто существующее есть факт, а не просто концепция; это фундаментальная реальность. Но, поспешим добавить, движение, энергия, становление — также факт, тоже реальность. Верховная интуиция и соответствующие ей переживания могут корректировать другое переживание, могут выходить за его рамки, временно отстранять, но не отменять его. Поэтому мы имеем два фундаментальных факта: чистое существование и мировое существование, факт Бытия и факт Становления. Легко отрицать то или другое; распознать же эти факты сознания и найти их взаимосвязь — вот истинная и плодотворная мудрость.

Мы должны помнить, что стабильность и движение — это только наши психологические представления об Абсолюте, даже также как тождество и множественность. Абсолют — за пределами стабильности и движения, как за пределами единства и множественности. Но Абсолют занимает свою вечную позицию в едином и неизменном и вращается вокруг себя бесконечно, непостижимо, надежно в движении и множественности. Существование мира представляется экстатическим танцем Шивы, бесконечно множащим тело Бога: он оставляет то белое существование в точности там, где оно было и тем, чем оно всегда было, есть и будет; его единственной абсолютной целью является наслаждение от танца.

Но поскольку мы не можем описать Абсолют или помыслить о нем в себе, за пределами стабильности и движения, за пределами единства и множественности — совсем не это является нашим делом — то должны мы принять двойной факт, допустить как Шиву, так и Кали и стремиться познать, чем является это неизмеримое Движение в Пространстве и Времени по отношению к тому безвременному и внепространственному чистому Существованию, одному и неизменному, к которому неприменимы мера и безмерность. Мы видели, что чистый Разум, интуиция и переживание могут сказать о чистом Существовании, о Сате; что они скажут о Силе, о Движении, о Шакти?

И первая вещь, о которой мы должны спросить самих себя - является ли та Сила просто силой, просто неразумной энергией движения, или же сознание, кажущееся всплывающим из нее в этом материальном мире, в котором мы живем, является не просто одним из ее феноменальных результатов, а более того, ее собственной истинной и сокрытой природой. Говоря словами Веданты, является ли Сила просто Пракрити, только движением действия и процессом, или же Пракрити является реальной мощью Чита, по своей природе силой творящего само-сознания? Вокруг этой сущностной проблемы вращается все остальное.

Глава X

СОЗНАТЕЛЬНАЯ СИЛА

Они узрели само-силу Божественного Бытия, глубоко сокрытую ее собственными сознательными модами деятельности.

Шветашватара Упанишада (I.3.)

Это он, кто бодрствует в тех, кто спит.

Катха Упанишада (II.2.8.)

Все феноменальное существование сводится к Силе, к движению энергии, которая принимает более или менее материальные, более или менее грубые или тонкие формы для само-представления собственному переживанию. В древних образах, при помощи которых человеческое мышление пыталось сделать акт творения и закон бытия интеллектуально постижимым и реальным для себя, это бесконечное существование Силы рисовалось морем, первоначально покоящимся и потому свободным от форм, но первое возмущение, первое побуждение к движению повлекло за собой создание форм и стало семенем вселенной.

Материя — это то представление силы, которое наиболее понятно нашему интеллекту, сформированному как он есть, посредством контактов в Материи, на которые откликается разум, вовлеченный в материальные мозги. С точки зрения древних Индийских физиков, первичным состоянием Силы является состояние чистой материальной протяженности в Пространстве, специфическим свойством которого является вибрация, типичным образом которой для нас предстает звук. Но вибрации как таковой в этом состоянии эфира еще недостаточно для создания форм. Сначала должно возникнуть некое препятствие в течении океана Силы, произойти некое сужение и расширение, некоторая внутренняя игра вибраций, некое столкновение силы с силой, так чтобы положить начало фиксированным связям и взаимным влияниям. Тогда материальная Сила, видоизменяющая свой первый эфирный статус, принимает второй статус, на древнем языке именуемый воздушным, специфическим свойством которого является контакт между силами, контакт, составляющий базис всех материальных связей. И все же пока еще нет форм, есть только варьирующиеся силы. Необходим поддерживающий принцип. Он обеспечивается третьей само-модификацией первоначальной Силы, характерным проявлением которой для нас является принцип света, электричества, огня и тепла. Но даже теперь мы имеем только формы силы, сохраняющие собственный характер и особенное действие, а не стабильные формы Материи. Четвертое состояние, характеризующееся рассеянием, и первая среда неизменного притяжения и отталкивания, обычно называемая водой или жидким состоянием, и пятое состояние связности, называемое землей или твердым состоянием, завершают цепочку необходимых элементов.

Все формы Материи, которые мы воспринимаем, все физические вещи, вплоть до наиболее тонких, построены из комбинации этих пяти элементов. От них также зависит весь наш чувственный опыт; ведь благодаря восприятию вибраций приходит чувство слуха; благодаря контакту вещей в мире вибраций Силы — чувство осязания; благодаря действию света в формах, рождаемых, очерчиваемых и поддерживаемых силой света, огня и тепла — чувство зрения; благодаря четвертому элементу — чувство вкуса; благодаря пятому — чувство обоняния. Все в сущности есть отклик на вибрационные контакты между силами. Таким путем древние мыслители наводили мост между чистой Силой и ее конечными модификациями, устраняя трудность, препятствующую обычному человеческому разуму понять, как все эти формы, которые кажутся его чувствам столь реальными, прочными и долговечными, в действительности могут быть лишь временными явлениями, и как вещь, подобная чистой энергии, для чувства не-существующая, непостижимая и почти невероятная, может быть единственной вечной космической реальностью.

Проблема сознания не решается этой теорией; ведь она не объясняет, как контакт вибраций Силы приводит к возникновению сознательных ощущений. Поэтому Санкхья или аналитические мыслители ввели за этими пятью элементами два принципа, названные ими Махат и Аханкара, которые по сути не-материальны; поскольку первый является ни чем иным, как расширенным космическим принципом Силы, а второй — разделяющим принципом Эго-образования. Тем не менее, эти два принципа, как и принцип интеллекта, становятся активными в сознании не благодаря Силе самой по себе, а благодаря неактивной Сознательной Душе или душам, в которых отражены ее действия, и это отражение предполагает оттенок сознания.

Таково объяснение вещей, даваемое школой Индийской философии, наиболее близко подходящей к современным материалистическим представлениям и несущей идею механической или несознательной Силы в Природе, насколько это было возможно для серьезно рефлексивного Индийского разума. Несмотря на недостатки этой философии, основная ее идея была столь неоспорима, что была повсеместно принята. Однако явление

сознания может быть объяснено, и независимо от того, будет ли Природа инертным импульсом или сознательным принципом, это определено есть Сила; принципом вещей является формирующее движение энергий, все формы рождены встречей и взаимной адаптацией бесформенных сил, все ощущения и действия — это отклик чего-то в форме Силы на контакты с другими формами Силы. Это тот мир, который дается нам в ощущениях, и с этих ощущений должны мы всегда стартовать.

Физический анализ Материи, проведенный современной Наукой, привел ее к тому же общему выводу, даже если некоторые сомнения все еще остаются. Интуиция и опыт подтверждают это согласие Науки и Философии. Чистый разум находит в этом подтверждение собственных сущностных концепций. Ведь даже во взгляде на мир как на существенно акт сознания подразумевается некое действие, и это действие — движение Силы, игра Энергии. Изучив изнутри наш собственный опыт, мы также придем к этой фундаментальной природе мира. Все наши действия суть игра тройной силы древних философий: знания-силы, желания-силы, действия-силы, и все эти три силы оказываются в действительности тремя потоками одной изначальной и тождественной Мощности, Ады Шакти. Даже наше состояние покоя является только уравновешенным состоянием или равновесием игры ее движения.

Когда допускается, что движение Силы составляет целостную природу Космоса, то возникает два вопроса. И, прежде всего, -как это движение вообще приходит в сердцевину существования? Если мы предположим, что движение не только вечно, но и является самой сущностью всего существования, то вопроса не возникнет. Но мы отвергли эту теорию. Мы знаем о существовании, не вовлеченном в движение. Тогда как же это движение, чуждое вечному покою, приходит в него? в чем причина? благодаря какой возможности? каким мистическим импульсом?

Ответ, чаще других даваемый древним Индийским разумом, состоит в том, что та Сила внутренне присуща Существованию. Шива и Кали, Брахман и Шакти составляют одно, это не две отдельные сущности. Сила, внутренне присущая существованию, может находиться в покое, или в движении, но когда она покоится, то существует ничуть не меньше и не отрицается, не принижается или каким-либо сущностным образом меняется. Этот ответ настолько целостно рационален и согласуется с природой вещей, что нам не нужно колебаться, чтобы принять его. Ведь невозможно предположить, поскольку это противоречит рассудку, что та Сила есть вещь чужеродная единому и бесконечному существованию и вошла в него снаружи, или что она была вещью несуществующей и возникла в некоторый момент Времени. Даже Иллюзионистская теория должна допустить, что Майя, мощь само-иллюзии в Брахмане, потенциально вечна в вечном Бытии, и следовательно, вопрос заключается единственно в ее проявлении или не-проявлении. Санкхья также утверждает вечное сосуществование Пракрити и Пуруши, Природы и Сознательной Души, и чередование состояний покоя или равновесия Пракрити и состояний движения или возмущений равновесия.

А поскольку Сила внутренне присуща существованию, и в природе Силы заложена эта двойная или перемежающаяся потенциальность покоя и движения, то есть, само-концентрации в Силе и само-распыления в Силе, то не возникает вопроса как это движение было вызвано и в чем его побудительная причина. Ведь мы можем легко постичь, что эта потенциальность должна транслировать себя либо как чередующийся ритм покоя и движения, сменяющих друг друга во Времени, либо как вечная само-концентрация Силы в неизменном существовании с поверхностной игрой движения, изменения и образования, подобно вздымающимся и падающим волнам на поверхности океана. И эта поверхностная игра — мы вынуждены говорить в неадекватных образах — может быть либо сверстницей само-концентрации и сама по себе быть также вечной, либо может иметь начало и конец во Времени и возобновляться в некотором постоянном ритме; тогда она вечна не в непрерывности, а в возвращаемости.

Таким образом, проблема как — устранена, возникает вопрос почему. Почему эта возможность игры движения Силы должна вообще осуществляться? почему бы Силе существования не оставаться вечно сконцентрированной в себе, бесконечной, свободной от всех изменений и образований? Этого вопроса также не возникает, если мы предположим, что Существование не-сознательно, и сознание является лишь движением материальной энергии, которую мы ошибочно считаем нематериальной. Ведь тогда мы можем просто сказать, что этот ритм заключен в природе Силы в существовании, и нет абсолютно никакого смысла искать ответ на вопрос почему, искать причину, изначальный мотив или конечную цель для того, что по своей природе вечно само-существует. Мы не можем поставить этот вопрос перед вечным само-существованием и спросить его, почему оно существует или как оно пришло в существование; а также не можем мы поставить этот вопрос перед само-силой существования и внутренне присущей ей природой побуждения к движению. Все то, что мы затем можем постичь — это способ ее само-проявления, ее принципы движения и образования, ее процесс эволюции. Если Существование и Сила инертны, -инертен статус и инертно побуждение, — оба они несознательны и лишены интеллекта, то не может быть никакой намеченной цели или конечного результата эволюции, никакой изначальной причины или замысла.

Но если мы предположим или обнаружим, что Существование является сознательным Бытием, то проблема возникает. Мы в действительности можем допустить сознательное Бытие, подчиненное природе своей Силы, принуждаемое ею, лишенное права выбора, будет ли оно проявляться во вселенной или же останется непроявленным. Таков космический Бог Тантристов и Майявадинов, подчиненный Шакти или Майе, таков Пуруша, вовлеченный в Майю или контролируемый Шакти. Но, очевидно, такой Бог — это не верховное бесконечное существование, с которого мы начали. Конечно же, именно формулирование Брахмана в космосе при помощи самого Брахмана логически предшествует Шакти или Майе и забирает ее назад в свое трансцендентное бытие, когда она прекращает свои работы. В сознательном существовании, абсолютном, независимом от своих образований, не определяемом своими делами, должны мы допустить внутренне присущую свободу проявлять или не проявлять потенциальность движения. Брахман, принуждаемый Праkritи, — не Брахман, а инертная Бесконечность с активным содержимым, более мощным, чем то, что ее содержит, тогда это сознательная опора Силы, над которой доминирует сама Сила. Если мы скажем, что сознательное существование побуждается собой как Силой, своей собственной природой, то не избежим противоречия, увертки нашего первого постулата. Мы вернемся назад к Существованию, которое есть ни что иное, как Сила, Сила в покое или движении, возможно, абсолютная Сила, но не абсолютное Бытие.

Следовательно, необходимо исследовать взаимосвязь между Силой и Сознанием. Но что мы подразумеваем под сознанием? Обычно мы подразумеваем под ним наше первое очевидное представление о ментально пробужденном сознании, каким обладает человеческое существо в течении большей части своего телесного существования, когда это существо не спит, не оглушен или каким-то иным способом не отключено от своих физических и поверхностных способов ощущения. В этом смысле, совершенно ясно, что сознание является скорее исключением, чем правилом в устройстве материальной вселенной. Мы сами не всегда обладаем ментальным сознанием. Но эта вульгарное и неглубокое представление о природе сознания, все еще окрашивающее наши обычные мысли и ассоциации, теперь должна быть напрочь изгнано из философских размышлений. Ибо мы знаем, что существует в нас нечто, что сознательно, когда мы спим, оглушены или накачены наркотиками, или упали в обморок, во всех кажущихся несознательными состояниях нашего физического существа. Даже более, теперь мы можем быть уверенными в том, что древние мыслители были правы, когда заявляли, что даже наше пробужденное состояние, которое мы называем нашим сознанием, является лишь малой частью нашего полного сознательного существа. Это — поверхность, даже не вся наша ментальность. За этой поверхностью существует сублиминальный или подсознательный разум, являющийся большей частью нас самих и содержащий высоты и глубины, которые человек все еще не измерил и не постиг. Это знание дает нам начальную точку для истинной науки о Силе и ее работе; оно определенно избавляет нас от ограничения материальным и от иллюзии очевидного.

Материализм в действительности настаивает на том, что всякое расширение сознания есть материальное явление, неотделимое от наших физических органов, и сознание является их результатом, а не нечто, что использует их. Эта ортодоксальная концепция, не может, однако, более противостоять напору все нарастающего знания. Даваемые объяснения становятся все более натянутыми и неадекватными. Становится все более ясно, что в действительности не только способности нашего тотального сознания намного превышают возможности наших органов, чувств, нервов, мозга, но даже для нашего обычного мышления и сознания эти органы являются лишь привычными инструментами, а не их генераторами. Сознание использует мозг, созданный в результате стремления сознания вверх, мозг же не произвел сознание и не использует его. Можно даже привести ряд необычных случаев, показывающих, что наши органы вовсе не являются совершенно необходимыми инструментами, — что биение сердца не является абсолютно существенным для жизни, как и дыхание, а также ячейки мозга не являются непременно обязательными для мышления. Наш физический организм ничуть не больше служит причиной или объяснением мышления, чем двигатели служат причиной или объяснением движущей силы пара или электричества. Сила предшествует, это не физический инструмент.

Логические следствия не заставляют себя долго ждать. Прежде всего мы можем задаться вопросом, не присутствует ли вселенский подсознательный разум даже в материальных объектах, хотя и в состоянии, когда он не способен действовать или связываться с поверхностью по требованию органов, ведь даже ментальное сознание существует там, где мы видим безжизненность и инерцию? Является ли материальное состояние пустотой сознания или же оно скорее представляет сон сознания — даже если с точки зрения эволюции это изначальный, а не промежуточный сон? И на примере человеческого сна мы видим, что сознание не прерывается, а концентрируется внутрь, прочь от сознательных физических откликов на воздействия внешних вещей. И не является ли это отражением того факта, что не все существование пока еще развило средства внешней коммуникации с внешним физическим миром? Не Сознательная ли это Душа, Пуруша, кто вечно бодрствует даже в тех, кто спит?

Мы можем пойти и дальше. Когда мы говорим о подсознательном разуме, то нам следует подразумевать под этим словосочетанием некую вещь, не отличную от внешней ментальности, а только действующую ниже

поверхности, неизвестную бодрствующему человеку в том смысле, что она, возможно, глубже погружена и имеет большие масштабы. Но явление сублиминального “я” далеко превосходит пределы любого такого определения. Оно включает в себя действие, возможности которого не только безмерно превосходят возможности ментальности нашего пробужденного “я”, но и само это действие имеет совершенно иной тип. Поэтому мы имеем право предположить, что помимо подсознательного в нас существует и сверхсознательное, некий диапазон сознательных дарований, и потому существует организация сознания, высоко поднимающаяся над психологической формацией, которую мы называем ментальностью. И поскольку наше сублиминальное “я” таким образом поднимается в сверхсознательное над ментальностью, то разве не может оно также погружаться в подсознательное, ниже ментальности? Не существуют ли в нас и в мире формы сознания, являющиеся суб-ментальными, которые мы можем назвать витальным и физическим сознанием? Если это так, то должны мы предположить существование как в растении, так и металле некоей силы, которую мы можем назвать сознанием, хотя это не человеческая или животная ментальность, за которой мы до сих пор сохраняли монополию называться сознанием.

Это не только вероятно, а определенно так, если мы взглянем на вещи беспристрастно. В нас самих есть такое витальное сознание, действующее в клетках тела, и наблюдаются машинальные витальные реакции, так что мы совершаем целенаправленные движения и подчиняемся симпатиям и антипатиям, с которыми не знаком наш разум. Для животных это витальное сознание даже более важно. В растениях оно интуитивно проглядывается. Поиски и уклонения растения, его удовольствие и боль, его сон и его пробужденность и вся та странная жизнь, чью истину Индийские ученые высветили строго научными методами — все это движения сознания, а не движения ментальности, насколько мы можем это видеть. Следовательно, существует суб-ментальное, витальное сознание, имеющее те же самые начальные реакции, как и ментальное, но само-переживание витального сознания отличается от само-переживания ментального, точно также, как само-переживание сверхсознательного в ментальном существе отличается от его ментального само-переживания.

Ограничивается ли растением диапазон того, что мы назвали сознанием, ограничивается ли он растением, в котором мы распознали существование суб-животной жизни? Если это так, то тогда мы должны предположить, что существует сила жизни и сознания, изначально чуждая Материи, но которая все же вошла в Материю и заняла ее, — возможно, из другого мира ¹. Иначе, откуда бы она могла придти? Древние мыслители верили в существование иных миров, которые, возможно, поддерживают в нас жизнь и сознание или даже вызывают их своим давлением, но сами эти миры не входят в материальный мир. Ничто не может эволюционировать из Материи, что уже не содержалось в ней.

Но нет никаких оснований предполагать, что жизнь и сознание терпят поражение и их гамма обрывается на том, что кажется нам чисто материальным. Последние исследования и навеянные ими размышления предположительно указывают на некоторую разновидность смутного начала жизни и, возможно, на некоторую разновидность инертного или подавленного сознания в металлах, земле и других “неживых” формах или, по крайней мере, там может быть первый материал того, что стало сознанием в нас. Пока что только в растении можем мы смутно распознать и постичь вещь, которую “я” назвал витальным сознанием, а сознание Материи, инертной формы, нам еще труднее понять или вообразить, и то, что мы находим трудным для понимания или воображения, мы склонны отрицать. Тем не менее, после исследования глубин сознания становится невероятным, что должна существовать эта внезапная пропасть в Природе. Мы имеем все основания предполагать единство там, где оно признается во всех группах явлений, и всего лишь в одной группе даже не отрицается, а только более сокрыто. И если мы предположим, что это единство не нерушимо, то придем к существованию сознания во всех формах Силы, работающей в мире. Даже если не существует сознательного или сверхсознательного Пуруши, населяющего все формы, то все же существует в этих формах сознательная сила бытия, которая задействует даже внешние части форм, открыто или инертно.

С этой точки зрения слово “сознание” необходимо меняет свое значение. Оно больше не является синонимом к слову “ментальность”, а указывает на само-осознающую силу существования, по отношению к которой ментальность предстает средним выражением; ниже ментальности эта сила погружается в витальные и материальные движения, для нас подсознательные; выше она поднимается в супраментальные движения, для нас сверхсознательные. Но во всем эта сила — одна и та же вещь, по-разному само-организованная. Это, по сути, Индийское представление о Чите, который, как энергия, творит миры. В сущности, мы достигаем того единства, которое материалистическая Наука постигает с другого конца, утверждая, что разум не может быть иной силой, отличной от Материи, а должен попросту являться продуктом развития материальной энергии. С другой стороны, Индийская мысль в своих глубинах утверждает, что Разум и Материя — суть сильно отличаю-

¹ Сейчас распространены курьезные спекуляции о том, что Жизнь занесена на землю не из иного мира, а с другой планеты. Для мыслителя это равным образом не объясняет ничего. Сущностный вопрос — это как Жизнь вообще вошла в Материю, а не как она вошла в материю конкретной планеты.

щиеся друг от друга градации одной и той же энергии, различные организации единой сознательной Силы Существования.

Но какие основания имеем мы предполагать, что сознание внутренне присуще этой Силе? Ведь сознание подразумевает некоторую разновидность интеллекта, целенаправленности, осмысленности, даже если все это может принимать формы, не привычные для нашей ментальности. Но даже с этой точки зрения все скорее поддерживает представление о вселенской сознательной Силе, чем противоречит ему. Например, мы видим, что животные способны совершать совершенные целенаправленные операции, тогда как детальные научные знания, находящиеся за пределами животной ментальности и которые человек может приобрести только после длительного воспитания и обучения, дают ему гораздо меньшую уверенность в быстроте их применения. Мы можем увидеть в этом общем факте доказательство существования сознательной Силы, работающей в животном и насекомом, Силы, более смысленной, более целенаправленной, больше осознающей свои намерения, свои цели, свои средства, свои условия, чем высочайшая ментальность, когда-либо проявленная в индивидуальной форме на земле. И в операциях неживой Природы мы находим ту же самую пропитывающую характеристику верховного сокрытого интеллекта, “сокрытого в модах собственной работы”.

Единственный аргумент против сознательного и смысленного источника этой целенаправленной работы, работы интеллекта, отбора, адаптации и поиска кроется в той массе операций Природы, которые мы называем пустой тратой. Но, очевидно, что это возражение основывается на ограничениях нашего человеческого интеллекта, стремящегося наложить собственную, свою особенную рациональность, пригодную для ограниченных человеческих целей, на общие операции Мировой Силы. Мы видим лишь часть намерений Природы, и все то, что не содействует этой части, мы называем пустой тратой. Даже если наши собственные человеческие действия кажутся нам с индивидуальной точки зрения пустой тратой, то все же мы можем быть уверенными в том, что они достаточно хорошо служат большой вселенской цели. Ту часть ее намерения, которую мы можем обнаружить, Природа достаточно хорошо осуществляет вопреки, а может быть, в действительности, и благодаря этой кажущейся пустой трате. Мы можем доверять Природе во всем остальном, что мы пока не обнаружили.

Что касается всего остального, то невозможно игнорировать побуждение к поставленной цели, руководство кажущейся слепой тенденции, уверенного возможного или непосредственного достижения искомой цели, что характеризует действие Мировой Силы в животном, растении, неживых вещах. Пока Материя была Альфой и Омегой для научного разума, то нежелание принять сознание в качестве матери интеллекта было вполне искренним. Но теперь не более чем вымученным парадоксом предстает утверждение о том, что человеческое сознание, интеллект и мастерство возникли из лишнего разума, слепо правящего несознания, в котором изначально не существовало ни форм сознания, ни его субстанции. Сознание Человека не может быть ничем иным, как формой сознания Природы. Сознание существует в других инволюционных формах ниже Разума, оно возникает в Разуме, оно будет подниматься в верховные формы за пределы Разума. Ведь Сила, строящая миры, есть сознательная Сила, Существование, проявляющееся в них, есть сознательное Бытие, и совершенное появление его потенциальностей в форме является единственной целью, которую мы можем рационально постичь как цель его манифестации в этом мире форм.

ВОСТОРГ СУЩЕСТВОВАНИЯ: ПРОБЛЕМА

Ибо кто мог бы жить или дышать, если не было бы этого восторга существования как эфира, в котором мы пребываем.

Из Восторга все эти существа рождены, благодаря Восторгу они существуют и растут, в Восторг они возвращаются.

Тайттирия Упанишада (II.7; III.6.)

Но даже если мы и примем это чистое Существование, этого Брахмана, этот Сат в качестве абсолютного начала, конца и того, что содержит все вещи, и примем в Брахмане внутренне присущее ему само-сознание, неотделимое от его бытия, бросающее себя как сила движения сознания, творящая силы, формы и миры, то мы все еще не ответим на вопрос: “Почему вообще должен Брахман, совершенный, абсолютный, бесконечный, ни в чем не нуждающийся, не желающий ничего, бросать силу сознания на создание в себе этих миров форм? Ибо мы отвергли то решение, что он побуждает творить собственной природой своей Силы, обязан собственной потенциальностью движения и образования выдвигаться в форму. Верно, что он обладает этой потенциальностью, но он не ограничен или побуждаем ею; он свободен. Следовательно, если будучи свободным в том, выбрать ли ему движение или вечный покой, запечатлеть ли себя в форме или сохранить в себе потенциальности формы, он предается мощи движения и образования, то причина этому может быть только одна — ради восторга.

Это первичное, окончательное и вечное Существование, как виделось Ведантой, есть не просто голое существование или сознательное существование, чье сознание является грубой силой или мощью; это сознательное существование, чьим самым выражением бытия, чьим самым выражением сознания является блаженство. Как в абсолютном существовании не может быть ни ничего, ни ночи несознания, ни неполноты, можно сказать, ни недостатка Силы, — ведь если бы присутствовала там любая из этих вещей, то это существование не было бы абсолютным, — точно также в нем не может быть ни страдания, ни отрицания восторга. Абсолютность сознательного существования есть неограничиваемое блаженство сознательного существования; это только два разных описания одной и той же вещи. Вся неограниченность, вся бесконечность, вся абсолютность есть чистый восторг. Даже наше относительное человечество имеет этот опыт, выражающийся в том, что всякая неудовлетворенность подразумевает ограничение, препятствие, — удовлетворение приходит с реализацией чего-то удержанного, с превосходжением предела, с преодолением препятствия. Это происходит из-за того, что наше изначальное существо абсолютно в полном обладании своим бесконечным и неограничиваемым само-сознанием и само-мощью; это то само-обладание, другое имя которому есть само-восторг. И в той степени, в какой относительное прикасается к тому само-обладанию, оно движется к удовлетворению, прикасается к восторгу.

Однако само-восторг Брахмана не ограничен спокойным и бездвижным обладанием своим абсолютным само-бытием. Точно также, как его сила сознания способна запечатлеть себя в формах бесконечно и с неисчислимыми вариациями, так и его само-восторг обладает способностью движения, вариации, проявления в том бесконечном потоке и в той изменчивости, представленной изобилующими вселенными, коим несть числа. Дать себе волю и насладиться этим бесконечным движением и вариацией своего само-восторга — цель его существования или созидательная игра Силы.

Другими словами, то, что бросило себя в формы, есть триединство Существования-Сознания-Блаженства, Сатчитананда, чье сознание по своей природе есть сознательная или, скорее, само-выражающая Сила, способная к бесконечному изменению в явлении и форме своего само-сознательного бытия и бесконечно наслаждающаяся восторгом того изменения. Отсюда следует, что все существующие вещи являются выражениями того существования, выражениями той сознательной силы, выражениями того восторга бытия. Точно также, как мы находим, что все вещи являются меняющимися формами одного неизменного бытия, конечными результатами одной бесконечной силы, также мы обнаружим, что все вещи являются меняющимися само-выражениями одного неизменного и все-охватывающего восторга само-существования. Во всем, что существует, пребывает сознательная сила, и каждая вещь существует или является тем, чем является, благодаря той сознательной силе; точно также, во всем, что существует, присутствует восторг существования, и каждая вещь существует и является тем, чем является, благодаря тому восторгу.

Эта древняя Ведантная теория космического начала немедленно вступает в конфронтацию в человеческом разуме с двумя мощными противоречиями: с эмоциональным и чувственным сознанием боли и с этической проблемой зла. Ибо если мир есть выражение Сатчитананды, и не только существования, являющегося сознанием-силой, — поскольку это может быть легко принято, — а существования, являющегося также бесконечным само-восторгом, то как мы объясним присутствие во вселенной горя, страдания, боли? Ведь этот мир кажется нам

скорее миром страдания, чем миром восторга существования. Определенно, такая точка зрения на мир возникает из-за преувеличения, ошибка взгляда. Если мы взглянем беспристрастно и с единственным намерением сделать точную и неэмоциональную оценку, то мы обнаружим, что сумма удовольствия существования много превышает сумму боли существования, — хотя видимость и индивидуальные случаи могут говорить об обратном, — и что активное или пассивное, поверхностное или лежащее в основании удовольствие существования является нормальным состоянием природы, а боль, напротив, есть явление, временно прерывающее то нормальное состояние или подминающее его под себя. Но по своей сути меньшая сумма боли воздействует на нас сильнее и часто мерещится большей, чем величайшая сумма удовольствия; в точности потому, что последнее является нормальным, мы не ценим его, даже с трудом его наблюдаем, пока оно не возвысится до некоторой сильнейшей формы, до волны счастья, пика удовольствия или экстаза. Именно эти вещи мы называем восторгом и их мы ищем, а обычное удовольствие существования, которое всегда присутствует, не взирая на случай и особенную причину или цель, воздействует на нас как нечто нейтральное, что есть ни удовольствие, ни боль. Это великий практический факт, ведь без него не было бы универсального и подавляющего инстинкта само-сохранения, но это не то, что мы ищем, и поэтому мы не включаем его в наш баланс эмоциональных и чувственных приобретений и потерь. В этот баланс мы включаем лишь позитивные наслаждения с одной стороны и дискомфорт и боль — с другой; боль воздействует на нас сильнее, поскольку она ненормальна для нашего существа, противна нашей естественной тенденции и переживается как насилие над нашим существованием, как нападение и внешняя атака на то, чем мы являемся и чем мы стремимся стать.

Тем не менее, ненормальность боли или большее или меньшее ее количество не влияет на философскую постановку вопроса; само наличие боли, независимо от того, много ее или мало, составляет целую философскую проблему. Если все бытие есть Сатчитананда, то как вообще может существовать боль и страдание? Это настоящая проблема, которая часто еще больше запутывается ложными постановками вопроса, начиная с идеи личностного экстракосмического Бога и частного вопроса, упирающегося в этику.

Можно рассуждать так: Сатчитананда есть Бог, сознательное Существо, являющееся творцом существования; но тогда как же мог Бог создать мир, в котором Он причиняет страдания Своим творениям, допускает боль, позволяет зло? Какой же это Все-Бог, если Он создал боль и зло? Если мы скажем, что боль есть испытание и “суд божий”, то мы не решим моральную проблему, а придем к аморальному или вне-моральному Богу, — возможно, к отличному мировому механисту, коварному психиатру, а не к Богу Добра и Любви, которому мы можем поклоняться, придем лишь к Богу Могущества, чьему закону мы должны подчиняться или чью прихоть мы можем надеяться умиловить. Ибо тот, кто изобретает пытки в качестве проверки или испытания, изобличается либо в намеренной жестокости, либо в моральной нечувствительности, если не в отсутствии морали вообще, и тем самым оказывается ниже высочайшего инстинкта собственных творений. И если, пытаясь избежать этой моральной трудности, мы скажем, что та боль есть неизбежный результат посеянного морального зла и естественное наказание за содеянное, — объяснение, которое не будет согласовываться с фактами жизни, пока мы не примем теорию Кармы и перевоплощения, согласно которой душа страдает сейчас за тянущиеся хвостом грехи, содеянные в предыдущих жизнях, — то мы все же не избежим корня этической проблемы, — кто же породил это моральное зло, или почему оно было создано, или откуда оно пришло — зло, тянущее за собой наказание в виде боли и страдания? И если считать моральное зло в действительности формой ментальной болезни или неведения, то кто или что создало этот закон или неизбежную связь, наказывающую ментальную болезнь или акт неведения путем отторжения столь ужасного, путем испытаний, зачастую крайних и чудовищных? Неумолимый закон кармы непримирим с верховной моралью и личностным Божеством, и поэтому ясная логика Будды отрицала существование какого бы то ни было свободного и всем-управляющего личностного Бога; он объявил всякую личность порождением неведения, подчиненным Карме.

На самом деле, трудность, столь остро представленная, возникает лишь в том случае, если мы предполагаем существование экстракосмического личностного Бога, не заключающего в Себе вселенную, не одного, кто создал добро и зло, боль и страдание для Своих творений, а Того, кто стоит выше этого и не затрагиваем болью и страданием, кто только наблюдает, правит, исполняет Свою волю в страдающем и конфликтующем мире, и если не исполняет Свою волю, а допускает, что миром правит непреложный закон, бесполезный для Него или недостаточно помогающий, то тогда это не Бог, не всемогущий, не все-добрый и все-любящий. Никакая теория экстракосмического морального Бога не может объяснить зло и страдание, — порождение зла и страдания, — за исключением неудовлетворительной увертки, избегающей самой постановки вопроса, вместо того, чтобы ответить на него, или простого или подразумеваемого Манихеизма, практически отрицающего Божество в попытке оправдать его пути или его работу. Но такой Бог не есть Ведантная Сатчитананда. Сатчитананда Веданты есть одно существование без второго; все, что существует, есть Он. Далее, если зло и страдание существуют, то именно Он породил это зло и страдание в созданиях, в которых Он воплотил Себя. Тогда проблема полностью меняется. Вопрос уже более не заключается в том, как Бог дошел до того, что создал для Своих творений страдание и зло, которые невозможны в Нем самом, и поэтому Он к ним невосприимчив, а как пришло единственное и бесконечное Существование-Созна-

ние-Блаженство к тому, что допустило в себя то, что не является блаженством, что кажется его позитивным отрицанием.

Половина моральной трудности — трудности в той форме, на которую нет ответа — исчезает. Она более не возникает, не может более быть поставлена. Жестокий по отношению к другим, я остаюсь невосприимчив к страданиям или даже разделяю их, выражая сожаления или принося запоздалые соболезнования — это одно дело; но совсем другое дело -- это накладывать страдания на самого себя, будучи единым существованием. И все же этическое затруднение может вернуться в модифицированном виде; если ВсеВосторг неизбежно есть все-добро и все-любовь, то как могут зло и страдание существовать в Сатчитананде, если она является не механическим существованием, а свободным и сознательным бытием, свободным осудить и отвергнуть зло и страдание? Мы должны увидеть, что такая постановка также ложна, поскольку она использует термины частных утверждений так, как если бы они были применимы к целому. Ведь представления о добре и любви, которые мы таким образом вносим в концепцию Все-Восторга, возникли из двойственного и отдельного представления вещей; эти представления полностью основываются на связях между отдельными созданиями, а мы продолжаем применять их к проблеме, стартовой, напротив, с предположения об Одном, кто есть все. Сначала мы должны увидеть, как проблема возникает или как она может быть решена в ее изначальной чистоте, на основе единства в различии; только затем сможем мы благополучно иметь дело с ее частями и следствиями, такими как отношения между созданиями на основе разделения и двойственности.

Мы должны уяснить, если мы обзираем целое и при этом не ограничиваем себя человеческими трудностями и человеческой точкой зрения, что мы живем не в этическом мире. Попытка человеческого мышления приписать этическое значение всей Природе является одним из тех актов своенравного и упрямого само-заблуждения, одной из тех жалких попыток человеческого существа видеть самого себя, свое ограниченное привычное человеческое я во всех вещах и судить о них с той точки зрения, которую человек лично развил, что наиболее эффективно препятствует ему обрести реальное знание и полное видение. Материальная Природа не является этической; закон, управляющий ею, представляет собой согласование фиксированных привычек, не ведающих о добре и зле, а ведающих лишь о силе, которая создает, упорядочивает и сохраняет, силе, возмущающей и беспристрастно разрушающей, действует вне этики, в соответствии с сокрытой в ней Волей, в соответствии с безмолвным удовлетворением той Воли в ее собственных само-образованиях и само-растворениях. Животная или Витальная Природа также вне этики, хотя в ходе своей эволюции она и предоставляет тот грубый материал, из которого высшее млекопитающее развивает этический импульс. Мы не обвиняем тигра за то, что он хищник и пожирает свою добычу, как не обвиняем мы шторм за то, что он разрушает, или огонь за то, что он сжигает и убивает; а также сознательная сила в шторме, огне или тигре не обвиняет или оправдывает себя. Осуждение и оправдание, или, скорее, само-осуждение и само-оправдание есть начало истинной этики. Когда мы осуждаем других, не применяя тот же закон к себе, то не имеем дела с истинно этическим правосудием, а только применяем язык этики к возникшему в нас эмоциональному импульсу отвращения или антипатии к тому, что расстроило нас или нанесло нам вред.

Это отвращение или антипатия есть зарождение этики, но это еще не этика. Страх оленя перед тигром, ярость сильного животного, направленная на нападающего, является витальным отвращением индивидуального восторга существования от того, что угрожает ему. В ходе развития ментальности это отвращение утончается до неприятия, антипатии, неодобрения. Неодобрение того, что угрожает нам и наносит нам вред, одобрение того, что приятно нам и удовлетворяет нас, утончается до концепции добра и зла по отношению к индивиду, к сообществу, к другим, не нам, иным сообществам, и наконец, до общего принятия добра, общего неприятия зла. Но везде фундаментальная природа вещей остается той же самой. Человек жаждет само-выражения, само-развития, другими словами, прогрессирующей игры в себе сознательной силы существования; это — его фундаментальный восторг. Все, что нарушает это само-выражение, само-развитие, удовлетворение развивающегося “я”, является для него злом; все, что помогает, поддерживает, поднимает, возвышает, облагораживает, есть его добро. Единственно, его концепция само-развития меняется, становится выше и шире, начинает превосходить его ограниченную персональность, чтобы охватить других, включить все в свой охват.

Иными словами, этика — это стадия в эволюции. То, что является общим для всех стадий, есть непреодолимое стремление Сатчитананды к само-выражению. Это побуждение поначалу не-этическое, затем инфра-этическое в животных, потом даже против-этическое в думающем животном, поскольку оно позволяет нам одобрять вред, наносимый другим — то, что мы не приемлем по отношению к самим себе. В этом отношении человек сейчас только полу-этичен. И точно так, как все ниже нас является инфра-этическим, также может стать, что то место, которого мы естественным образом достигнем, место, являющееся супра-этическим, вовсе не нуждается в этике. Этический импульс и позиция, столь важные для человечества, являются инструментами, посредством которых оно в борьбе выбирается из низшей гармонии и всеобщности, базирующихся на несознании и разбитых Жизнью на индивидуальные разногласия, выбирается к высшей гармонии и всеобщности, основывающихся на сознательном тождестве со всем существованием. При достижении той цели эти средства более не будут необходимыми или даже возможными, поскольку качества и противостояния, от которых они зависят, будут естествен-

ным образом растворены и исчезнут в окончательном примирении.

Следовательно, если этическая точка зрения применима только ко временному, хотя совершенно важному переходу от одной всеобщности к другой, то мы не можем использовать ее для полного решения проблемы вселенной, а можем только допустить ее как один элемент в том решении. Сделать иначе — значит подвергнуться опасности фальсификации все факты вселенной, весь смысл эволюции за нами и за пределами нас с той лишь целью, чтобы подстроиться под временный взгляд и полу-развитое видение полезности вещей. Мир имеет три уровня: инфра-этический, этический и супра-этический. Мы должны найти то, что является общим для всех них; ведь только так сможем мы разрешить проблему.

То, что является общим для них, есть, как мы видели, удовлетворение сознательной силы существования, развивающейся в формах и ищущей свой восторг в этом развитии. Из того удовлетворения или восторга существования возникла сознательная сила; ведь это то, что нормально для нее, к чему она тянется, что составляет ее базу; но она ищет новые формы, и в этом переходе к высшим формам вмешиваются явления боли и страдания, кажущиеся противоречащими фундаментальной природе ее бытия. Единственно это составляет корень проблемы.

Как мы можем решить ее? Должны ли мы сказать, что Сатчитананда — это не начало и конец вещей, а началом и концом вещей является Ничто, беспристрастная пустыня, ничего собой не представляющая, но содержащая в себе все возможности существования или не-существования, сознания или не-сознания, восторга или невосторга? Мы можем придерживаться этой точки зрения, если нам угодно; тогда, хотя мы и стремились объяснить все, но в действительности не объяснили ничего, а всего лишь включили все. Ничто, наполненное всеми потенциальностями, есть наиболее полное из возможных противостояние выражений и вещей, и поэтому мы всего лишь объяснили меньшее противоречие при помощи большего, доведя само-противоречие вещей до его максимума. Ничто есть пустыня, где не может быть никаких потенциальностей; безучастная неопределенность всех потенциальностей есть Хаос, и все, что мы проделали — это поместили Хаос в Пустыню, не объяснив того, как он там оказался. Поэтому давайте вернемся к нашей первоначальной концепции Сатчитананды и посмотрим, возможно ли более полное решение на том основании.

Прежде всего, мы должны уяснить себе, что точно также, как когда мы говорим о вселенском сознании, то имеем в виду нечто отличное от пробужденного ментального сознания человеческого существа, нечто более сущностное и более широкое, чем оно, то точно также, когда мы говорим о вселенском восторге существования, мы подразумеваем нечто отличное от обычного эмоционального и чувственного удовольствия индивидуального человеческого создания, нечто более сущностное и более широкое, чем оно. Удовольствие, радость и восторг в том смысле, в каком человек употребляет эти слова, являются ограниченными преходящими движениями, зависящими от определенных привычных обстоятельств и возникают, как и их противоположности — боль и печаль, которые равным образом являются ограниченными и преходящими движениями, из основания иного, нежели они сами. Восторг существования универсален, беспределен и само-существует, не зависит от каких-либо особенных обстоятельств, это основа всех основ, из которой возникают удовольствие, боль и другие более нейтральные переживания. Когда восторг бытия стремится реализовать себя в качестве восторга становления, он прибегает к движению силы и сам принимает различные формы движения, позитивными и негативными течениями которого являются удовольствие и боль. Будучи подсознательным в Материи и сверхсознательным за пределами Разума, этот восторг стремится реализовать себя в Разуме и Жизни посредством появления в становлении, в нарастающем само-сознании движения. Его первые явления двойственны и нечисты, движутся между полюсами удовольствия и боли, но его цель заключается в само-раскрытии в чистоте верховного восторга бытия, само-существующего и не зависящего от объектов и обстоятельств. Точно так, как Сатчитананда движется по направлению к реализации вселенского существования в индивидуальном и реализации превышающего формы сознания в форме тела и разума, она также движется к реализации вселенского, само-существующего и беспредметного восторга в потоке частных переживаний и целей. Те цели мы сейчас преследуем как побудительные причины преходящего удовольствия и удовлетворения; будучи свободными, обладающими своим настоящим “я”, мы не будем искать их, а будем обладать ими скорее как отражениями, а не как причинами восторга, который существует вечно.

В эгоистическом человеческом существе, ментальной личности, вышедшей из тусклой оболочки материи, восторг существования нейтрален, полу-сокрыт, все еще находится в тени подсознательного, подобно почве, орошенной желаниями, и густо усеянной буйной порослью ядовитых сорняков и не менее густо — ядовитыми цветами, болью и удовольствием нашего эгоистического существования. Когда божественная сознательная сила, тайно работающая в нас, поглотит эти ростки желания, когда в образах Риг Веды огонь Бога сожжет подошвы земли, тогда то, что сокрыто в корнях боли и удовольствия, их причина и тайное бытие, жизненный сок восторга в них, вольются в новые формы — не желания, а само-существующего удовлетворения, которое заменит смертное удовольствие Бессмертным экстазом. И эта трансформация возможна, поскольку эти ростки чувства и эмоции находятся в сущностном бытии, боль не в меньшей степени, чем удовольствие, в сущностном бытии того восторга существования, к которому они стремятся, но которого они не могут обнаружить — не могут вследствие разделения, эгоизма и неведения о настоящем я.

ВОСТОРГ СУЩЕСТВОВАНИЯ: РЕШЕНИЕ

Имя ему есть Восторг; как Восторгу должны мы Ему поклоняться и искать Его.

Кена Упанишада (IV.6.)

В этом представлении о неотъемлемом базисном восторге существования, по отношению к которому все внешние или поверхностные ощущения являются позитивной, негативной или нейтральной игрой, волнами и вздымающейся пеной тех бесконечных глубин, мы приходим к верному разрешению исследуемой проблемы. Настоящим “я” вещей является бесконечное неделимое существование; сущностной природой или мощью того существования является бесконечная непреходящая сила само-сознательного бытия; и сущностной природой или само-знанием того само-сознания является, снова, бесконечный неотъемлемый восторг бытия. В бесформенности и во всех формах, в вечном осознании бесконечного и неделимого бытия и в многообразных явлениях конечного разделения это само-существование на вечно сохраняет свой само-восторг. Подобно тому, как наша душа, освобождаясь от бремени собственных поверхностных привычек и частной моды само-сознательного существования, открывает в кажущейся несознательной Материи ту бесконечную Сознательную Силу, неизменную, недвижимую, вынашивающую мир, также она приходит к открытию в кажущейся неоощущающей Материи бесконечность сознательного Восторга, непоколебимого, экстатического, все-охватывающего, и настраивается на него. Этот восторг есть ее собственный восторг, это “я” есть ее собственное “я” во всем; но для нашего обычного взгляда на “я” и вещи, для взгляда, который пробудился и только скользит по поверхности, это остается сокрытым, глубоко зарытым, подсознательным. И подобно тому, как восторг находится внутри всех форм, также он внутри всех переживаний, будь то приятных или болезненных, будь то нейтральных. Там он также сокрыт, глубоко зарыт, подсознателен, но именно он дает возможность вещам удерживаться в существовании и побуждает их к этому. Это - причина того цепляния за существование, той непреодолимой воли-быть, витально транслирующейся как инстинкт само-сохранения, физически — как нерушимость материи, ментально — как чувство бессмертия; это та причина, которая проводит формирующееся существование через все фазы само-развития, и по отношению к которой даже встречающийся импульс само-разрушения является только обратной формой, притяжением к другому состоянию бытия и, как следствие, отторжением от текущего состояния бытия. Восторг есть существование, Восторг есть тайна творения, Восторг есть корень рождения, Восторг есть причина, удерживающая в существовании, Восторг есть конец рождения и то, во что творение уходит. “Из Ананды”, — говорят Упанишады, — “все существующее рождено, благодаря Ананде оно остается в бытии и растет, в Ананду все уходит”.

Когда мы взглянем на три этих аспекта сущностного Бытия, в действительности единого, триединого для нашего ментального взгляда и разделенного только в видимости, в явлениях делящего сознания, тогда сможем расставить по своим местам расходящиеся формулы древних философий, так что они объединятся и станут одним, избавившись от своей вековой противоречивости. Ведь если мы рассматриваем мировое существование лишь в его видимости и только в его связи с чистым, бесконечным, неделимым, неизменным Существованием, то склонны рассматривать его, описывать его и представлять его себе как Майю. Майя в своем первоначальном смысле означала всеобъемлющее и все-вмещающее сознание, способное охватывать, вымерять и ограничивать, а потому формирующее сознание; Майя — это именно то, что очерчивает, распределяет, создает формы в бесформенном, вносит психологию и создает ощущение познаваемости Непознаваемого, вносит геометрию и создает ощущение измеримости беспредельного. Позднее мир отошел от этого изначального смысла знания, умения, интеллекта, подхватив уничижительный смысл ловкачества, подделки или иллюзии, и именно в образе очарования или иллюзии Майя используется в философских системах.

Мир есть Майя. Мир отнюдь не нереален в том смысле, что он не существует ни под каким видом; ибо даже если мир был бы только сном “я”, то он все же существовал бы в Нем как его сон, реальный для Него в том виде, в каком он есть, даже если в конечном итоге он был бы нереален. А также не должны мы говорить, что мир нереален в том смысле, что не обладает каким-либо вечным существованием; ведь хотя частные миры и частные формы могут физически растворяться и ментально возвращаться из сознания проявления в не-проявление, и в действительности так и происходит, все же Форма в себе, Мир в себе — вечны. Из не-манифестации они неизбежно возвращаются в манифестацию; они имеют вечную возвращаемость, если не вечное постоянство, вечную неизменность в конечной цели и в основании вкупе с вечной изменчивостью в аспекте и видимости. А также мы несколько не можем быть уверенными в том, что когда-либо был или будет период во Времени, когда ни форма вселенной, ни игра бытия не будут представлены в вечном Сознательном Бытии, а только мы имеем интуитивное восприятие, что мир, каким мы его знаем, мог и действительно возник из Того и вечно в Него возвращается.

Все же мир есть Майя, поскольку он не является сущностной истиной бесконечного существования, а является

лишь порождением само-сознательного бытия — не творением в пустыне, не созданием в ничто и из ничего, а творением в вечной Истине и из вечной Истины того Само-бытия; содержащим его, его началом и его субстанцией является сущностное, реальное Существование, формы мира являются изменчивыми образованиями Того для Его собственного сознательного восприятия, являются образованиями, определяемыми Его собственной созидательной сознательной силой. Формы могут проявляться, могут не проявляться, могут проявляться по-иному. Поэтому мы можем, если захотим, назвать их иллюзиями бесконечного сознания, и таким образом дерзко отбросить тень нашего ментального ощущения подчинения ошибке и немощи на то, что, будучи более великим, чем Разум, превышает подчинения лжи и иллюзии. Но, видя, что сущностью и субстанцией Существования является не ложь, и что все ошибки и деформации нашего разделенного сознания представляют некую истину неделимого само-сознательного Существования, мы можем только сказать, что мир не есть сущностная истина Того, что мир — это феноменальная истина Его свободной множественности и бесконечной поверхностной изменчивости, а не истина Его фундаментального и неизменного Единства.

Если, с другой стороны, мы смотрим на мировое существование только в связи с сознанием и в связи с силой сознания, то можем рассматривать, описать и представить мир как движение Силы, подчиняющейся некоей сокрытой воле или же, некоторой необходимости, наложенной на него самим существованием Сознания, которое обладает им. Следовательно, мир — это игра Пракрити, исполняющей Силы, затеянная для удовлетворения Пуруши, рассматривающего и наслаждающегося Сознательным Бытием, или мир — это игра Пуруши, отражающаяся в движениях Силы, с которыми Он отождествляется. Следовательно, мир — это игра Матери вещей, движимой с тем, чтобы бросить Себя навечно в бесконечные формы и жаждущей вечно изливающихся переживаний.

Опять же, если мы смотрим на мировое существование во взаимосвязи с само-восторгом вечно существующего бытия, то можем рассматривать, описывать и представлять его как Лилию, игру, радость ребенка, радость поэта, радость актера, радость конструктора Души вещей, игру вечно юную, навечно неистощимую, творящую и воспроизводящую Его в Нем Самом ради тонкого блаженства того само-созидания, того само-представления — Сам — игра, Сам — игрок, Сам — игровое поле. Эти три обобщения игры существования, три обобщения, сделанные в связи с вечной и стабильной, неизменной Сатчитанандой, и стартующие с трех концепций: Майи, Пракрити и Лили и представляющиеся в наших философских системах как противоречащие друг другу философские подходы, в действительности совершенно согласуются друг с другом, дополняют друг друга и необходимы в их тотальности для интегрального взгляда на мир. Мир, частью которого мы являемся, на первый взгляд кажется движением Силы; но та Сила, когда мы проникаем за ее видимости, оказывается постоянным и все же изменчивым ритмом созидательного сознания, бросающего, проецирующего в себя феноменальные истины собственного бесконечного и вечного бытия; и этот ритм в его сущности, причине и цели является игрой бесконечного восторга бытия, навечно занятого собственными бесчисленными само-представлениями. Этот тройной или триединый взгляд должен стать отправной точкой для всего нашего познания вселенной.

Следовательно, поскольку вечный и неизменный восторг бытия, выдвигаемый в бесконечный и изменчивый восторг становления, является корнем всей проблемы, то мы должны постичь одно неделимое сознательное Бытие за всеми нашими переживаниями, поддерживаемыми его неотделимым восторгом и вызываемыми его движениями в виде реакций удовольствия, боли и нейтрального безразличия в нашем чувственном опыте. Это наше настоящее я; ментальное существо, подчиненное тройной вибрации, может быть только представителем нашего настоящего “я”, выдвинутым вперед в целях обретения того чувственного опыта вещей, который является первым ритмом нашего разделенного сознания в его отклике и реакции на множественные контакты вселенной. Это несовершенный отклик, путанный и сбивчивый ритм, подготавливающий полную и единую игру сознательного Бытия в нас и являющийся ее прелюдией; это не истинная и совершенная симфония, которую мы можем обрести, если когда-либо сможем войти в созвучие с Одним во всех вариациях и сможем настроить себя на абсолютный вселенский камертон.

Если этот взгляд верен, то определенные следствия не заставят себя долго ждать. Прежде всего, поскольку в наших глубинах мы сами и есть то Одно, поскольку в реальности нашего существа мы являемся неделимым Все-Сознанием и поэтому неотъемлемым Все-Блаженством, то деление нашего чувственного опыта на три составляющих: вибрации боли, удовольствия и безразличия может быть лишь поверхностной установкой, созданной той ограниченной частью, которая преобладает в нашем пробужденном сознании. За этой поверхностью должно скрываться нечто гораздо более обширное, более глубокое, более истинное, чем само поверхностное сознание — что получает восторг равным образом во всех переживаниях; именно этот восторг скрыто поддерживает поверхностное ментальное существо и позволяет ему сохраняться в ходе всех работ, страданий и испытаний в бурном движении Становления. То, что мы называем собой — это только дрожащий луч на поверхности; позади — все обширное подсознательное, обширное сверхсознательное, извлекающее выгоду из этих поверхностных переживаний и накапливающее их на внешнее “я”, которое выставляется как некоторого рода покрытие, чувствительное к контактам мира; оставаясь завуалированной, эта наша обширная часть принимает эти контакты и ассимилирует их, переводя в ценности более истинного, более глубокого, более умелого и созидательного опыта. Из своих глубин она

возвращает их на поверхность в формах силы, качества, знания, побуждения, чьи корни мистичны для нас, поскольку наш разум движется и подрагивает на поверхности и не выучился концентрировать себя и жить в этих глубинах.

В нашей обыденной жизни эта истина сокрыта от нас или лишь слабо проблескивает временами, либо несовершенно удерживается и несовершенно постигается. Но если мы научимся жить внутри, то безошибочно будем пробуждены к этому присутствию восторга внутри нас, что есть наше более реальное “я”, присутствие глубокое, спокойное, полное радости и могущественное, над которым мир не господин — присутствие, являющееся если не Самим Господом, то сиянием Господа внутри. Мы осознаем его внутри, поддерживающего видимое и поверхностное “я” и помогающего ему, и улыбающегося над его удовольствиями и болями как над ошибками и увлечениями маленького ребенка. И если мы сможем отойти назад в себя и отождествиться не с нашим поверхностным переживанием, а с тем сияющим полусветом Божественного, сможем жить в этом состоянии по отношению к контактам мира, оставаясь в полном сознании позади удовольствий и болей тела, позади витального существа и разума, тогда сможем мы овладеть ими как переживаниями, чья природа, будучи поверхностной, не затрагивает наше центральное и настоящее существо и не накладывается на него. В образных Санскритских выражениях, существует анандамайя за маномайей, обширное Блаженство “я” за ограниченным ментальным “я”, и последнее есть только теневой образ и искривленное отражение предыдущего. Истина о нас самих лежит внутри, а не на поверхности.

Опять же, тройная вибрация удовольствия, боли, безразличия, будучи приспособлением и результатом нашей несовершенной эволюции, не может нести в себе ни абсолютности, ни необходимости. На самом деле мы вовсе не обязаны отвечать на частный контакт частным откликом в виде удовольствия, боли или нейтральной реакции, это всего лишь сила привычки. Мы ощущаем удовольствие или боль при каком-либо частном контакте, потому что так сформировалась привычка нашей природы, потому что так установилась постоянная связь между воспринимающим и контактом. В наших силах возвращать прямо противоположный отклик — удовольствие, когда мы обычно чувствуем боль, боль — когда мы обычно получаем удовольствие. И также в пределах наших возможностей приучить поверхностное существо возвращать вместо механических реакций удовольствия, боли и безразличия тот свободный отклик неотъемлемого восторга, являющийся постоянным переживанием истинного и обширного Блаженства “я” внутри нас. И это гораздо большее завоевание, еще более глубокое и более полное самообладание, чем умиротворенное и открепленное восприятие в глубинах тех привычных реакций, которые происходят на поверхности. Ибо это более не будет простым принятием без подчинения, вынужденным согласием с несовершенными ценностями переживания, а это позволит нам преобразовать несовершенные ценности в совершенные, ложные ценности в истинные — это постоянный, но подлинный восторг Духа в вещах, занимающий место двойственностей, переживаемых ментальным существом.

Нетрудно постичь эту чисто привычную относительность реакций удовольствия и боли в вещах разума. Нервное существо в нас, действительно, приучено к определенной фиксированности, ложному впечатлению абсолютности этих вещей. Для него победа, удача, награда, благое везение всех видов являются приятными вещами сами по себе, абсолютно, и должны вызывать радость подобно тому, как сахар должен быть сладким; поражение, падение, неприятность, разочарование, немилость, невезение всех видов являются неприятными вещами сами по себе, абсолютно, и должны вызывать горе подобно тому, как полынь вызывает горечь. Изменять эти отклики — значит отклоняться от факта, это ненормально и болезненно; ведь нервное существо — это вещь, покорная привычке и сама по себе являющаяся средством, изобретенным Природой для фиксированной неизменности реакции, одинаковости переживания, установленной схемы человеческих связей с жизнью. Ментальное существо, напротив, свободно, ведь оно является средством, изобретенным Природой для гибкости и изменчивости, для изменения и прогресса; оно подчинено лишь до тех пор, пока делает выбор остаться подчиненным, пребывать в рамках одной ментальной привычки в большей степени, чем в другой, или пока оно позволяет себе быть подавленным своим нервным инструментом. Ментальное существо не обязано горевать над поражениями, немилостью, потерями: оно может принимать эти вещи и вообще все вещи с совершенным безразличием; оно даже может встречать их с совершенным довольством. Поэтому человек обнаруживает, что чем больше он отказывается быть подавленным своими нервами и телом, чем больше он отходит от того, чтобы быть вовлеченным своими физическими и витальными частями, тем больше его свобода. Он становится господином своих откликов на контакты мира, и больше не остается рабом внешних толчков.

Труднее применить эту универсальную истину по отношению к физическому удовольствию и физической боли; ведь там само средоточие нервов и тела, центр и место того а нас, чья природа подчинена внешним контактам и внешнему давлению. Однако даже здесь мы получаем проблески истины. Мы видим это в том факте, что в соответствии с привычкой один и тот же физический контакт может либо приносить удовольствие, либо быть болезненным, и не только для различных индивидов, а для одного и того же индивида в различных условиях или на различных стадиях его развития. Мы видим это в том факте, что человек в период величайшего возбуждения или высокой экзальтации остается физически безразличным к боли или не осознает ее при контактах, которые в обычных условиях привели бы к серьезным мукам или страданиям. Во многих случаях страдание возвращается только

тогда, когда нервы становятся способными утвердиться вновь и напомнить ментальности о ее привычной обязанности страдать. Но это возвращение привычной обязанности не является неизбежным; это только привычка. Мы видим, что в опытах по гипнозу гипнотизируемый не только может полностью забыть о чувстве боли при ранении или уколе, находясь в ненормальном состоянии, а с равным успехом он может быть удержан от того, чтобы к нему вернулась его привычная реакция страдания, когда он пробудится. Причина этого явления предельно проста; это происходит вследствие того, что гипнотизер временно приостанавливает действие привычного пробужденного сознания, являющегося рабом нервных привычек, и может воззвать к сублиминальному ментальному существу, скрытому в глубинах, внутреннему ментальному существу, являющемуся господином, если того пожелает, над нервами и телом. Но эта свобода, установленная при помощи гипноза ненормально, быстротечно, без истинного обладания, посредством чужой воли, может равным образом достигаться нормально, постепенно, с истинным обладанием, посредством собственной воли, так чтобы ментальное существо частично или полностью одержало бы победу над обычными нервными реакциями тела.

Боль разума и тела — это приспособление Природы, скажем, Силы в ее работе, назначенное обслуживать определенную преходящую цель в ее направленной вверх эволюции. С точки зрения индивида мир является игрой и сложным сплетением толчков многочисленных сил. Посреди этой сложной игры индивид стоит как ограниченное сконструированное существо с ограниченным количеством силы, подверженное бесчисленным ударам, которые могут ранить, покалечить, разрушить или уничтожить конструкцию, которую он называет собой. Боль по своей нервной и физической природе является отвращением от опасного или пагубного контакта; это часть того, что Упанишады называют джугупса, сжатие ограниченного существа, уклоняющегося от того, что не является им самим и не созвучно ему или не находится с ним в гармонии, это его импульс само-защиты от “других”. Это, с такой точки зрения, является указанием Природы на то, чего следует избегать или, если не полностью избегать, то исправлять. Такая реакция не приходила в бытие чисто физического мира до тех пор, пока жизнь не вошла в него; ведь до тех пор было достаточно механических методов. Это началось тогда, когда жизнь с ее хрупкостью и несовершенным обладанием Материей выступила на сцену; оно росло вместе с ростом Разума в жизни. Так будет продолжаться до тех пор, пока Разум ограничен в жизни и теле, которые он использует, зависит от них по части знаний и средств действия, подчинен их ограничениям и эгоистическим импульсам и целям, рожденными теми ограничениями. Но если и когда Разум в человеке сможет стать свободным, неэгоистичным, быть в гармонии со всеми другими существами и с игрой вселенских сил, тогда страдание будет все меньше использоваться, пока, наконец, не исчезнет причина его существования, и само страдание сможет удерживаться лишь как атавизм Природы, как привычка, которая пережила сроки ее использования, как упрямая живучесть низшего в еще несовершенной организации высшего. Окончательное устранение страдания явится существенной точкой в предначертанной победе души над подчиненностью Материи и над эгоистическим ограничением в Разуме.

Это устранение возможно, поскольку боль и удовольствие сами по себе являются потоками, один из которых несовершенный, а другой — своенравный, но все же это потоки восторга существования. Причиной этого несовершенства и этого своенравия является само-деление существа в его сознании посредством отмеряющей и лимитирующей Майи и, как следствие, эгоистическое и фрагментарное, вместо универсального, восприятие контактов индивидом. Ибо вселенская душа во всех вещах и всех контактах вещей воспринимает сущность восторга, лучше всего описываемую Санскритским эстетическим термином *раса*, который означает сок или эссенцию вещи и одновременно ее вкус. Это происходит из-за того, что при контакте с вещью мы не ищем ее сущности, а лишь смотрим на то, в какой мере она затрагивает наши желания и опасения, наши пристрастия и сжатия, и поэтому горе и боль, несовершенное и преходящее удовольствие или безразличие, то есть, пустая неспособность охватить сущность, являются нам в качестве форм, принимаемых Расой. Если мы могли бы полностью быть беспристрастными в разуме и сердце и смогли бы наложить это открепление на нервное существо, то постепенное устранение этих несовершенных и своенравных форм Расы стало бы возможным, и нам бы стал доступен истинный сущностный вкус неотчуждаемого восторга существования во всех его вариациях. Мы подступаемся к этой возможности получать варьирующийся, однако универсальный восторг в эстетическом восприятии вещей в образах Искусства и Поэзии, так что мы наслаждаемся там Расой или вкусом печального, грозного, даже ужасного или отвратительного¹; и причина этого кроется в том, что мы откреплены, беспристрастны, помышляем не о себе или само-защите (джугупса), а только о вещи и ее сущности. Разумеется, это эстетическое восприятие контактов не является точным образом или отражением чистого восторга, который супраментален и супра-этичен; ибо супраментальное восприятие устраняет печаль, страх, ужас и отвращение вместе с их причиной, тогда как эстетическое допускает их: однако оно частично и несовершенно представляет одну из стадий постепенного проявления восторга вселенской Души в вещах и позволяет одной из частей нашей природы открепляться от эгоистического ощущения и занимать ту универсальную позицию, через которую одна Душа видит гармонию и красоту там, где мы как разделенные существа испытываем скорее хаос и разногласие. Полное освобождение может придти к нам только при аналогичного освобождении всех наших частей, благодаря универсальной эстетике, универсальной позиции знания,

¹ В Санскритской Риторике они называются каруна, бхайянака и бибхатса Расы.

универсального открепления от всех вещей и все же благодаря симпатии ко всему в нашем нервном и эмоциональном существе.

Поскольку природа страдания заключается в неспособности сознания-силы в нас встречать удары существования и следующие за ними сокращения и сужения, и поскольку корни страдания заключены в неровности той воспринимающей и захватывающей силы из-за нашего само-ограничения, вызванного эгоизмом, вследствие неведения нашего истинного “я”, Сатчитананды, то устранение страдания должно начаться с замены джугупсы, сокращения и сужения, на титикшу, встречу лицом к лицу, стойкость и покорение всех ударов существования; благодаря этой стойкости и покорению мы придем к ровности, которая может быть либо равной беспристрастностью ко всем контактам, либо равным довольством всеми контактами; и, в свою очередь, эта ровность должна найти прочное основание для замены эго-сознания, радующегося и страдающего, на сознание Сатчитананды, являющееся Все-Блаженством. Сознание Сатчитананды может подняться над вселенной и стоять поодаль от нее, и можно достичь этого состояния отдаленного Блаженства путем равного беспристрастия; это аскетический путь. Либо сознание Сатчитананды может быть одновременно трансцендентным и вселенским, и можно достичь этого состояния присутствующего и все-охватывающего Блаженства путем сдачи и потери эго в универсальном и в обладании все-пропитывающим равным восторгом; это путь древних Ведантных мудрецов. Но первым прямым и естественным результатом само-дисциплины души обычно является лишь нейтральность по отношению к несовершенным касаниям удовольствия и упорствующим касаниям боли, а переход к равному восторгу может произойти только позднее. Прямая трансформация тройной вибрации в Ананду возможна, но не так легко достижима для человеческого существа.

Таков взгляд на вселенную, возникающий из интегрального Ведантного утверждения. Бесконечное, неделимое существование все-блаженное в своем чистом само-сознании выдвигается из своей фундаментальной чистоты в разнообразную игру Силы сознания, в движение Пракрити, являющееся игрой Майи. Восторг существования поначалу само-сбран, абсорбирован, подсознателен в базисе физической вселенной; затем он всплывает в величайшей массе нейтрального движения, что еще не является тем, что мы называем ощущением; далее он всплывает с ростом разума и эго в виде тройной вибрации боли, удовольствия и безразличия, вибрации, возникающей из-за ограниченности силы сознания в форме и из-за подверженности этой формы ударам вселенской Силы, которую она находит чуждой себе и не гармонирующей с ее собственными мерами и стандартами; наконец, полная Сатчитананда сознательно всплывает в своих творениях благодаря универсальности, ровности, само-обладанию и покорению Природы. Это курс и движение мира.

Если спросить, почему Одно Существование должно получать восторг в таком движении, то ответ найдется в том факте, что все возможности внутренне присущи Его бесконечности, и что восторг существования — в его меняющемся становлении, а не в неизменном бытии, — заключается в точности в разнообразной реализации его возможностей. И эта возможность, вырабатываемая здесь во вселенной, частью которой мы являемся, начинается с сокрытия Сатчитананды в том, что кажется ее собственной противоположностью, и с ее само-обнаружения даже среди этих противоположностей. Бесконечное бытие теряет себя в видимости не-бытия и возникает в видимости конечной Души; бесконечное сознание теряет себя в видимости обширного неопределенного несознания и возникает в видимости поверхностного ограниченного сознания; бесконечная само-поддерживающая Сила теряет себя в видимости хаоса атомов и возникает в видимости ненадежного баланса мира; бесконечный Восторг теряет себя в видимости нечувствительной Материи и возникает в видимости диссонирующего ритма варьирующейся боли, удовольствия и нейтрального чувства, любви, ненависти и безразличия; бесконечное единство теряет себя в видимости хаоса множественности и возникает в диссонансе сил и существ, стремящихся восстановить единство путем обладания, растворения и взаимного поглощения. В этом творении должна появиться настоящая Сатчитананда. Человек, индивид должен появиться и жить как вселенское существо; его ограниченное ментальное сознание должно расшириться до сверхсознательного единства, в котором каждое объемлет все; его узкое сердце должно научиться бесконечному охвату и должно заменить свои страсти и разногласия на вселенскую любовь, его ограниченное витальное существо должно обрести ровность по отношению ко всем встряскам вселенной, обрушивающихся на него, и должно стать способным к вселенскому восторгу; само его физическое существо должно узнать себя не как отделенную сущность, а как единое с целостным течением неделимой Силы, содержащейся во всех вещах; вся его природа должна индивидуально воспроизвести единство, гармонию, тождество-во-всем верховного Существования-Сознания-Блаженства.

Во всей этой игре сокрытая реальность предстает всегда одним и тем же восторгом существования, — одинаковым как в восторге подсознательного сна до возникновения индивида, так и в восторге борьбы и во всех вариациях, превратностях, искажениях, превращениях, обращениях усилия в поисках себя в путанице полу-сознательной грезы, в центре которой стоит индивид, так и в восторге вечного сверхсознательного само-обладания, до которого индивид должен пробудиться и стать одним с неделимой Сатчитанандой. Это игра Одного, Господа, Всего, как она раскрывает себя нашему освобожденному и освещенному знанию с понятийной точки зрения на эту материальную вселенную.

БОЖЕСТВЕННАЯ МАЙЯ

Именами Господа и ее именами они придали форму и отмерили силу Матери Света; вытягивая ниточку могущества за ниточкой могущества той Силы как мантши, властелины Майи вылипили Форму в этом Бытии.

Мастера Майи формировали все при помощи Его Майи; Отцы, имеющие божественное видение, поместили Его внутри как ребенка, который должен родиться.

Риг Веда (III.38.7; IX.83.3.)

Существование, действующее и творящее мощью и из чистого восторга своего сознательного бытия есть реальность, которой мы являемся, “я” всех наших мод и расположений, причина, предмет и цель всего нашего делания, становления и творчества, как например, поэт, артист или музыкант, в действительности не делает ничего, а лишь развивает некоторую потенциальность своего непроявленного “я”, доводя ее до проявленной формы, и как, например, мыслитель, государственный деятель, механик только привносит в форму вещей то, что было сокрыто в нем самом, было им, все еще остается им, будучи брошенным в форму, так что эта реализовавшаяся потенциальность существует одновременно и в мире, и в Вечном. Все творение или становление есть ни что иное, как это само-проявление. Из семени развивается то, что уже было заложено в семени, пред-существовало в бытии, предначертано в воли становления, запланировано в восторге становления. Первозданная плазма несла в себе, в силе бытия результирующий организм. Ибо всегда именно та сокрытая, нагруженная, само-знающая сила трудится под воздействием собственного неудержимого импульса для того, чтобы проявить форму, которой она заряжена. И только индивид, созидающий или развивающий из себя, делает различие между собой, силой, работающей в нем, и материалом, в котором он работает. В действительности эта сила есть он сам, индивидуализированное сознание, которое он проводит в жизнь, есть он сам, материал, который он использует, есть он сам, итоговая форма есть он сам. Другими словами, именно одно существование, одна сила, один восторг бытия концентрирует себя в различных точках, говорит каждой “Это есть я” и работает в них посредством разнообразной игры самосилы ради разнообразной игры само-формирования.

То, что Сатчитананда создает — это она сама и не может быть ничем, кроме нее самой; она вырабатывает игру, ритм, развитие собственного существования, силу сознания и восторг бытия. Поэтому все, что приходит в мир, не ищет ничего, кроме этого, кроме того, чтобы быть, достичь назначенной формы, расширить свое само-существование до этой формы, развить, проявить, увеличить, бесконечно реализовать сознание и мощь, заключенные в нем, получить восторг прихода в манифестацию, восторг формы бытия, восторг ритма сознания, восторг игры силы, и чтобы возвеличить и усовершенствовать тот восторг любыми доступными средствами, во всех направлениях, посредством какого угодно представления о себе, которое может быть ему внушено Существованием, Сознанием-Силой, Восторгом, активным внутри его глубочайшего существа.

И если существует какая-либо цель, какая-либо завершенность, к которой стремятся вещи, то это может быть лишь завершенность, — в индивидуальном и в целом, которое составляют индивиды, — его само-существования, его мощности и сознания, и его восторга бытия. Но такая завершенность невозможна в индивидуальном сознании, сконцентрированном в пределах индивидуального образования; абсолютная завершенность невозможна в конечном, поскольку ей чуждо само-представление конечного. Поэтому единственно возможная конечная цель — это возникновение бесконечного сознания в индивиде; в этом заключается его восстановление истины о себе посредством само-знания и само-реализации, истины Бесконечного в бытии, Бесконечного в сознании, Бесконечного в восторге, обретенных вновь в качестве собственного “я” и Реальности, по отношению к которой конечное является лишь маской и инструментом разнообразного выражения.

Таким образом, исходя из самой природы мировой игры, как она была реализована Сатчитанандой в обширности Его существования, расширенного как Пространство и Время, должны мы постичь сначала инволюцию и само-погружение сознательного бытия в плотность и бесконечную делимость субстанции, ведь иначе была бы невозможной любая конечная вариация; затем мы должны постичь всплытие само-заключенной силы в бытие формы, живое существо, думающее существо; и наконец, должны мы постичь освобождение сформировавшегося думающего существа в свободную реализацию его одного как Одного и Бесконечного в мировой игре, и путем этого освобождения его возвращение к неограниченному существованию-сознанию-блаженству, которым оно является даже сейчас, хотя и тайно, но реально и вечно. Это тройное движение является цельным ключом к мировой загадке.

Именно это вмещает в себя и озаряет древняя и вечная истина Веданты, она подтверждает и раскрывает пред нами весь смысл современной и феноменальной истины эволюции во вселенной. И только так может обрести собственный полный смысл и оправдание современная истина об эволюции, являющаяся старой истиной Вселенной, последовательно развивающейся во Времени, старой истиной, смутно просматривающейся через изучение Силы и Материи, — она может

сделать это посредством озарения себя Светом древней и вечной истины, доходящей до нас из Писаний Веданты. Мировая мысль уже поворачивается к этому взаимному само-открытию и само-озарению благодаря слиянию старого Восточного и нового Западного знания.

Все же, когда мы нашли, что все вещи суть Сатчитананда, мы еще не объяснили всего. Мы знаем Реальность вселенной, но еще не знаем процесс, посредством которого та Реальность превратила себя в это явление. У нас есть ключ к разгадке, но нам еще нужно найти замок, в котором этот ключ повернуть. Ибо это Существование, Сознательная Сила, Восторг не работают напрямую или с самодержавной безответственностью подобно волшебнику, строящему миры и вселенные простым заклинанием. Мы постигаем процесс, мы познаем Закон.

Верно, что этот Закон кажется сводящимся к равновесию играющих сил и к определенности той игры согласно фиксированным правилам — посредством случайности в развитии и привычки реализованной в прошлом энергии. Но эта видимая и вторичная истина кажется нам окончательной лишь до тех пор, пока мы воспринимаем единственно Силу. Когда мы постигаем, что Сила является само-выражением Существования, наше восприятие ограничено тем, что определенный образ действия Силы соответствует некоторой само-истине того Существования, которое управляет и определяет свой ход и свое назначение. И поскольку сознание составляет природу первозданного Существования и сущность его Силы, то этой истиной должно быть само-восприятие в Сознательном Бытии, и этот определенный образ действия Силы должен происходить из мощности само-направляемого знания, внутренне присущего Сознанию, мощности, позволяющей Сознанию направлять собственную Силу неуклонно по логической линии изначального само-восприятия. Следовательно, именно само-определяемая мощь во вселенском сознании, способность в само-осознании бесконечного существования воспринять определенную Истину в себе и направить свою силу творения по линии той Истины, руководили космическим проявлением.

Но почему должны мы предполагать какую бы то ни было специальную мощь или способность в качестве посредника между самим бесконечным Сознанием и результатом его работы? Почему бы этому Само-осознанию Бесконечной сферы не творить свободно формы, которые затем оставались бы в игре до тех пор, пока не было бы произнесено заклинание, повелевающее им исчезнуть — в точности так, как древнее Семитское откровение говорит нам: “Бог сказал, Да будет Свет, и явился Свет”? Но когда мы говорим “Бог сказал, Да будет Свет”, то предполагаем акт мощи сознания, который устанавливает свет везде, где не было света; и когда мы говорим “и явился Свет”, то подразумеваем направляющую способность, активную мощность, соответствующую первозданной воспринимающей мощи, которая привносит явление и, вырабатывая Свет в соответствии с линией изначального восприятия, предохраняет это явление от подавления всеми бесконечными возможностями, отличными от него. Бесконечное сознание в своем бесконечном действии может приносить лишь бесконечные результаты; для того, чтобы обосновать фиксированную Истину или порядок истин и построить мир в согласованности с тем, что фиксировано, требуется избирательная способность знания, уполномоченная формировать конечную видимость из бесконечной Реальности.

Эта мощь была известна Ведантным провидцам под именем Майи. Майя означала для них мощность бесконечного сознания охватывать, содержать в себе и вымерять, можно сказать, формировать — ибо форма есть разграничение — Имя и Форму из обширной неограниченной Истины бесконечного существования. Именно благодаря Майи статичная истина сущностного бытия становится назначенной истиной активного бытия — или, в переводе на метафизический язык, из верховного бытия, в котором все существует без барьера разделяющего сознания, возникает феноменальное бытие, в котором все существует в каждом, и каждое существует во всем, возникает ради игры существования с существованием, сознания с сознанием, силы с силой, восторга с восторгом. Эта игра всего в каждом и каждого во всем поначалу сокрыта от нас ментальной игрой или иллюзией Майи, которая убеждает каждого, что он во всем, но не все в нем, и что он во всем как отдельное существо, а не как существо, всегда составляющее неделимое целое с остальным существованием. Затем мы должны выйти из этой ошибки в супраментальную игру или ту истину Майи, где “каждое” и “все” сосуществуют в неделимом единстве одной истины и множественного символа. Низшая ментальная Майя, вводящая сейчас в заблуждение, должна сначала быть охвачена, затем превзойдена; ведь именно игра Бога с разделением, темнотой и ограничением, желанием, раздором и страданием, игра, в которой он подчиняет Себя Силе, вышла из него, и в этой игре Он Сам затемняется из-за тусклых ее страданий. Та другая Майя, сокрытая этой ментальной Майей, должна сначала оставаться без внимания, а затем быть воспринята; ведь ради игры Бога, игры бесконечностей существования, великолепия знания, триумфа господней силы и экстаза любви, неограниченной там, где Он всплывает из опоры на Силу, замещает низшую игру на высшую и исполняется в ней освещенным — ради этого Майя поначалу из него вышла.

Это различие между низшей и высшей Майей является той связью в мышлении и в космическом Факте, которую упустили пессимистические и иллюзионистские философии или которой они пренебрегли. Для них ментальная Майя, или возможно, Надразум, является творцом мира, и мир, созданный ментальной Майей, в действительности был бы необъяснимым парадоксом и фиксированным и все же плавучим кошмаром сознательного существования, которое не могло бы классифицироваться ни как иллюзия, ни как реальность. Мы должны увидеть, что разум — это только посредник между созидающим управляющим знанием и душой, заточенной в своей работе. Сатчитананда, вовлеченная одним из Его низших движений в само-забывающее поглощение Силы, потерянной в форме ее собственной работы, возвращается к Нему из само-забвения; Разум — это всего лишь один из Его инструментов в нисхождении и восхождении. Разум

является инструментом нисходящего творения, а не тайным творцом, — переходной ступенью в восхождении, а не нашим высшим изначальным источником и не законченным выражением космического существования.

Философии, считающие единственно Разум творцом миров или принимающие некий первичный принцип вместе с Разумом, считая при этом Разум единственным посредником между этим принципом и формами вселенной, могут быть разделены на чисто ноуменалистические и идеалистические. Чистые ноуменалисты признают в космосе только работу Разума, Мысли, Идеи: но Идея может быть совершенно произвольной и не иметь сущностной связи с какой-либо реальной Истиной существования; или такая Истина, если она существует, может считаться простым Абсолютом, стоящим поодаль от мира связей и несовместимым с ним. Идеалистическая интерпретация предполагает некую связь между Истиной позади и порожденным явлением впереди, связь, которая не является попросту антиномией или противостоянием. Точка зрения, которую “я” представляю, идет еще дальше в сторону идеализма; она прозревает созидательную Идею как Реальность-Идею, скажем, как мощностную Сознательной Силы, выражающей реальное бытие, как Идею, рожденную из реального бытия и составляющую с ним одну природу и не являющуюся ни дитем Пустыни, ни сочинительницей неблиц. Именно сознательная Реальность бросает себя в изменчивые формы собственной непреходящей и неизменной субстанции. Поэтому мир — это не плод воображения во вселенском Разуме, а сознательное рождение того, что превосходит Разум, рождение в собственные формы. Истина сознательного бытия поддерживает эти формы и выражает себя в них, и знание, соответствующее истине, так выраженной, господствует как супраментальная Истина-Сознание¹ организуя реальные идеи в совершенную гармонию, прежде чем они будут брошены в ментально-витально-материальную оболочку. Разум, Жизнь и Тело являются низшим сознанием и частичным выражением, которое стремится достичь в оболочке разнообразной эволюции того верховного выражения, уже существующего За-Разумом. То, что находится За-Разумом, есть идеал, который низшее сознание стремится реализовать в своих собственных условиях.

С нашей восходящей точки зрения мы можем сказать, что Реальность находится позади всего сущего; она выражает себя на промежуточном уровне как Идеал, являющийся ее гармонизированной истиной; Идеал испускает феноменальную реальность изменчивого сознательного бытия, которое, неизбежно тянущееся к собственной сущностной Реальности, пыгается в конечном итоге полностью восстановить Реальность либо посредством неистового скачка, либо естественным образом через выдвинутый вперед Идеал. Именно это и объясняет несовершенную реальность человеческого существования, как это видится Разуму, объясняет инстинктивное стремление в ментальном существе к совершенству, извечно находящемуся за пределами ментального существа, объясняет стремление к сокрытой гармонии Идеального и верховный импульс духа, нацеленного за пределы идеального к трансцендентному. Сами факты нашего сознания, его строение и его насущная потребность предполагают такой тройной порядок; они отрицают дуальный и непримиримый антитезис чистого Абсолюта и простой относительности.

Разума не достаточно для объяснения существования во вселенной. Бесконечное сознание должно сначала транслировать себя в бесконечную способность Знания или, как мы называем ее с нашей точки зрения, во всеведение. Но Разум не является ни даром знания, ни инструментом всеведения; он способен лишь искать знание, выражать знание лишь настолько, насколько он способен обрести его в определенных формах относительной мысли и использовать его для определенных возможностей действия. Даже если разум находит знание, то не получает его во владение; он только держит текущий счет золотых монет Истины — не самой Истины — в банке Памяти, снимая с этого счета сообразно со своими нуждами. Ведь Разум — это тот, кто не знает, кто пыгается узнать и кто не знает никогда, кроме как сквозь темное стекло. Это та мощь, которая интерпретирует истину вселенского существования ради практического использования определенного порядка вещей; это не та мощь, которая знает и направляет существование, а поэтому Разум не может быть мощью, которая создала или проявляет существование.

Но как можем мы вообразить бесконечный Разум, который был бы свободен от наших ограничений, который по крайней мере мог бы справиться с ролью творца вселенной? Ведь такой Разум был бы нечто совершенно отличным от того определения разума, каким мы его знаем: он был бы нечто за пределами ментальности; он был бы супраментальной Истиной. Бесконечный Разум, составленный в терминах ментальности, какой мы ее знаем, смог бы породить лишь бесконечный хаос, беспрецедентное столкновение шансов, случайностей, превратностей, блуждающих к неопределенному концу, на который все это должно быть всегда неуверенно нацелено. Бесконечный, всеведущий, всемогущий Разум был бы вовсе не разумом, а супраментальным знанием.

Разум, каким мы его знаем, является отражающим зеркалом, которое воспринимает представления или образы пред-существующей Истины или Факта, либо внешних по отношению к разуму, либо, по крайней мере, более широких, чем он сам. Он воспринимает от момента к моменту то явление, которое есть или которое было. Он обладает также способностью к конструированию в себе возможных образов, отличных от образов действительных фактов, представленных ему; то есть, он представляет себе не только явление, которое было, но и то, которое может быть: он не может, следует заметить, представить себе явление, которое наверняка будет, за исключением тех случаев, когда это явление будет несомненным повтором того, что есть или что было. Наконец, разум обладает способностью предвидеть новые

¹ “я” беру выражение из Риг Веды — рга-чит, означающее сознание сущностной истины бытия (сатьям), организованной истины активного бытия (ртам) и обширное само-осознание (брхат), единственно в котором это сознание возможно.

модификации, которые он пытается создать из сопоставления того, что было и того, что может быть, из реализованной возможности и нереализованной, может предвидеть нечто, что иногда складывается более или менее точно, иногда не реализуется, а обычно обретает иные формы, чем им предсказанные, и приходит к иному концу, чем желаемый или предначертанный им.

Бесконечный Разум этого типа мог бы, возможно, сконструировать случайный космос конфликтующих возможностей, и он мог бы придать ему форму нечто непостоянного, нечто всегда преходящего, нечто вечно неопределенного в его дрейфе, ни реального, ни нереального, не обладающего определенным концом или целью, а обладающего только бесконечной последовательностью сиюминутно преследуемых целей, — поскольку не существует никакой высшей направляющей мощи знания, — ведущих в “никуда”. Нигилизм, Иллюзионизм или какая-либо родственная философия являются только логическим выводом такого чистого ноуменализма. Так сконструированный космос был бы представлением или отражением некоторой вещи, которой он не является, и всегда в конечном итоге ложным представлением, искаженным отражением; все космическое существование явилось бы Разумом, силящимся полностью выработать свои фантазии, но не преуспевающим, поскольку эти фантазии лишены императивного базиса само-истины; подавленный и увлекаемый вперед потоком собственных прошлых энергий, он бы направлялся далее навечно неопределенно, без исхода, до тех пор или пока он не сможет либо умертвить самого себя, либо впасть в вечное успокоение. Отсюда исходят корни Нигилизма и Иллюзионизма, и поэтому единственной мудростью будет предположить, что наша человеческая ментальность или вообще что-либо подобное ей является представителем высочайшей космической силы и первоизданного инициатора всей работы во вселенной.

Но в тот момент, когда в первоизданной мощи знания мы обнаружим силу, более мощную, чем та, что представлена нашей человеческой ментальностью, то это представление о вселенной становится недостаточным и потому неверным. Оно содержит в себе некоторую часть истины, но это не вся истина. Оно отражает закон непосредственной видимости вселенной, а не закон ее изначальной истины и окончательного факта. Ибо мы воспринимаем позади деятельности Разума, Жизни и Тела нечто, что не захвачено потоком Силы, а само охватывает и контролирует его; нечто, что не рождено в мир, который оно стремится интерпретировать, а нечто, создавшее в своем бытии мир, о котором оно знает все; нечто, что не трудится вечно, чтобы сформировать из себя нечто иное, дрейфуя на подхватывающей его волне прошлых энергий, которые оно не может больше контролировать, а нечто, что уже имеет в своем сознании совершенную свою Форму и что постепенно раскрывает ее здесь. Мир выражает предвиденную Истину, подчиняется предопределенной Воле, реализует изначальное формирующее само-видение — это растущий образ божественного творения.

Пока мы работаем только через ментальность, управляемую видимостями, мы можем лишь предполагать имманентное “нечто за пределами и позади”, или, в лучшем случае смутно ощущать это присутствие. Мы постигаем закон циклического прогресса и выводим из него вечно-нарастающее совершенство нечто того, что где-то пред-известно. Ведь везде мы видим Закон, основанный в само-бытии, и когда мы проникаем внутрь в саму причину процесса, то находим, что Закон является выражением врожденного знания, внутренне присущего существованию, выражающему себя, того знания, которая подразумевается в силе, выражающей его; и Закон, развиваемый Знанием, так чтобы позволить продвижение, подразумевает божественное видение цели, к которой движение направлено. Мы также видим, что наш рассудок стремится выбраться из беспомощного дрейфа нашей ментальности и встать над этим дрейфом, и мы постигаем, что Рассудок является только посланником, представителем или тенью величайшего сознания за пределами себя, которое не нуждается в рассуждении, поскольку оно есть все и знает все сущее. И затем мы можем придти к заключению, что этот источник Рассудка тождественен Знанию, которое действует в качестве Закона в мире. Это Знание определяет свой собственный закон полновластно, поскольку оно знает то, что было, что есть и что будет, и оно знает постольку, поскольку оно вечно и бесконечно познает себя. Бытие, являющееся бесконечным сознанием, бесконечное сознание, являющееся всемогущей силой, когда оно творит мир — скажем, гармонию себя — свой объект сознания, становится охватываемым нашим мышлением как космическое существование, знающее свою собственную истину и реализующее в формах то, что оно знает.

Но только тогда, когда мы прекращаем рассуждать и идем вглубь себя, в ту таинственность, где активность разума успокоена, только тогда это другое сознание становится реально проявленным нам — однако несовершенно, вследствие нашей долгой привычки ментальной реакции и ментального ограничения. Тогда мы сможем уверенно в растущем озарении узнать то, что мы неопределенно постигаем в тусклом и мерцающем свете Рассудка. Знание ждет, находясь за пределами разума и интеллектуальных рассуждений, коронованное в освещенной обширности неограничиваемого само-видения.

СВЕРХРАЗУМ КАК СОЗДАТЕЛЬ

Все вещи суть само-развертывание Божественного Знания.

Вишну Пурана (II.12.39)

Принцип активной Воли и Знания, принцип, верховный по отношению к Разуму и творению миров является тогда промежуточной мощностью и состоянием бытия между тем обладанием Одним и этим потоком Множества. Этот принцип не полностью чужд нам; он не принадлежит единственно и непередаваемо Бытию, совершенно отличному от нас самих, или принадлежит состоянию существования, из которого мы мистически выброшены в рождение, но от которого мы также отторгнуты и в которое не можем возвратиться. Если этот принцип кажется нам находящимся на высотах, намного превышающих нас, то все же это высоты нашего собственного бытия, и мы можем к ним подступиться. Мы можем не только догадываться о той Истине и мельком ее увидеть, но и способны реализовать ее. Мы можем путем постепенного расширения или внезапного светлого само-превосхождения взобраться на эти вершины в незабываемые моменты или пребывать на них в течение часов или дней величайшего сверхчеловеческого переживания. Когда мы оттуда спустимся, то обнаружим двери сообщения, которые мы можем всегда держать открытыми или открывать их снова, даже если они должны быть постоянно закрыты. Но постоянное пребывание на этой последней и высочайшей вершине созданного и созидательного бытия является в конечном итоге верховным идеалом для эволюционирующего человеческого сознания, когда оно ищет не само-аннулирования, а само-совершенства. Ведь, как мы видели, это является изначальной Идеей и конечной гармонией и истиной, к которой возвращается наше постепенное само-выражение в мире, той истиной, которую предполагается достичь.

Все же, мы можем еще сомневаться, возможно ли, теперь или когда-либо, представить какое-либо описание этого состояния на языке, доступном человеческому интеллекту, или использовать каким-либо передаваемым или организованным образом его божественную деятельность для подъема человеческого знания и действия. Сомнение возникает не единственно из-за редкости или сомнительности какого-либо известного явления, которое выдало бы человеку деятельность этого божественного дарования, или из-за удаленности, которая отделяет это действие от опыта и проверяемого знания обычного человечества; оно также сильно поддерживается кажущимся противоречием, как в сущности, так и в операции, между человеческой ментальностью и божественным Сверхразумом.

И определенно, если это сознание не имело бы вообще никакой связи с разумом или с чем-либо в нашем ментальном существе, то было бы совершенно невозможно передать его на уровне наших человеческих представлений. Или, если в его природе было бы только видение знания и вовсе не динамическая мощь знания, то мы могли бы надеяться достичь при контакте с ним лишь блаженного состояния ментального озарения, а не величайшего света и мощи для работы мира. Но поскольку это сознание является творцом мира, то оно должно быть не только состоянием знания, а мощью знания, и не только Волей света и видения, но и Волей мощи и свершений. И поскольку Разум также создан им, то Разум должен быть разработкой путем ограничения этой первичной способности и этого посреднического действия верховного Сознания, и должен поэтому обладать способностью возвратного растворения себя в нем посредством обратного процесса расширения. Ибо Разум всегда должен быть тождественным по сущности со Сверхразумом и должен скрывать в себе потенциальность Сверхразума, каким бы отличающимся или даже противоречащим он не мог бы стать в его текущих формах и закрепленных модах работы. И отнюдь не иррациональной или бесполезной является попытка использовать методы сравнения и противопоставления для обретения некоей цели Сверхразума с точки зрения и в терминах нашего интеллектуального знания. Идея, термины могут быть неадекватными, но все же служить перстом света, указующим нам путь вперед, по которому мы можем пройти хотя бы некоторое расстояние. Более того, Разум может подняться за пределы себя на определенные высоты или планы сознания, которые получают некоторый модифицированный свет или мощь супраментального сознания, и познать то в результате озарения, интуиции или прямого контакта или переживания, хотя жить в нем, видеть и действовать с него — еще не стало победой, которая возможна для человечества.

И прежде всего мы можем сделать паузу и спросить себя, можно ли найти в прошлом некий свет, который повел бы нас в эти плохо-исследованные области. Нам нужно имя, нам нужна начальная точка. Ведь мы назвали это состояние сознания Сверхразумом; но это слово неоднозначно, поскольку оно может быть взято в смысле разума само-возвышенного и поднятого над обычной ментальностью, но не радикально измененного, или, напротив, может быть взято в смысле всего того, что находится за пределами разума, а потому подразумевает слишком расширенную необъятность, которая принесла бы с собой даже саму Невыразимость. Требуется дополнительное описание, которое более точно ограничило бы его смысл.

Именно священные писания Вед могут нам здесь помочь; поскольку они содержат, хотя и сокрыто, проповедь божественного и бессмертного Сверхразума, и сквозь вуаль доходят до нас некоторые озаренные вспышки. Мы можем увидеть через эти словесные описания концепцию Сверхразума в качестве необъятности за пределами обычного свода нашего сознания, в котором истина бытия составляет светлое единое со всем тем, что выражает ее и неизбежно гарантирует истину видения, формулирования, назначения, слова, действия и движения, и поэтому также истину результата движения, результата действия и выражения, безошибочного плана или закона. Необъятная все-содержащность; светлая истина и гармония бытия содержится в той необъятности, а не рассеянный хаос или само-потерянный мрак; истина закона, действия и знания, выражающая ту гармоничную истину бытия: это сущностные выражения писаний Вед. Боги, являющиеся по их высочайшей тайной сущности мощностями этого Сверхразума, рожденные из него, живущие в нем как в отведенном для них доме, являются в своем знании “истинно-сознательными” и в своем действии обладают “провидением-волей”. Их сознательная сила, обращенная к свершениям и созданиям, ведома совершенным и прямым знанием вещей, которые должны быть проделаны, их сущностью и их законом -знание, которое определяет целую действительную волю-мощность, не отклоняющуюся или колеблющуюся в своем ходе или в своем результате, а выражающую и использующую спонтанно и неизбежно в действии то, что было провидено. Свет здесь составляет одно с Силой, вибрации знания также составляют одно с ритмом воли и все это едино, совершенно и без поисков, нащупывания или усилия, с предначертанным результатом. Божественная Природа имеет двойную мощь, спонтанное само-формулирование и само-выстраивание, которое естественно изливается из сущности проявленных вещей и выражает их первозданную истину, и само-силу света, внутренне присущую самим вещам и являющуюся источником их спонтанного неизбежного само-согласования.

Существуют второстепенные, но, тем не менее, важные детали. Ведантные провидцы говорят о двух первичных способностях “истинно-сознательной” души; это Видение и Слышание, посредством которых назначаются прямые операции внутренне присущего Знания, описываемые как видение истины и слышание истины и которые отдаленно отражаются нашей человеческой ментальностью посредством дарований откровения и вдохновения свыше. Кроме того, по-видимому, делается различие в операциях Сверхразума, различие между знанием посредством охватывающего и пропитывающего сознания, что очень близко к субъективному знанию посредством тождества, и знанием посредством проецирующего, сопоставляющего, схватывающего сознания, что является началом объективного постижения. Это ключи Вед. И мы можем перенять из этого древнего опыта дополнительный термин “истина-сознание” для того, чтобы определить границы более растяжимого понятия — Сверхразум.

Мы сразу же видим, что такое сознание, описанное с помощью таких характеристик, должно быть промежуточным образованием, связанным позади с сознанием, который лежит выше него, и впереди — с другим сознанием, лежащим ниже него; мы видим в то же время, что это сознание, очевидно, представляет связь и средство, благодаря которым низшее развивается из высшего, и равным образом это должна быть связь и средство, благодаря которым низшее может вновь соединиться с источником. Сознание выше — это унитарное или неделимое сознание чистой Сатчитананды, в котором не существует разделяющих разграничений; сознание ниже — это аналитическое или делящее сознание Разума, который может познавать только посредством разделения и разграничения и имеет по большей части лишь смутное и вторичное представление о единстве и бесконечности — ибо, хотя он может синтезировать свои разделения, но не может достичь истинной тотальности. Между Разумом и Сатчитанандой находится это охватывающее и созидательное сознание, со своей мощью пропитывающего и охватывающего знания, предстающее дитем того само-осознания посредством тождества, что является равновесием Брахмана, и своей мощью проецирующего, сопоставляющего, охватывающего знания предстающее прародителем того осознания посредством разделения, что составляет процесс Разума.

Выше, формула Одного вечно стабильна и неизменна; ниже, формула Множества, вечно меняющегося, с трудом стремится обрести в потоке вещей прочную и неизменную начальную точку; между, местоположение всех тройственностей, всего того, что двуедино, всего того, что становится Многим-в-Одном и все еще остается Одним-во-Многим, поскольку изначально было именно Одно, что всегда в потенциальности всегда содержит Множество. Поэтому этот промежуточное сознание есть начало и конец всего творения и устройства, Альфа и Омега, начальная точка любого разделения, инструмент всякой унификации, сознание зачинающее, исполнительное и вершающее всю реализованную или реализуемую гармонию. Это сознание обладает знанием Одного, но способно вывести из Одного его сокрытую множественность; оно проявляет Множество, но не теряет себя в различиях Множества. И не скажем ли мы, что само его существование указывает на Нечто за пределами нашего верховного восприятия невыразимого Единства, — Нечто невыразимого и ментально непостижимого, и не только из-за его единства и неделимости, а из-за его свободы даже от этих формулировок нашим разумом, — Нечто, находящегося за пределами как единства, так и множественности? То было бы полным Абсолютом и Реальностью, которая все же подтверждает нам как наше знание Бога, так и наше знание мира.

Но эти термины велики, и трудно их охватить; будем соблюдать аккуратность. Мы говорим об Одном как о Сатчитананде; но в самом этом описании мы берем три сущности и объединяем их для достижения триединства. Мы говорим “Существование, Сознание, Блаженство” и затем добавляем “они суть одно”. Это ход разума. Но для унитарного сознания такой ход недопустим. Существование есть Сознание, и между ними не может быть различия; Сознание есть Блаженство, и между ними не может быть различия. И поскольку нет даже этого разделения, то не может быть и мира. Если это единственная реальность, то мир не существует и не может существовать, никогда не мог быть зачат; ведь неделимое сознание есть неразделимое сознание и не может дать начала разделению и разнице. Но это *reductio ad absurdum* [сведение к абсурду]; мы не можем допустить это, если не хотим основывать все на невозможном парадоксе и непримиримой антитезе.

С другой стороны, Разум может точно постичь разделение как реальность; он может постичь синтезную тотальность или конечное расширение себя до бесконечности; он может схватить совокупность разделенных вещей и одинаковость, лежащую в их основе; но окончательное единство и абсолютная бесконечность являются для его восприятия вещей абстрактными понятиями и неизмеримыми величинами, не тем, что он может реально схватить, много меньшим того, что единственно реально. Поэтому здесь кроется сама противоположность унитарному сознанию; мы имеем, противостоя сущностному и неделимому единству, сущностную множественность, которая не может достичь единства без отрицания себя, множественность, в самом своем действии признающую, что это единство никогда реально не могло бы существовать. Все же это было; ибо именно это сознание обрело единство и отменило себя, и снова мы пришли к *reductio ad absurdum*, повторяя чудовишный парадокс, который силится убедить мышление, оглушив его, введя непримиримую и непримиримую антитезу.

Эта трудность, в ее низшем порядке, исчезает, если мы осознаем, что Разум является только подготовительной формой нашего сознания. Разум — это инструмент анализа и синтеза, а не сущностного знания. Его назначение состоит в том, чтобы произвольно вырезать фрагменты из Вещи, неизвестной в себе, и называть целым это отмеренное или отграниченное, затем снова анализировать целое по частям, рассматривая их как отдельные ментальные объекты. Разум может определенно видеть и на свой лад знать только части и отдельные случаи. Единственная его определенная идея о целом заключается в соединении частей или тотальности свойств и случаев. Целое, не видимое как часть чего-то иного или по его собственным частям, свойствам и случаям, является для разума не более, чем туманным представлением; только когда целое анализируется и отстраняется как отдельно составленный объект, как тотальность в большей тотальности, только тогда Разум может сказать себе “Теперь “я” знаю”. Но на самом деле он не знает. Он знает лишь собственный анализ объекта и представление, которое он сформировал о нем в результате синтеза отдельных частей и свойств, которые он видел. На этом его характерная мощь, его уверенное действие прекращается, и если нам суждено обрести большее, более глубокое и настоящее знание — знание, а не сильное, но бесформенное мнение, такое, какое иногда приходит к определенным глубоким, но неясно выраженным частям нашей ментальности, — то Разум должен подготовить помещение для другого сознания, которое исполнит Разум, превзойдя его или обравив его, и таким путем исправит его операции, перепрыгнув через него: верх ментального знания — это только планка для прыжков в высоту, которая должна быть взята. Величайшей миссией Разума является тренировка нашего тусклого сознания, которое вышло из темного заключения Материи, является освещение его слепых инстинктов, случайных интуитивных движений, туманных восприятий до тех пор, пока наше сознание не поддастся этому великому свету и высшему восхождению. Разум — это только промежуточный этап, а не кульминация.

С другой стороны, унитарное сознание или неделимое Единство не может быть той невозможной сущностью, вещью без содержания, из которой все содержимое вышло и в которой оно исчезнет и аннулируется. Это должна быть первозданная само-концентрация, в которой все содержится, но иным образом, нежели чем в этом пространственно-временном проявлении. То, что так концентрирует себя, есть совершенно невыразимое и непостижимое Существование, которое разуму Нигилиста представляется как Пустыня, отрицающая все то, что мы знаем и чем мы являемся, а Трансценденталисты с тем же основанием могут вообразить его как позитивную, но неразличимую Реальность всего того, что мы знаем и чем мы являемся. “В начале”, — говорит Веданта, — “было одно Существование без второго”, но перед началом и после него, теперь, навсегда и за пределами Времени есть то, что мы не можем описать даже как Одно, даже когда мы говорим, что нет ничего, кроме Того. То, что мы можем осознать, это, во-первых, его первозданная само-концентрация, которую мы пытаемся представить себе как неделимое Одно; во-вторых, это распыление и кажущаяся дезинтеграция всего того, что было сконцентрировано в единстве, что является представлением Разума о вселенной; и в-третьих, его прочное само-расширение в Истине-Сознании, которая содержит и поддерживает распыление и препятствует тому, чтобы случилась реальная дезинтеграция, поддерживает единство в предельном разнообразии и устойчивость в крайней изменчивости, настаивает на гармонии в видимости все-пропитывающей борьбы и столкновений, держит вечный космос там, где Разум достиг бы только хаоса, вечно пытающегося сформировать

ровать себя. Это Сверхразум, Истина-Сознание, Реальность-Идея, которая знает себя и все то, что становится.

Сверхразум суть необъятное само-расширение Брахмана, само-расширение, которое содержит и развивает. При помощи Идеи оно развивает триединый принцип существования, сознания и блаженства из их неделимого единства. Оно различает их, но не разделяет. Оно устанавливает Триединство не так, как Разум, переходя от трех к Одному, а проявляя эти три из Одного, -поскольку оно проявляет и развивает, — и все же проявляя их в единстве, — ибо оно знает и содержит. Путем дифференциации оно способно привести вперед то или другое как эффективное Божество, которое содержит другое вовлеченным или явным в себе, и в этом процессе оно делает основание для всех иных отличий. Ту же операцию оно применяет ко всем принципам и возможностям, которые оно выводит из этого все-составляющего триединства. Оно обладает мощью развития, эволюции, делания явным, и с той мощью несет в себе иную мощь, мощь инволюции, завертывания, делания неявным. В этом смысле можно сказать, что целостное творение есть движение между двумя инволюциями — Духа, в который все вовлечено и из которого все разворачивается вниз к другому полюсу — Материи, и Материи, в которую также все вовлечено и из которой все разворачивается вверх к другому полюсу — Духу.

Таким образом, весь процесс дифференциации посредством Реальности-Идеи как творца вселенной заключается в выдвигании вперед принципов, сил, форм, которые содержат для охватывающего сознания все остальное существование внутри этих принципов, сил, форм, и при этом на передний план выходит постигающее сознание, для которого все остальное существование содержится неявно позади этих принципов, сил, форм. Поэтому все есть в каждом, как каждое есть во всем. Поэтому каждое семя вещей подразумевает в себе всю бесконечность различных возможностей, но придерживается лишь одного закона и результата благодаря Воли, то есть, Знания-Силы Сознательного Бытия, которое проявляет себя и которое, верное Идеи в себе, предопределяет с ее помощью собственные формы и движения. Это семя есть Истина собственного бытия, которое это Само-Существование видит в себе, плодом того семени само-видения является Истина само-действия, естественный закон развития, образования и функционирования, который неизбежно следует само-видению и придерживается процессов, вовлеченных в первозданную Истину. Следовательно, вся Природа есть попросту Провидение-Воля, Знание-Сила Сознательного-Бытия за работой, предпринятой для развертывания в силе и форме всей неизбежной истины Идеи, в которую это Провидение-Воля изначально бросила себя.

Эта концепция Идеи указывает нам на сущностный контраст между нашим ментальным сознанием и Истиной-Сознанием. Мы относимся к мышлению как к вещи, отделенной от существования, абстрактной, несубстанциональной, отличной от реальности, как к нечто такому, что возникает неизвестно откуда и открепляет себя от объективной реальности для того, чтобы наблюдать, понимать ее и судить о ней; ведь так это видится нашей все-разделяющей, все-анализирующей ментальности. Первым делом Разума является представлять вещи “дискретными”, все увеличивать разрыв с тем, чтобы различать, и таким способом он создал парализующий разрыв между мыслью и реальностью. Но в Сверхразуме все бытие сознательно, все сознание состоит из бытия, и идея, наполненная вибрацией сознания, равным образом является вибрацией бытия, наполненного собой; это начальное появление, в созидаемом само-знании, того, что лежит сконцентрированным в несозидаемом само-осознании. Сверхразум появляется как Идея, являющаяся реальностью, и именно эта реальность Идеи развертывает себя, всегда посредством своей собственной мощи и сознания себя, всегда само-сознательно, всегда в само-развитии при помощи воли, внутренне присущей Идеи, всегда в само-реализации при помощи знания, укоренившегося в каждом его импульсе. Это суть истина всего творения, всей эволюции.

В Сверхразуме бытие, сознание знания и сознание воли не разделены, как они видятся в наших ментальных операциях; они триедины, суть одно движение с тремя действенными аспектами. Каждое приводит к своему результату. Бытие порождает субстанцию, сознание порождает знание, само-наводящую и оформляющую идею, охват и постижение; воля порождает само-исполняющуюся силу. Но идея предстает единственным светом реальности, освещающим себя; это ни ментальная мысль, ни воображение, а действенное само-осознание. Это Реальность-Идея.

В Сверхразуме знание в Идеи не разлучено с волей в Идеи, а составляет одно с ней — точно также, как оно не отличается от бытия или субстанции, а едино с бытием, светлой мощью субстанции. Как мощь горящего пламени не отличается от субстанции огня, так и мощь Идеи не отличается от субстанции Бытия, которое вырабатывает себя в Идеи и в ее развитии. В нашей ментальности все по другому. Мы имеем идею и волю, соответствующую этой идее, или импульс воли и идею, открепившуюся от воли; но мы действительно отличаем идею от воли и от нас самих. “я” есть; идея — это мистическая абстракция, которая является ко мне, воля — это другая мистерия, сила, близкая к конкретности, но не вещественная, а всегда нечто такое, что не “я” сам, нечто, что “я” имею или обладаю или чем “я” завладел, но это не я. “я” также делаю пропасть между моей волей, ее средствами и воздействием, поскольку “я” считаю их конкретными реальностями, которые находятся вне меня и отличны от меня. Поэтому ни “я”, ни идея, ни воля во мне не являются само-действенными. Идея может покинуть меня, воля может не исполниться, средства могут оказаться недостаточными, “я” сам могу остаться нереализованным из-за любого или всех этих пробелов.

Но в Сверхразуме не существует никакого такого парализующего разделения, поскольку знание не является само-отделенным, сила не само-отделена, бытие не само-отделено как в разуме; сами они не разорваны и не разлучены друг с другом. Ибо Сверхразум — это Необъятность; он стартует с единства, а не с разделения, он первично охватывает все, дифференциация — это только вторичный его акт. Поэтому, когда бы истина не выражалась, идея в точности ей соответствует, воля-сила соответствует идее, — сила является только мощью сознания, — и результат отвечает воле. А также одна идея не сталкивается с другими идеями, воля или сила — с другой волей или силой, как в человеке и в его мире; ибо существует одно необъятное Сознание, которое содержит и связывает все идеи в себе как собственные идеи, существует одна необъятная Воля, которая содержит и связывает все энергии в себе как собственные энергии. Сверхразум что-то удерживает позади, что-то выдвигает вперед, но в соответствии с собственной предначертанной Идеей-Волей.

Это подтверждает современные религиозные представления о всепроникающем, всезнающем и всемогущем Божественном Бытии. Будучи далекими от иррационального воображения, эти представления совершенно рациональны и никоим образом не противоречат ни логике охватывающей философии, ни данным наблюдений и опыта. Ошибка может быть в другом; ошибка — это делать непреодолимую пропасть между Богом и человеком, Брахманом и миром. Эта ошибка доводит действительную и практическую дифференциацию в бытии, сознании и силе до сущностного разделения. Но этого аспекта вопроса мы еще коснемся позднее. Сейчас мы пришли к утверждению и некоторому представлению о божественном и созидательном Сверхразуме, в котором все едино в бытии, сознании, воле и восторге, и все же с бесконечной возможностью разграничения, которое развертывает единство, но не разрушает его, -в котором Истина есть субстанция, и Истина поднимается в Идее, и Истина приходит в форму, и существует одна истина знания и воли, одна истина само-исполнения и потому это истина восторга; ведь все само-исполнение есть удовлетворение бытия. Поэтому всегда, во всех изменениях и комбинациях присутствует само-существующая неотъемлимая гармония.

ВЕРХОВНАЯ ИСТИНА-СОЗНАНИЕ

Один помещенный в сон Сверхсознания, громадный Интеллект, блаженный и наслаждающийся Блаженством ... Это всемогущество, это всезнание, это внутреннее самообладание, это источник всего.

Мандукья Упанишада (стихи 5,6)

Поэтому мы должны считать этот все-знающий, все-зачинающий, все-вершающий Сверхразум природой Божественного Бытия, но не в абсолютном его само-существовании, а в его действии как Господа и Творца собственных миров. В этом заключена истина того, что мы называем Богом. Очевидно, это не то слишком личностное и ограниченное Божество, преувеличенный и сверхприродный Человек в обычном западном представлении; ведь это представление возводит слишком человеческое Подобие определенной связи между созидательным Сверхразумом и эго. На самом деле мы не должны исключать личностный аспект Божества, ведь безличность — это только одна грань существования; Божественное есть Все-существование, но оно также одно Сущее — это единственное Сознательное Существо, но все же Существо. Тем не менее, сейчас мы этого аспекта не касаемся; мы стремимся проникнуть именно в персонифицированную психологическую истину божественного Сознания: это то, что мы должны зафиксировать в большом и ясном представлении.

Истина-Сознание везде присутствует во вселенной как упорядоченное само-знание, посредством которого Одно проявляет гармонию бесконечной потенциальной множественности. Без этого упорядоченного само-знания манифестация предстала бы просто клубящимся хаосом, в точности потому что потенциальность бесконечна, что само по себе могло бы привести лишь к игре неконтролируемого неограниченного Случая. Если там была бы только бесконечная потенциальность без какого-либо закона направляющей истины и гармонического само-видения, без какой-либо предопределенной Идеи в самом семени вещей, брошенном для эволюции, то мир не мог бы быть ничем, кроме как кишашей, аморфной, путанной неопределенностью. Но знание, которое творит, поскольку то, что оно творит или испускает — это формы и мощности его самого и не вещей, отличных от него, обладает в своем собственном бытии видением истины и законом, который управляет каждой потенциальностью, и вместе с тем обладает внутренне присущим осознанием связи этой потенциальности с другими потенциальностями и гармониями, которые возможны между ними; это знание держит все это предначертанным в общей определенной гармонии, которую целостная ритмическая Идея вселенной должна содержать в себе при самом своем рождении и в само-представлении, и которая поэтому должна неизбежно вырабатываться посредством внутренней игры ее составляющих. Истина-Сознание есть источник и держатель Закона в мире; ведь закон не является чем-то произвольным — это выражение само-природы, определяемой непреодолимой истиной реальности-идеи, которой является каждая вещь в своем истоке. Поэтому с самого начала все развитие предопределено в своем само-знании и в своей само-работе в каждый момент времени: оно является тем, чем оно должно быть в каждый момент благодаря собственной изначальной внутренне присущей Истине; оно движется к тому, чем оно должно быть в следующий момент, опять же благодаря собственной изначальной внутренне присущей Истине; в конечном итоге оно должно стать тем, что содержалось и было предначертано в его семени.

Это развитие и продвижение мира в соответствии с изначальной истиной собственного бытия подразумевает последовательность во Времени, связь в Пространстве и регулируемое взаимодействие связанных вещей в Пространстве, то взаимодействие, которому последовательность во Времени дает аспект Причинности. Пространство и Время, согласно метафизике, имеют только концептуальное, а не реальное существование; но поскольку все вещи, а не только эти, являются формами, принимаемыми Сознательным-Бытием в собственном сознании, то это различие не столь важно. Пространство и Время суть то одно Сознательное-Бытие, обзревающее себя в расширении, субъективно как Время, объективно как Пространство. Наш ментальный взгляд на эти две категории определяется идеей меры, которая внутренне присуща действию аналитического разделяющего движения Разума. Время является для Разума мобильным расширением, вымеряемым последовательностью прошлого, настоящего и будущего, в котором Разум помещает себя в определенной точке, откуда он смотрит на “до” и “после”. Пространство является стабильным расширением, вымеряемым делимостью субстанции; Разум помещает себя в определенной точке в том делимом расширении и рассматривает распределение субстанции вокруг себя. В действительности Разум измеряет Время ходом событий, а пространство — посредством Материи; но чистая ментальность может игнорировать движение событий и распределение субстанции и реализовать чистое движение Сознательной-Силы, которая составляет Пространство и Время; следовательно, эти две категории являются попросту двумя аспектами вселенской силы Сознания, которое в их

переплетенном взаимодействии охватывает как основу ткани, так и саму ткань его воздействия на самого себя. И сознанию, более высокому, чем Разум, которое может в одном взгляде охватить наше прошлое, настоящее и будущее, содержа их и не содержась в них, сознанию, не помещенному в частный момент Времени для обретения точки наблюдения, Время могло бы с успехом представиться вечным настоящим. И тому же сознанию, не помещенному в какую-либо частную точку Пространства, но содержащему в себе все точки и области, Пространство также могло бы с успехом представиться субъективным и неделимым расширением — не менее субъективным, чем Время. В определенные моменты мы начинаем осознавать такое неделимое отношение, поддерживающее при помощи неизменного само-сознательного единства все разнообразие вселенной. Но сейчас мы не должны спрашивать себя, каким представилось бы там содержание Пространства и Времени в своей трансцендентной истине; ибо наш разум не может это постичь — и разум даже готов отвергнуть для той Неделимости любую возможность познания мира каким-либо иным способом, чем посредством нашего разума и чувств.

Что мы должны представить себе и что мы можем до определенной степени постичь — это единый взгляд и все-охватывающее отношение, посредством которого Сверхразум объемлит и объединяет последовательности Времени и деления Пространства. И, во-первых, если бы не этот фактор последовательностей Времени, то не было бы изменения или продвижения; совершенная гармония была бы навечно проявлена, будучи сверстницей других гармоний в некоторым образом вечном моменте, не последовательно в движении от прошлого к будущему. Вместо этого мы имеем постоянную последовательность развивающейся гармонии, в которой одна наклонность возникает из другой, которая ей предшествовала, и скрывает в себе то, что она заменила. Или если само-манифестация существовала бы без фактора разделяемого Пространства, то не было бы изменчивой связи форм или взаимных толчков сил; все бы существовало и не вырабатывалось — беспространственное само-сознание, будучи чисто субъективным, содержало бы все вещи в бесконечном субъективном охвате как в разуме космического поэта или мечтателя, но не распределяло бы себя через все в неопределенном объективном само-расширении. Или опять, если бы только Время было реальным, то его последовательность была бы чистым развитием, в котором одна наклонность возникала бы из другой в субъективной свободной спонтанности в качестве серии музыкальных аккордов или последовательности поэтических образов. Вместо этого мы имеем гармонию, вырабатываемую при помощи Времени в выражениях форм и сил, которые связаны друг с другом во все-содержащем пространственном расширении; это непрестанная последовательность мощностей и изображений вещей и происходящего в нашем видении существования.

Различные потенциальности воплощены, помещены, связаны в этом поле Пространства и Времени, каждая со своими мощностями и возможностями, сталкивающимися с другими мощностями и возможностями, и в результате последовательные обретения во Времени кажутся разуму выработками вещей под воздействием ударов и борьбы, а не спонтанной последовательностью. На самом деле происходит спонтанная выработка вещей изнутри, а внешние толчки и борьба — это только поверхностный аспект этой разработки. Ибо внутренне присущий закон одного и целого, который с необходимостью является гармонией, управляет внешними и побуждающими законами частей или форм, которые кажутся сталкивающимися; и эта большая и более глубокая истина гармонии всегда открыта супраментальному видению. То, что кажется разуму разногласием, поскольку он рассматривает каждую вещь отдельно в себе, для Сверхразума является элементом общей вечно-присутствующей и вечно-развивающейся гармонии, поскольку он обзревает вещи во множественном единстве. Кроме того, разум видит только данное время и данное пространство и обзревает множество возможностей в совокупности как более или менее реализуемые в то время и в том пространстве; божественный Сверхразум видит целостное расширение Пространства и Времени и может охватить все возможности, видимые разуму, и очень многое из того, что не видится разуму, и Сверхразум делает это без ошибки, без путаницы и без того, чтобы идти наощупь; ведь он воспринимает каждую потенциальность в свойственной ей силе, в сущностной необходимости, в правильной связи с другими потенциальностями и в связи со временем, местом и обстоятельствами как ее постепенной, так и окончательной реализации. Разум не может видеть вещи неизменно и видеть их в целом; но это свойственно самой природе трансцендентного Сверхразума.

Этот Сверхразум в своем сознательном видении не только содержит все свои формы, которые создает его сознательная сила, но и наполняет их своим Присутствием и само-открывающим Светом. Он присутствует, хотя бы и скрытно, в каждой форме и каждой силе вселенной; именно он суверенно и спонтанно определяет форму, силу и деятельность; он ограничивает вариации, которые он вызывает; он собирает, рассеивает, модифицирует энергию, которую он использует; и все это делается в соответствии с первыми законами¹, которые его само-знание зафиксировало при самом рождении формы, в изначальный момент действия силы. Он нахо-

¹ Вedicкое выражение. Боги действуют в соответствии с первыми законами, изначальными и потому верховными, которые суть закон истины вещей.

дится внутри любой вещи как Господь в сердце всего сущего — он тот, кто запускает их движение мощью своей Майи²; он внутри них и объемлет их как божественный Провидец, который разнообразно расставляет и упорядочивает объекты, каждый в точном соответствии с вещью, которой тот является, со времен извечных³.

Поэтому каждая вещь в Природе, будь то живая или неживая, ментально само-сознательная или не само-сознательная, управляется в своем бытии и в своих движениях вечно присутствующим Видением и Мощью, для нас подсознательной или несознательной, поскольку мы не осознаем ее, но не несознательной для себя, и более того, глубочайше и универсально сознательной. Поэтому кажется, что каждая вещь проделывает работу интеллекта, даже не обладая интеллектом, поскольку она подчиняется, будь то подсознательно, как в растении и животном, либо полу-сознательно, как в человеке, реальности-идее божественного Сверхразума внутри нее. Но не ментальный Интеллект наполняет вещи и управляет ими; это само-осознающая Истина бытия, в которой само-знание неотделимо от само-существования: именно эта Истина-Сознание не выдумывает вещи, а вырабатывает их со знанием, в соответствии с безупречным само-видением и неизбежной силой единственного и само-наполняющего Существования. Ментальный интеллект продумывает вещи, поскольку он является попросту отражающей силой сознания, которая не знает, а стремится знать; он шаг за шагом следует во Времени за работой знания, более высокого, чем он сам, знания, которое существует всегда, единое и целое, которое удерживает время в своем захвате, которое одновременно обозревает прошлое, настоящее и будущее.

Итак, это первый действенный принцип божественного Сверхразума; это космическое видение, которое все-охватывает, все-пропитывает, все населяет. Поскольку Сверхразум охватывает все вещи в бытии и статичном само-осознании, субъективном, безвременном, беспространственном, поэтому он охватывает все вещи в динамическом знании и управляет их само-воплощением в Пространстве и Времени.

В этом сознании познающий, знание и известное не являются различными сущностями, а фундаментально едины. Наша ментальность делает различие между этими тремя вещами, поскольку она не может оперировать без разграничения; теряя свойственные ей средства и фундаментальный закон действия, ментальность становится неподвижной и неактивной. Поэтому, даже когда “я” рассматриваю себя ментально, “я” все еще вынужден делать это различие. Я выступаю в качестве познающего; то, что “я” наблюдаю в себе, я рассматриваю как объект моего познания, “я” еще не есть я; знание предстает операцией, посредством которой “я” связываю познающего с известным. Но очевидна искусственность, чисто практический и утилитарный характер этой операции; очевидно, что она не отражает фундаментальной истины вещей. В действительности я-познающий есть сознание, которое знает; знание есть то сознание, “я” сам, оперирующий; известное также “я” сам, форма или движение того же самого сознания. Эти три вещи являются, очевидно, одним существованием, одним движением, неделимым, хотя и кажущимся поделенным, не распределенным между его формами, хотя и кажущимся распределенным и отдельно находящимся в каждой из этих трех вещей. Этого знания может достичь разум, может его вывести, может его почувствовать, но не может легко сделать из него практическое основание для своих интеллектуальных операций. И по отношению к объектам, внешним к форме сознания, которую “я” называю собой, эта трудность становится почти непреодолимой; даже чувство единства является ненормальным усилием, и удерживать его, неизменно действовать на его основе — это новое и чуждое действие, не характерное для Разума. Самое большее, на что способен Разум — это придерживаться этого чувства единства как понятной истины, так чтобы корректировать и модифицировать посредством нее собственную обычную деятельность, которая все еще базируется на разделении, как нечто подобное тому, как мы интеллектуально знаем, что земля вращается вокруг солнца и можем сделать на это поправку, но не отменить искусственную и физически практическую установку, на которой настаивают чувства, помещая землю в центр, вокруг которого вращается солнце.

Но Сверхразум обладает истиной единства и действует всегда фундаментально на основе этой истины, которая является для разума только вторичным или достигнутым приобретением, а не самим зерном его видения. Сверхразум видит вселенную и ее содержимое как себя в единственном неделимом акте знания, акте, являющимся его жизнью, самим движением его само-существования. Поэтому это охватывающее божественное сознание в своем аспекте Воли не столь направляет или управляет развитием космической жизни, сколь завершает ее в себе с помощью акта мощи, который неотделим от акта знания и от движения само-существования, это в действительности один и тот же акт. Ведь мы видели, что вселенская сила и вселенское сознание составляют одно — космическая сила является операцией космического сознания. Точно также божественное Знание и божественная Воля едины; они составляют одно и то же фундаментальное движение или акт существования.

² Гита, XVIII. 61.

³ Иша Упанишада, Стих 8.

Эта неделимость охватывающего Сверхразума, который содержит всю множественность без умаления собственного единства, является истиной, на которой мы всегда должны настаивать, если хотим понять космос и избавиться от изначальной ошибки нашей аналитической ментальности. Дерево развивается из семени, в котором оно уже содержится, а семя — из дерева; фиксированный закон, инвариантный процесс царствует в постоянстве формы проявления, которую мы называем деревом. Разум рассматривает это явление, это рождение, жизнь и воспроизводство дерева как вещь в себе, и на этом базисе изучает, классифицирует и объясняет его. Разум объясняет дерево семенем, семя — деревом; он называет это законом Природы. Но он ничего не объяснил; он только проанализировал и записал ход мистерии. Предположим даже, что разум приходит к восприятию тайной сознательной силы как души, а реального бытия этой формы и всего остального — как установленной операции и проявления той силы, то все же он имеет склонность рассматривать форму в качестве отдельного существования с его отдельным законом природы и отдельным процессом развития. В животном и человеке с его сознательной ментальностью эта разделительная тенденция Разума побуждает его рассматривать себя также в качестве отдельного существования, сознательного субъекта, а другие формы — в качестве отдельных объектов его ментальности. Это полезная установка, необходимая для жизни и первой основы всей практики, принимается разумом в качестве действительного факта и впоследствии приводит ко всем ошибкам эго.

Но Сверхразум работает иначе. Дерево и процесс его развития были бы не тем, чем они являются, в действительности не смогли бы существовать, если существование было бы раздельным; формы являются тем, чем являются, благодаря силе космического существования, они развиваются так, как развиваются, в результате их связи с космическим существованием и всеми другими его манифестациями. Отдельный закон природы является только приложением вселенского закона и истины всей Природы; частное развитие форм определяется их местом в общем развитии. Дерево не объясняет семени, а семя — дерева; космос объясняет и то, и другое, а Бог объясняет космос. Сверхразум, пропитывающий и населяющий одновременно семя и дерево и все другие объекты, живет в этом величайшем знании, которое суть неделимо и едино, хотя с модифицированной, а не абсолютной неделимостью и единством. В этом охватывающем знании нет независимого центра существования, нет индивидуального отдельного эго, такого, которое мы видим в нас самих; целое существование является для эго само-осознания уравновешенным расширением, одним в тождестве, одним во множественности, одним при всех условиях и везде. Здесь Все и Одно суть одно и то же существование; индивидуальное существо не теряет и не может потерять сознание свое тождества со всеми существами и с Одним Существом; ибо то тождество внутренне присуще супраментальному постижению, является частью супраментального самооткрытия.

В том всеобъемлющем равенстве тождества Бытие не разделено и не распределено; равно само-расширенное, пропитывающее это расширение как Одно, пребывающее во множестве форм как в Одном, оно одновременно и везде является единственным и равным Брахманом. Ибо это расширение Бытия во Времени и Пространстве и это пропитывание и пребывание находится в сокровенной связи с абсолютным Единством, из которого оно произошло, с тем абсолютным Неделимым, в котором не существует ни центра, ни периферии, а существует только безвременное и беспространственное Одно. Эта высокая концентрация единства в нерасширенном Брахмане должна транслировать себя в расширение обязательно с помощью этой равной пропитывающей концентрации, этого неделимого охвата всех вещей, этого универсального нераспределенного имманента, этого единства, которого никакая игра множественности не может ни отменить, ни преуменьшить. “Брахман во всех вещах, все вещи в Брахмане, все вещи суть Брахман” — это тройственная формула охватывающего Сверхразума, единственная истина само-проявления в трех аспектах, которые Сверхразум держит вместе и неделимо в своем само-видении в качестве фундаментального знания, из которого он приступает к игре космоса.

Но каково тогда происхождение ментальности и какова организация этого низшего сознания в тройном выражении Разума, Жизни и Материи, что составляет наш взгляд на вселенную? Ведь поскольку все существующие вещи должны вытекать из действия все-действенного Сверхразума, из его разработки в трех изначальных терминах Существования, Сознания-Силы и Блаженства, то должна быть некая способность созидательной Истины-Сознания, которая действует таким образом, чтобы бросить их в эти новые выражения, в это поверхностное трио ментальности, витальности и физической субстанции. Эту способность мы находим во вторичной мощи созидательного знания, его мощи проецирующего, сопоставляющего и схватывающего сознания, в котором знание централизуется и удерживается позади своей работы, чтобы наблюдать за ней. И когда мы говорим о централизации, то подразумеваем, в отличие от равного сосредоточения сознания, о котором мы ранее говорили, неравную концентрацию, в которой берет начало само-разделение — или его феноменальная видимость.

Прежде всего, Познающий удерживает себя сконцентрированным в знании в качестве субъекта и рассматривает свою Силу сознания так, как если бы она непрерывно исходила из него в его форму, непрерывно работа-

ла бы в ней, непрерывно отходила бы назад в него, непрерывно испускалась бы снова. Из этого единственного акта само-модификации исходят все практические разграничения, на которых базируется относительный взгляд и относительное действие вселенной. Практическое разграничение сделано между Познающим, Знанием и Известным, между Господом, Его силой и детьми и работами Силы, между Наслаждающимся, Наслаждением и Наслажденным, между “я”, Майей и становлением Я.

Во-вторых, эта сознательная Душа, сконцентрированная в знании, этот Пуруша, наблюдающий и управляющий Силой, которая вышла вперед из него, управляющий своей Шакти или Пракрити, повторяет себя в каждой своей форме. Пуруша сопровождает, как всегда, свою Силу сознания в ее работах и воспроизводит там акт само-разделения, из которого рождается это схватывающее сознание. Эта Душа пребывает в каждой форме вместе со своей Природой и наблюдает себя саму в других формах, делая это из того искусственного и практического центра сознания. Во всем присутствует одна и та же Душа, одно и то же божественное Существо; размножение центров является лишь практическим актом сознания, намеренного учредить игру разницы, взаимности, взаимного знания, взаимных толчков силы, взаимного наслаждения, разницы, базирующейся на сущностном тождестве, тождестве, реализованном на практическом базисе различия.

Мы можем говорить об этом новом статусе все-пропитывающего Сверхразума как о дальнейшем отклонении от унитарной истины вещей и от неделимого сознания, которое неотъемлемо составляет единство, сущностное для существования космоса. Мы можем увидеть, что будучи немного продвинутым дальше, этот статус может стать поистине Авидьей, великим Неведением, которое стартует с множественности как с фундаментальной реальности, и должно начинать с ложного единства эго для того, чтобы вернуться к настоящему единству. Мы также можем видеть, что раз уж индивидуальный центр принят в качестве определяющей точки отсчета, в качестве познающего, то ментальное ощущение, ментальный интеллект, ментальное действие воли и все их последствия не могут потерпеть неудачу в том, чтобы придти в бытие. Но также должны мы увидеть, что пока душа действует в Сверхразуме, Неведение еще не началось; полем знания и действия все еще остается Истина-Сознание, базисом все еще является единство.

Ибо “я” все еще рассматривает себя как одно во всем, и все вещи — как становления в себе и становления себя; Господь все еще знает свою Силу как себя в действии, и каждое существо -как себя в душе и себя в форме; Наслаждающийся наслаждается все еще в собственным бытием, хотя бы даже во множественности. Единственное реальное разделение произошло в неравной концентрации сознания и множественном распределении силы. Есть практическое разделение в сознании, но нет сущностного различия сознания или настоящего деления в видении себя. Истина-Сознание достигла состояния, которое подготавливает нашу ментальность, но еще не является нашей ментальностью. И именно это должны мы изучить, чтобы охватить Разум в его происхождении, в точке, где он проваливается с высокой и необъятной широты Истины-Сознания, проваливается в разделение и неведение. К счастью, эту схватывающую Истину-Сознание (Прадждана) нам гораздо легче понять благодаря ее предзнаменованию наших ментальных операций, благодаря ее гораздо большей близости к нам, чем та далекая реализация, которую мы ранее пытались выразить на нашем неадекватном языке интеллекта. Поэтому менее значителен тот барьер, который нам нужно преодолеть.

ТРОЙНОЙ СТАТУС СВЕРХРАЗУМА

Мое “я” есть то, что поддерживает все существа и составляет их существование ... Я есть то “я”, которое пребывает внутри всех существ.

Гита (IX. 5; X. 20.)

Три мощи Света поддерживают три светлых божественных мира.

Риг Веда (V. 29. 1.)

Прежде чем приступить к этому более легкому описанию мира, в котором мы обитаем, к описанию с точки зрения схватывающей Истины-Сознания, которая видит вещи так, как видела бы индивидуальная душа, освобожденная от ограничений ментальности и допущенная к участию в деятельности Божественного Сверхразума, должны мы сделать паузу и вкратце резюмировать то, что мы уже постигли или еще можем постичь о сознании Господина, Ишвары, по мере того, как Он развивает мир посредством Его Майи из первоначального сконцентрированного единства Его бытия.

Мы начали с утверждения всего существования в качестве одного Бытия, чья сущностная природа есть Сознание, одного Сознания, чья активная природа есть Сила или Воля; и это Бытие есть Восторг, это Сознание есть Восторг, эта Сила или Воля есть Восторг. Вечное и неотъемлемое Блаженство Существования, Блаженство Сознания, Блаженство Силы или Воли, будь то сконцентрированное в себе и находящееся в покое или активное и созидающее — это Бог, и это мы сами, в нашем сущностном не-феноменальном бытии. Сконцентрированное в себе, это бытие обладает или скорее является сущностным, вечным, неотъемлемым Блаженством; активное и созидательное, оно обладает или скорее становится восторгом игры существования, игры сознания, игры силы и воли. Та игра — это вселенная, и тот восторг является единственной причиной, мотивом и целью космического существования. Божественное Сознание обладает той игрой и восторгом вечно и неотъемлемо; наше настоящее существо, наше реальное “я”, сокрытое от нас ложным “я” или ментальным эго, также наслаждается той игрой и восторгом вечно и неотъемлемо, и в действительности не может делать иначе, поскольку оно едино в существе с Божественным Сознанием. Поэтому, если мы стремимся к божественной жизни, то не можем достичь этого иначе, кроме как путем раскрытия этого завуалированного “я” в нас, путем подъема из нашего теперешнего статуса ложного “я” или ментального эго до высочайшего статуса истинного “я”, Атмана, путем вхождения в то единство с Божественным Сознанием, что есть нечто сверхсознательное в нас, что всегда наслаждается, — в противном случае мы не могли бы существовать, — но которое утратила наша сознательная ментальность.

Но когда мы так утверждаем это единство Сатчитананды с одной стороны и этой разделенной ментальности — с другой, то постулируем две противоположные сущности, одна из которых должна быть ложной, если другую считать истинной, и одна из которых должна быть перечеркнута, если мы решили воспользоваться другой. Все же именно в разуме и форме жизни и тела существуем мы на земле, а потому, если должны мы отказаться от сознания разума, жизни и тела для того, чтобы достичь одного Существования, Сознания и Блаженства, то божественная жизнь здесь невозможна. Мы должны полностью отвернуться от космического существования как от иллюзии, чтобы вкусить Трансцендентное или снова стать им. И не существует иного решения до тех пор, пока не будет найдено промежуточное звено между этими двумя сущностями, звено, которое сможет объяснить их друг другу и установить между ними такую связь, которая позволит нам реализовать одно Существование, Сознание, Восторг в оболочке разума, жизни и тела.

Промежуточное звено существует. Мы называем его Сверхразумом или Истиной-Сознанием, поскольку именно этот принцип является верховным по отношению к ментальности и существует, действует и происходит из фундаментальной истины и единства вещей, не так, как разум, которому эти вещи являются в их видимости и феноменальных различиях. Существование Сверхразума является логической необходимостью, возникающей непосредственно из позиции, с которой мы стартовали. Ибо Сатчитананда должна быть вневременным и беспространственным абсолютным сознательным существованием, что есть блаженство; но мир, напротив, есть расширение в Пространстве и Времени, и движение, выработка, развитие связей и возможностей посредством причинности -или того, что так является нам — во Времени и Пространстве. Истинное имя этой Причинности — Божественный Закон, и сущностью того Закона является неизбежное само-развитие истины вещей, которая, как Идея лежит в самой сущности того, что развивается; это предварительно зафиксированное определение относительного движения из материала бесконечной возможности. То, что таким образом развивает все вещи, должно быть Знанием-Волей или Сознательной Силой; ибо вся манифестация вселенной -это игра Сознательной Силы, составляющей сущностную природу существования. Но развивающееся Знание-Воля не может быть

ментальной; ведь разум не знает этот Закон, не обладает им и не управляет им, а сам им управляется, является одним из его результатов, движется в явлениях само-развития, а не в его корнях, наблюдает результаты развития как отдельные вещи и безуспешно пытается достичь их источника и их реальности. Более того, это Знание-Воля, которое развивает все, должно обладать единством вещей и должно из этого единства проявлять множественность вещей; но разум не обладает тем единством, он только несовершенно обладает частью множественности.

Поэтому должен быть принцип, верховный по отношению к Разуму, принцип, который удовлетворяет тем условиям, где Разум бессилён. Без сомнения, именно сама Сатчитананда является этим принципом, но Сатчитананда, не покоящаяся в своем чистом бесконечном неизменном сознании, а выходящая из этого первичного состояния, или, скорее, на его базе и в нем, как содержащем, выходящая в движение, которое является формой ее Энергии и инструментом космического творения. Сознание и Сила являются близнячными сущностными аспектами чистой Мощности существования; Знание и Воля должны поэтому быть формой, которую принимает та Мощь, создавая мир связей в расширении Пространства и Времени. Это Знание и эта Воля должны быть одним, бесконечным, все-охватывающим, всем-обладающим, все-формирующим, поддерживающим вечно в себе то, что оно бросает в движение и форму. Тогда Сверхразум есть Бытие, выдвигающееся в определяющее само-знание, которое постигает определенные истины о себе и желает реализовать их во временном и пространственном расширении собственного беспространственного и безвременного существования. Что бы ни содержалось в его бытии, оно принимает форму в качестве само-знания, как Истина-Сознание, как Реальность-Идея, и то само-знание, будучи также само-силой, неизбежно исполняет или реализует себя во Времени и Пространстве.

Следовательно, такова природа Божественного Сознания, которое создает в себе все вещи посредством движения своей сознательной силы и управляет их развитием через само-эволюцию при помощи внутренне присущего знания-воли истины существования или реальности-идеи, которая сформировала их. Существо, так понятое, есть то, что мы называем Богом; и Он, очевидно, должен быть вездесущим, всезнающим, всемогущим. Вездесущим, ибо все формы суть формы Его сознательного бытия, созданного его силой движения в его собственном расширении в качестве Пространства и Времени; всезнающим, ибо все вещи существуют в Его сознательном бытии, были сформированы им и находятся в его владении; всемогущим, ибо это всем-обладающее сознание является также всем-обладающей Силой и все-ведающей Волей. И эта Воля и Знание не находятся в состоянии войны друг с другом, как наша воля и наше знание могут воевать друг с другом, поскольку они являются не различными движениями, а одним движением одного и того же бытия. А также они не могут опровергаться любой другой волей, силой или сознанием снаружи или изнутри; ведь не существует сознания или силы, внешних по отношению к Одному, и все энергии и образования знания внутри являются ни чем-то, отличным от Него, а попросту игрой одной все-определяющей Воли и одного все-гармонизирующего Знания. То, что мы видим как столкновение воли и сил, поскольку пребываем в частном и раздельном, и не можем видеть целого, Сверхразум рассматривает как тайно замысленные элементы предопределенной гармонии, которая всегда представлена ему, поскольку тотальность вещей вечно подчиняется его взгляду.

Какое бы положение или форму ни принимали бы его действия, такой всегда будет природа божественного Сознания. Но, поскольку его существование абсолютно в себе, его мощь существования также абсолютна в его расширении, то Сверхразум не ограничен одним положением или одной формой действия. Мы, человеческие существа, являемся феноменально частной формой сознания, подчиненной Пространству и Времени; и в нашем поверхностном сознании, которое есть все, что мы знаем о себе, мы можем быть лишь одной вещью одновременно, одним образованием, одним состоянием существа, одной смесью опыта; и эта одна вещь является для нас истиной нас самих, той истиной, которую мы признаем; все остальное для нас либо не истинно, либо больше не истинно, поскольку растворилось в прошлом и вышло из нашего кругозора, либо еще не истинно, поскольку оно дожидается в будущем и еще не вошло в наш кругозор. Но Божественное Сознание не является таким специализированным и таким ограниченным; оно может быть многими вещами одновременно и занимать больше, чем одно, длительных состояний, даже все время. Мы находим, что в самом принципе Сверхразума Божественное Сознание занимает сразу три таких общих равновесных положений или состояний своего миро-основывающего сознания. Первое основывает неизменное единство вещей, второе видоизменяет это единство, так чтобы поддерживать манифестацию Множества в Одном и Одного во Множестве; третье дальше модифицирует его, так чтобы поддерживать эволюцию разнообразной индивидуальности, которая под воздействием Неведения становится в нас, на нижнем уровне, иллюзией отдельного эго.

Мы уже видели, в чем состоит природа первого и первичного положения Сверхразума, которое основывает неотъемлемое единство вещей. Это не чистое унитарное сознание; ибо унитарное сознание представляет безвременную и беспространственную концентрацию Сатчитананды в себе, где Сознательная Сила не выбирает себя ни в какой вид расширения, и если она вообще содержит вселенную в себе, то содержит ее в вечной потенциальности, а не во временной реальности. Напротив, первое состояние Сверхразума — это равное само-

расширение Сатчитананды, все-охватывающее, всем-обладающее, все-составляющее. Но все это одно, а не множество; нет индивидуализации. И как раз когда отражение этого Сверхразума падает на наше успокоенное и очищенное “я”, мы теряем все ощущение индивидуальности; ведь там нет концентрации сознания, которая поддержала бы индивидуальное развитие. Все развивается в единстве и как одно; все поддерживается этим Божественным Сознанием в качестве форм его существования, а не в качестве разделенных существований, хотя бы в малейшей степени. Нечто подобное тому, как мысли и образы, приходящие нашему разуму, являются по отношению к нам не отдельными существованиями, а формами, принимаемыми нашим сознанием, тем же являются все имена и формы по отношению к этому первичному Сверхразуму. Это чистое божественное начинание и образование в Бесконечном — но только то начинание и образование, которое организовано не как воображаемая игра ментальной мысли, а как реальная игра сознательного бытия. В этом положении божественная душа не сделала бы никакого отличия между Сознанием-Душой и Силой-Душой, ведь вся сила явилась бы действием сознания, а также не нашла бы различия между Материей и Духом, поскольку вся оболочка предстала бы попросту формой Духа.

Во втором положении Сверхразума Божественное Сознание держится позади в идее, удерживается от движения, которое оно содержит, реализуя его посредством некоторого рода проникающего сознания, следуя этому движению, занимая и населяя его работы, представляясь распределенным в его формы. В такой форме и под таким именем оно реализует себя в качестве стабильного Само-Сознания, одного и того же во всем; но также оно реализует себя как концентрация Само-Сознания, следующая за индивидуальной игрой движения, поддерживающая ее и защищающая ее отличие от другой игры движения — одной и той же в существе души, но изменяющейся в форме души. Эта концентрация, поддерживающая форму души, является индивидуальным Божественным или Дживатманом, в отличии от вселенского Божественного или одного все-составляющего я. Нет сущностной разницы, а есть только практическое различие ради игры, которая не отменяет реальное единство. Вселенское Божественное знает все формы души как себя и все же устанавливает различные связи с каждой формой отдельно и в каждой форме со всеми остальными. Индивидуальное Божественное постигает свое существование в качестве формы души и движения души Одного, и пока посредством охватывающего действия сознания оно наслаждается своим единством с Одним и всеми формами души, оно также посредством направленного вперед или фронтального проникающего действия поддерживает и наслаждается своим индивидуальным движением и своими связями свободной разницы в единстве как с Одним, так и со всеми своими формами. Если наш очищенный разум отразил бы это второе положение Сверхразума, то наша душа смогла бы поддержать и занять свое индивидуальное существование, и даже там она реализовала бы себя как Один, который стал всем, населяет все, содержит все, наслаждаясь даже в своей частной модификации своим единством с Богом и со своими братьями. Не будет никакого иного характерного изменения супраментального существования; единственным изменением станет эта игра Одного, который проявил свою множественность, и игра Множества, которое все же суть одно, со всем тем, что необходимо для поддержания и проведения игры.

Третье положение Сверхразума достигается, если поддерживающая концентрация более не удерживается позади движения, как это было, населяя это движение с определенным превосходством над ним и так следуя и наслаждаясь, а проецирует себя в движение и некоторым образом вовлечено в него. Здесь характер игры меняется, но лишь настолько, насколько индивидуальное Божественное делает игру связей со вселенной и другими ее формами практическим полем своего сознательного переживания, что реализация полного единства с ними является только верховным сопровождением и постоянной кульминацией всего опыта; но в высшем положении единство является доминирующим и фундаментальным опытом, а вариации могут быть только игрой единства. Эта третичное положение является поэтому некоторого рода фундаментальным блаженным дуализмом в единстве, дуализмом между индивидуальным Божественным и его вселенским источником, со всеми последствиями, которые вытекают из поддержания такого дуализма и из его операций.

Можно было бы сказать, что первым следствием явится падение в неведение Авидья, которое принимает Множество за реальный факт существования и обозревает Одно только как космическую сумму Множества. Но совсем не обязательно должно произойти подобное падение. Ведь индивидуальное Божественное по-прежнему осознает себя в качестве продукта Одного и его мощи сознательного само-создания, то есть, его множественного само-сосредоточения, задуманного для того, чтобы управлять и многократно наслаждаться своим множественным существованием в расширении Пространства и Времени; это истинное духовное индивидуальное не приписывает себе независимого или раздельного существования. Оно только утверждает истину дифференцированного движения вместе с истиной стабильного единства, рассматривая их как верхний и нижний полюса одной и той же истины, основание и кульминацию одной и той же божественной игры; и это духовное индивидуальное настаивает на радости дифференциации как на необходимости для полноты радости единства.

Очевидно, эти три положения являются лишь различными способами обращения с одной и той же Истиной; Истина наслаждаемого существования остается той же, а способы наслаждения или, точнее сказать, положе-

ния души в наслаждении, различны. Восторг, Ананда варьируется, но твердо придерживается статуса Истины-Сознания и не допускает впадения в Ложь и Неведение. Ибо вторичный и третичный Сверхразум только развивает и применяет в терминах божественной множественности то, что первичный Сверхразум держал в терминах божественного единства. Мы не можем поставить на какое-либо из этих трех положений клеймо лжости и иллюзии. Язык Упанишад, верховный древний авторитетный источник истин высшего переживания подражает закону всех этих переживаний, когда Упанишадцы говорят о Божественном существовании, проявляющем себя. Мы можем настаивать лишь на приоритете тождества над множественностью, приоритете не во времени, а в связи сознания, и никакое утверждение верховного духовного опыта, ни философия Вед не отрицают этого приоритета или зависимости Множества от Одного. Это так, поскольку во Времени Множество кажется не вечным, а проявляемым из Одного и возвращающимся в него как в его сущность, которая отрицает реальность Множества; но равным образом можно рассудить, что вечное постоянство или, если угодно, извечная возвращаемость манифестации во Времени служит доказательством того, что божественная множественность является вечным фактом Всевышнего за пределами Времени ни в меньшей степени, чем божественное единство; в противном случае множественность не могла бы иметь этой характеристики неизбежной вечной возвращаемости во Времени.

И только когда наша человеческая ментальность излишне подчеркивает одну сторону духовного опыта, выделяет ее как единственную вечную истину и формирует ее в терминах нашей все-разделяющей ментальной логики, тогда возникает необходимость взаимно разрушающих философских школ. Так, подчеркивая единственную истину унитарного сознания, мы наблюдаем игру божественного единства, ошибочно переводимую нашей ментальностью в термины реального различия, но, не утруждая себя корректированием этой ошибки разума истиной высшего принципа, мы утверждаем, что сама игра является иллюзией. Или, подчеркивая игру Одного во Множестве, мы провозглашаем некое высшее единство и рассматриваем индивидуальную душу как душе-форму Всевышнего, но утверждаем вечность этого высшего существования и вместе с тем отрицаем весь опыт чистого сознания в не столь высоком тождестве. Или, опять же, подчеркивая игру разницы, мы утверждаем, что Всевышний и человеческая душа навечно разнятся, и отрицаем ценность того переживания, которое превышает эту разницу и, как кажется, уничтожает ее. Но позиция, которую мы теперь твердо заняли, освобождает нас от необходимости этих отрицаний и исключений: мы видим, что за всеми этими утверждениями кроется истина, но также видим и преувеличение, ведущее к плохо-основанному отрицанию. Утверждая, как мы это делали, абсолютную абсолютность Того, не ограниченного нашими представлениями о единстве, не ограниченного нашими идеями множественности, утверждая единство как базис для проявления множественности и множественность — как базис для возвращения к тождеству и наслаждения единством в божественной манифестации, мы не должны отягощать нашу теперешнюю установку этими рассуждениями или предпринимать тщетные усилия для порабощения абсолютной свободы Божественной Бесконечности нашими ментальными разделениями и определениями.

БОЖЕСТВЕННАЯ ДУША

Он, чье “я” стало всем существованием, ибо он обрел знание, как же может он заблуждаться, откуда может прийти к нему печаль, к тому, кто везде видит тождество?

Иша Упанишада (Стих 7)

При помощи сформированного нами представления о Сверхразуме, посредством противопоставления его ментальности, на которой основано наше человеческое существование, мы можем не только сформировать точную, вместо смутной, идею о божественности и божественной жизни, — иначе эти выражения так и останутся неопределенными и слишком общими при словесном описании, — но можем также придать этим идеям прочную основу философских рассуждений, привести их в ясную связь с человечеством и человеческой жизнью, которой мы в настоящий момент наслаждаемся, и оправдать нашу надежду и наше стремление благодаря самой природе мира и при помощи нашего собственного космического восхождения и неизбежного будущего нашей эволюции. Мы начинаем интеллектуально постигать, что такое Божественное, вечная Реальность, и понимать, как из нее вышел мир. Мы также начинаем постигать, что то, что вышло из Божественного, неизбежно должно возвратиться в Божественное. Теперь мы с пользой для себя и с шансом получить ясный отклик можем спросить, как мы должны измениться и чем мы должны стать для того, чтобы достичь того в нашей природе, нашей жизни и наших связях с другими и не только через уединенную и экстатическую реализацию в глубинах нашего существа. Конечно, все еще остается некий дефект в наших предпосылках; ведь до сих пор мы старались определить для себя, чем является Божественное в своем спуске к ограниченной Природе, тогда как то, чем мы на самом деле являемся — это Божественное в индивидуальном восхождении назад от ограниченной Природы к собственной надлежащей божественности. Эта разница движений должна включать разницу между жизнью богов, которые никогда не знали падения, и жизнью освобождающегося человека, завоевателя потерянного божества, носящего внутри себя это переживание, и такой человек может собрать новые богатства из своего принятия этого крайнего спуска. Тем не менее, в этих позициях может быть разница не в сущностных характеристиках, а только в оболочке и окраске. На основе тех выводов, к которым мы пришли, мы уже можем выяснить сущностную природу божественной жизни, к которой мы стремимся.

Чем же будет существование божественной души, не низвергнутой в неведение путем падения Духа в Материю и затмения души материальной Природой? Чем будет ее сознание, живущее в первозданной Истине вещей, в неотъемлемом единстве, в мире ее собственного бесконечного бытия, подобном самому Божественному Существованию, но в котором благодаря игре Божественной Майи и из-за различия охватывающей и проникающей Истины-Сознания можно наслаждаться также отличием от Бога и одновременно единством с Ним, и охватывать разницу, и все же тождество, с другими божественными душами в бесконечной игре само-умноженного Идентичного?

Очевидно, существование такой души всегда будет само-содержаться в сознательной игре Сатчитананды. Оно будет чистым и бесконечным само-существованием в своем бытии; в своем становлении оно будет свободной игрой бессмертной жизни, не затрагиваемой смертью и рождением и изменением тела из-за того, что оно не затуманено неведением и не вовлечено в темноту нашего материального бытия. Это существование будет чистым и неограниченным сознанием в своей энергии, будет уравновешенным в вечном и светлом спокойствии как в своем основании, и все же будет способным к свободной игре с формами знания и формами сознательной мощности, будет спокойным существованием, неподверженным сбивчивости ментальной ошибки и заблуждениям нашей борющейся воли, поскольку оно никогда не отклоняется от истины и тождества, никогда не выпадает из внутренне присущего света и естественной гармонии своего божественного существования. Наконец, это существование явится чистым и неотъемлемым восторгом в его вечном само-переживании, а во Времени — свободной вариацией блаженства, неподверженного нашим искажениям неприязни, ненависти, недовольства и страдания, это будет так в силу неделимости в бытии, необремененности заблуждением само-воли, неподверженности невежественным стимулам желания.

Сознание души не будет отлучено от любой части бесконечной истины, а также не будет ограничено каким-либо положением или статусом, который оно могло бы принять в связях с остальными, и не будет приговорено к какой-либо утрате само-знания при принятии чисто феноменальной индивидуальности и при игре практической дифференциации. В своем само-переживании душа живет вечно в присутствии Абсолюта. Для нас Абсолют является только интеллектуальной концепцией неопределимого существования. Интеллект просто говорит нам, что существует Брахман более высокий, чем высочайший ¹, существует Непознаваемое, которое зна-

¹ Паратпара

ет себя по-иному, чем наше знание; но интеллект не может привести нас в соприкосновение с ним. Напротив, божественная душа, живущая в Истине вещей, всегда будет обладать сознательным ощущением себя в качестве проявления Абсолюта. Она будет осознавать свое неизменное существование как первозданную “само-форму” (сварупа) того Трансцендентного, -Сатчитананды; она будет осознавать игру сознательного бытия как проявление Того в формах Сатчитананды. В каждом своем состоянии или акте знания она будет осознавать Непознаваемое, познающее себя при помощи формы меняющегося само-знания; в каждом своем состоянии или акте воли или силы — осознавать Трансцендентное, обладающее собой благодаря форме сознательной мощи бытия и знания; в каждом своем состоянии или акте восторга, радости или любви будет осознавать Трансцендентное, охватывающее себя благодаря форме сознательного само-наслаждения. Это присутствие Абсолюта не будет переживанием, проблескивающим временами или наконец-то достигнутым и с трудом удерживаемым, и не будет дополнением, приобретением или кульминацией, наложенной на ее обычное состояние бытия: оно явится самим основанием ее бытия как в единстве, так и в разнице; оно будет присутствовать во всем ее познании, действии, наслаждении; душа не будет отлучена ни от своего вневременного я, ни от любого момента Времени, ни от своего беспространственного бытия, ни от любой определенности своего расширенного существования, ни от своей необусловленной чистоты за пределами всех причин и обстоятельств, ни от какой-либо связи обстоятельств, условий и причинности. Это постоянное присутствие Абсолюта явится базисом ее бесконечной свободы и восторга, будет гарантировать ее безопасность в игре и обеспечивать корни, поставлять сок и экстракт божественного бытия.

Более того, такая божественная душа будет жить одновременно в двух выражениях вечного существования Сатчитананды, в двух неразделимых полюсах само-развертывания Абсолюта, которые мы называем Одно и Множество. В действительности так живет все бытие; но нашему разделенному само-осознанию представляется несовместимость, пропасть между этими двумя полюсами, побуждая нас сделать выбор: пребывать ли во множественности, изгнанной из прямого и полного сознания Одного или в единстве, отталкивающим сознание Множества. Но божественная душа не будет поработана этим разъединением и этой двойственностью. Она будет одновременно осознавать в себе бесконечную само-концентрацию и бесконечное само-расширение и распространение. Она будет одновременно осознавать Одного в его унитарном сознании, поддерживающем бесчисленную множественность в себе как бы в потенциальности, невыраженную и потому для нашего ментального переживания являющуюся вещью не-существующей, а также осознавать Одного в его расширенном сознании, поддерживающем множественность, выброшенную из него и деятельную в качестве игры собственного сознательного бытия, воли и восторга. Она будет равным образом осознавать Множество Одним, вечно спускающимся к себе самому, Одним, являющимся вечным источником и реальностью его переживания, будет осознавать Множество, вечно карабкающееся к притягивающему Одному, являющемуся вечной кульминацией и блестящим оправданием игры разницы. Этот широкий взгляд на вещи отлит по подобию Истины-Сознания, является основанием большой Истины и Правильности, воспетой Ведическими провидцами; это единство трех противопоставляемых выражений является настоящей Адвайтой, верховным охватывающим словом знания Непознаваемого.

Божественная душа будет осознавать все вариации бытия, сознания, воли и восторга в качестве истечения, расширения, распространения того само-сконцентрированного Единства, развивающего себя, но распространения не в разницу и разделение, а в другую, расширенную форму бесконечного тождества. В сущности своего бытия душа всегда будет сконцентрированной в тождестве, а в расширении своего бытия она всегда будет проявляющейся в вариации. Все, что принимает форму, станет проявляющимися потенциальностями Одного, станет Словом или Именем, исходящим из безымянного Молчания, станет Формой, реализующей бесформенную сущность, станет активной Волей или Мощью, исходящей из уравновешенной Силы, лучом само-познания, испускаемым солнцем безвременного само-осознания, волной становления, вздымающейся в форму само-сознательного существования из вечно само-сознательного Бытия, радостью и любовью, вечно быющей ключом из вечно покоящегося Восторга. Это будет Абсолют, двуединый в своем само-развертывании, и каждая относительность в нем станет абсолютном для самой себя, потому что будет осознавать себя в качестве Абсолюта, проявленного, но без этого неведения, которое исключает другие относительности как чуждые своему бытию или менее полные, чем она сама.

В этом расширении божественная душа будет осознавать три степени супраментального существования, но не так, как мы ментально склонны рассматривать их, не как ступени, а как триединый факт само-проявления Сатчитананды. Она будет способна охватить их в одной и той же всеобъемлющей само-реализации, -ибо обширная все-объемлимость является основанием истинно-сознающего Сверхразума. Она будет божественно способной постигать, воспринимать и чувствовать все вещи в качестве “я”, как собственное “я”, одно “я” всего, одно Само-бытие и Само-становление, но не поделенное в своих становлениях, которые не имеют существования помимо собственного само-сознания. Она будет божественно способной постигать, воспринимать и чувствовать все существования как душе-формы Одного, каждая из которых имеет собственное бытие в Одном,

собственную точку зрения в Одном, собственные связи со всеми другими существованиями, коим несть числа, но каждое из которых зависит от Одного, являясь сознательной формой Его в Его собственной бесконечности. Душа будет божественно способной постигать, воспринимать и чувствовать все эти существования в их индивидуальности, в их отдельной точке зрения, живущими как индивидуальные Божества, каждое с Одним и Все-вышним, пребывающим в каждом, и каждое не будет являть лишь блеклое подобие или фантом и не будет являться иллюзорной частью реального целого, простой пенящейся волной на поверхности безмятежного Океана, — ведь все это в конце концов не более чем неадекватные ментальные образы, — а каждое предстанет целым в целом, истиной, которая повторяет бесконечную Истину, волной, которая составляет все море, относителем, которое оказывается самим Абсолютом, если мы смотрим из-за формы и видим ее в полноте.

Ибо таковы три аспекта одного Существования. Первый основывается на том само-знании, которое Упанишады описывают как Я в нас, становящееся всеми существованиями; второй — на том, что описывается как видение всех существований в Я; третий — на том, что описывается как видение “я” во всех существованиях. Я, становящееся всеми существованиями, есть базис нашего единства со всем; “я”, содержащее все существование, есть базис нашего тождества в различии; “я”, населяющее все, есть базис нашей индивидуальности во вселенной. Если дефект нашей ментальности, если необходимость исключительной концентрации вынуждает нас остановиться на каком-либо одном из этих аспектов само-знания, исключая остальные, если представление, столь несовершенное и столь исключительное, вынуждает нас всегда привносить человеческий элемент ошибки в саму Истину, привносить конфликт и взаимное отрицание во все-охватывающее единство, даже в божественное супраментальное бытие, то из-за сущностного характера Сверхразума, предстающего охватывающим тождеством и бесконечной тотальностью, эти аспекты должны представляться как тройная и действительно триединая реализация.

Если мы предположим, что эта душа занимает положение, свой центр в сознании индивидуального Божественного, живущего и действующего в отчетливой связи с “остальными”, то все же в основании ее сознания будет лежать полное единство, из которого все возникает, а на заднем плане ее сознания будет находиться расширенное и модифицированное единство, и к любому из них она будет способна вернуться и замыслить из них свою индивидуальность. В Ведах все эти положения закреплены за богами. По существу боги являются одним существованием, которое мудрецы называют разными именами; но хотя в их действиях, основанном и происходящем из большой Истины и Верного Агни они считаются разными богами, все же есть Одно, что становится всем; в то же время говорится, что он содержит всех богов в себе подобно тому, как втулка колеса содержит спицы, он есть Одно, что содержит все; и все же в качестве Агни он описывается как отдельное божество, один, кто помогает всем остальным, превосходит их в силе и знании, и все же занимает более низкое космическое положение и используется ими как посланник, жрец и работник, -будучи создателем и отцом мира, он все же сын, рожденный из наших работ, он, так сказать, первозданное и проявляющееся, постоянно пребывающее “я” или Божественное, Одно, населяющее все.

Все связи божественной души с Богом или его всевышним “я” и его другими “я” в других формах будут определяться с помощью этого охватывающего само-знания. Эти связи будут связями бытия, сознания и знания, воли и силы, любви и восторга. Будучи бесконечными в их потенциальности вариации, этим связям нет нужды исключать какую-либо возможную связь души с душой, что совместимо с сохранением неотъемлемого ощущения единства несмотря на каждое явление разницы. Так, в своих связях наслаждения божественная душа будет обладать восторгом всего собственного переживания в себе; она будет обладать восторгом всего своего переживания связи с другими в качестве сообщества с другими “я” в других формах, созданных ради изменчивой игры во вселенной; она также будет обладать восторгом переживаний других “я” так, как если бы они были ее собственными — в действительности так оно и есть. И все эти возможности она будет иметь, поскольку будет осознавать собственные переживания, свои связи с другими, и переживания других, и их связи с собой в качестве всей радости или Ананды Одного, всевышнего “я”, собственного “я”, разделенного отдельным проживанием во всех этих формах, захваченных своим собственным бытием, но все же составляющих одно в разнице. Поскольку это единство является базисом всего переживания души, то она будет свободна от разногласий нашего поделенного сознания, поделенного неведением и сепаративным эгоизмом; все эти “я” и их связи будут сознательно играть в руках друг друга; они будут являться частью друг друга и соединяться друг с другом как бесчисленные ноты вечной гармонии.

И то же самое правило будет применено к связям ее бытия, знания, воли с бытием, знанием и волей других. Ибо все ее переживание и восторг явится игрой само-блаженной сознательной силы бытия, в которой, благодаря подчинению истине единства, не может быть раздора ни со знанием, ни с восторгом. А также не будет знание, воля и восторг одной души сталкиваться со знанием, волею и восторгом другой, поскольку благодаря осознанию их единства то, что является столкновением, раздором и разногласием в нашем разделенном бытии, явится там встречей, переплетением и взаимной игрой различных нот одной бесконечной гармонии.

В своих связях с верховным “я”, с Богом, божественная душа будет иметь ощущение тождества трансцендентного и вселенского Божественного со своим собственным бытием. Она будет наслаждаться тождеством Бога с собой в собственной индивидуальности и с другими “я” в универсальности. Ее связи знания будут игрой божественного всеведения, ибо Бог есть Знание, и то, что является вместе с нами как неведение, будет там только удерживанием знания в покое сознательного само-осознания, так что определенные формы того само-осознания могут быть вынесены вперед в деятельность Света. Ее связи воли будут там игрой божественного всемогущества, ибо Бог есть Сила, Воля и Мощь, и то, что является вместе с нами как слабость и немощность, будет там удерживанием воли в равновесно сконцентрированной силе, так что формы божественной сознательной силы могут реализовать себя, будучи выведенными вперед в форме Мощи. Ее связи любви и восторга будут игрой божественного экстаза, ибо Бог есть Любовь и Восторг, и то, что является вместе с нами как отрицание любви и восторга, будет там удерживанием радости в тихом море Блаженства, так что определенные формы божественного единения и наслаждения могут быть выведены на передний план в виде хлынувших волн Блаженства. Точно также все ее становления будет образованием божественного бытия в отклике на эту деятельность, и то, что является вместе с нами как прекращение, смерть, уничтожение, станет только покоем, переходом или удержанием наслаждающейся созидательной Майи в вечном бытии Сатчитананды. В то же время это тождество не будет препятствовать связям божественной души с Богом, с верховным “я”, не будет основано на радости разницы, отделяющей себя от наслаждения единством; оно не будет устранять возможность любой из тех изысканных форм Бога-наслаждения, что являются высочайшим экстазом Бога-любви в его объятиях Божественного.

Но какими будут условия, в которых и при помощи которых эта природа жизни божественной души будет реализовывать себя? Все переживание связей происходит через определенные силы бытия, формулирующие себя при помощи инструментов, которые мы называем свойствами, качествами, активностями, способностями. Как, например, Разум бросает себя в различные формы разума-мощи, такие как суждение, наблюдение, память, сопереживание, соответствующие его собственному бытию, так и Истина-Сознание или Сверхразум должен создать связи души с душой посредством сил, способностей, операций, соответствующих супраментальному бытию; в противном случае не могла бы осуществляться игра разницы. Что представляет собой это действие Сверхразума, мы увидим, когда приступим к рассмотрению психологических условий божественной Жизни; сейчас мы рассматриваем только ее метафизические основания, ее сущностную природу и принципы. Сейчас достаточно того наблюдения, что отсутствие или отмена сепаративного эгоизма и действительного разделения в сознании является одним сущностным условием божественной Жизни, и потому эта эгоистическая разобщенность приводит к тому, что составляет нашу мораль и наше падение из Божественного. Это наш “первородный грех” или, лучше сказать, на более философском языке, отклонение от Истины И Правильности Духа, отклонение от его тождества, интегральности и гармонии, что явилось необходимым условием для великого погружения в Неведение, что составляет приключением души в мире и из чего было рождено наше страдание и стремление человечества.

РАЗУМ И СВЕРХРАЗУМ

Он открыл, что Разум был Сверхразумом.

Тайттирия Упанишада (III.4.)

Неделимый, но как будто поделенный в существах.

Гита (XIII.17.)

Представление, которое мы до сих пор стремились сформировать, касалось только сущности супраментальной жизни, которой божественная душа наверняка обладает в бытии Сатчитананды, но которую человеческая душа должна проявить в этом теле Сатчитананды, сформированном здесь в оболочке ментальной и физической жизни. Но насколько нам удалось исследовать только это супраментальное существование, пока нам кажется, что оно не имеет никакой связи или соответствия с жизнью, какой мы ее знаем, жизнью, деятельной между двумя терминами нашего нормального существования, между двумя сводами разума и тела. Более того, кажется, что это супраментальное существование является таким состоянием бытия, таким состоянием сознания, таким состоянием активной связи и взаимного наслаждения, каким невоплощенная душа могла бы обладать и переживать его в мире без физических форм, в мире, в котором была бы осуществлена дифференциация душ, а не тел, в мире активных и радостных бесконечностей, а не заточенных в форму духов. Поэтому с полным на то основанием можно усомниться, возможна ли такая божественная жизнь с этим ограничением телесной формы, этим ограничением заключенного в форму разума, и с этой силой, сдерживаемой своей формой — то есть, с тем, что мы знаем сейчас в качестве существования.

В действительности, мы стремились достичь некоторого представления о том всевышнем бесконечном бытии, о той сознательной силе и само-восторге, из чего был создан наш мир, и что неправильно изображается нашей ментальностью; мы пытались дать себе представление о том, чем может быть божественная Майя, эта Истина-Сознание, эта Реальность-Идея, посредством которых сознательная сила трансцендентного и вселенского Существования зачинает, формирует и управляет вселенной, порядком, космосом своего проявленного восторга бытия. Но мы не изучали связи этих четырех великих и божественных терминов с тремя остальными, с которыми только и знаком наш человеческий опыт -разумом, жизнью и телом. Мы еще не детально исследовали эту другую и кажущуюся небожественной Майю, которая является корнем всех наших стремлений и страданий, или не видели, как она в точности развивается из божественной реальности или божественной Майи. И до тех пор, пока мы не сделали этого, пока мы не восстановили пропущенные звенья, наш мир все еще необъяснен для нас, и все еще остается основание для сомнения, возможно ли объединение того высшего существования и этой низшей жизни. Мы знаем, что наш мир пришел из Сатчитананды и содержится в Его бытии; мы постигаем, что Он пребывает в нашем мире как Наслаждающийся и Знающий, Господь и Я; мы видели, что наши двойственные термины ощущения, разума, силы, бытия могут быть только представлениями Его восторга, Его сознательной силы, Его божественного существования. Но может показаться, что наши двойственные термины фактически настолько противостоят тому, чем он в действительности и божественно является, что мы не можем достичь божественной жизни, пока пребываем в условиях этих противоположностей, пока содержимся в низшем тройном термине существования. Мы должны либо возвеличить это низшее бытие до того высшего статуса, либо поменять тело для того чистого существования, поменять жизнь для того чистого условия сознательной силы, поменять ощущение и ментальность для того чистого восторга и знания, которое живет в истине духовной реальности. И не должно ли это означать, что мы оставляем все земное или ограниченное ментальное существование ради чего-то, что является его противоположностью — либо ради некоторого чистого состояния Духа, либо же ради некоего мира Истины вещей, если такой существует, либо ради других миров, если такие существуют, миров Блаженства, божественной Энергии, божественного Бытия? В таком случае совершенство человечества находится где угодно, только не в самом человечестве; верхом его земной эволюции может быть только прекрасная верхушка растворяющейся ментальности, где оно делает великий скачок либо в бесформенное бытие, либо в миры за пределами досягаемости заключенного в тело Разума.

Но в действительности все то, что мы называем небожественным, может быть только действием четырех божественных принципов, таким их действием, которое было необходимо для создания этой вселенной форм. Эти формы были созданы не снаружи, а внутри божественного существования, сознательной силы и блаженства, не вовне, а внутри и как часть работы божественной Реальности-Идеи. Поэтому нет оснований предполагать, что не может быть никакой реальной игры высшего божественного сознания в мире форм или что формы и их непосредственные опоры, ментальное сознание, энергия витальной силы и субстанция форм обязатель-

но должны исказать то, что они представляют. Возможно, даже вероятно, что разум, тело и жизнь будут обнаружены в их чистых формах в самой божественной Истине, что они находятся там в качестве подчиненных активностей сознания Истины и составляют часть полного инструментария, при помощи которого всегда работает всевышняя Сила. Следовательно, разум, жизнь и тело должны поддаваться обожествлению, быть способными к этому; их форме и работе в этот краткий период, являющийся, возможно, лишь одним из циклов земной эволюции, что Наука открывает нам, не требуется представлять все потенциальные работы этих трех принципов в живущем теле. Они работают так, как работают, поскольку они некоторым образом отделены в сознании от божественной Истины, из которой они произошли. Если это отделение будет когда-либо устранено путем расширения энергии Божественного в человечество, тогда их теперешнее действие с успехом может быть преобразовано, в действительности будет естественно преобразовано путем верховной эволюции и продвижения в ту чистейшую работу, которую они имели в Истине-Сознании.

В этом случае не только будет возможно проявить и поддержать божественное сознание в человеческом разуме и теле, но даже станет возможным и то, что божественное сознание в конце концов, увеличивая свои завоевания, переформирует разум, жизнь и тело по более совершенному образу вечной истины и реализует не только в душе, но и в субстанции свое небесное царство на земле. Первая из этих побед, внутренняя, определенно была одержана, в той или иной степени, некоторыми, возможно многими, людьми, на земле; другая, внешняя, даже если никогда и не реализованная в прошлые эры в качестве первого типа для будущих циклов и все еще удерживаемая в подсознательной памяти земли-природы, все же может подразумеваться в качестве грядущего победоносного достижения Бога в человечестве. Этой земной жизни не требуется обязательно и навсегда быть колесом полу-радостного и полу-болезненного усилия; здесь также можно достичь самого верха, и тогда великолепие и радость Бога смогут проявиться на земле.

Чем являются Разум, Жизнь и Тело в их верховных источниках и чем поэтому они должны быть в интегральной полноте божественной манифестации, когда они сообщаются с Истиной и не отрезаны от нее из-за отделения и неведения, в котором мы в настоящее время живем, — это и есть та проблема, которую мы будем в дальнейшем исследовать. Ведь там они уже должны обладать своим совершенством, к которому мы сейчас растем — мы, являющиеся только первым стесненным движением Разума, развивающегося в Материи, мы, еще не освобожденные от условий и воздействий той инволюции духа в форме, того погружения Света в собственную тень, посредством чего было создано затемненное материальное сознание физической природы. Тип всего совершенства, к которому мы растем, термины нашей высочайшей эволюции уже должны содержаться в божественной Реальности-Идее; они должны быть там сформированы и быть сознательными для нас, чтобы мы росли к ним и в них: ведь то пред-существование в божественном знании является тем, что наша человеческая ментальность называет Идеалом и ищет как Идеал. Идеал — это суть вечная Реальность, которую мы еще не реализовали в условиях нашего собственного бытия, это не не-существующее, что Вечное и Божественное еще не захватили, и что только мы, несовершенные существа, прозреваем и что мы намереваемся создать.

Разум — это первый, скованный и стесняющий повелитель нашей человеческой жизни. В своей сущности Разум представляет сознанием, которое измеряет, ограничивает, вырезает формы вещей из неделимого целого и содержит их так, как если бы каждая вещь была отдельным целым. Даже с тем, что существует только как явные части и доли, Разум устанавливает ту же фикцию обыденного сообщения, как если бы они были вещами, с которыми он может иметь дело по одиночке, а не как с аспектами целого. Ведь даже когда Разум знает, что они не являются вещами в себе, он обязан обращаться с ними так, как если бы они были вещами в себе; в противном случае он не смог бы подчинить их своей собственной характерной деятельности. Именно эта сущностная характеристика Разума обуславливает работу всех его оперирующих мощностей, будь то понятие, восприятие, ощущение или построение созидательного мышления. Разум постигает, воспринимает, чувствует вещи так, как если бы они были жестко отрезаны от подоплеки или массы, и использует их как фиксированные единицы материала, данного ему для творения или обладания. Все его действие и обладание имеет дело с целостностями, которые образуют часть большего целого, и эти подчиненные целостности снова разбиваются на части, которые также рассматриваются как целое для тех частных целей, которым они служат. Разум может делить, умножать, складывать, вычитать, но он не может выйти за пределы этой математики. Если он преступает эти пределы и пытается постичь реальное целое, то теряет себя в чуждом элементе, теряет свою твердую почву и попадает в океан неуловимого, в бездну бесконечного, где он не может ни воспринимать, постигать, чувствовать, ни иметь дело со своим предметом для творения и обладания. Ибо то, что, как кажется, Разум иногда постигает, воспринимает, чувствует или наслаждается как бесконечным, является лишь видимостью и всегда неким образом бесконечного. То, чем он так смутно обладает, есть попросту бесформенная Обширность, а не реальное беспростанственное бесконечное. В тот момент, когда он пытается иметь дело с этим бесконечным, обладать им, тотчас же приходит неотъемлемое стремление к разграничению, и Разум снова начинает оперировать с образами, формами и словами. Разум не может обладать бесконечным, он мо-

жет лишь допускать его или быть захваченным им; он может только блаженно беспомощно лежать в светлой тени Реальности, отброшенной на него с планов существования, находящихся за пределами его досягаемости. Обладание бесконечным не может придти никак иначе, кроме как при подъеме к тем супраментальным планам, а также знание этого бесконечного не может придти никак иначе, кроме как путем инертного подчинения Разума спускающимся сообщениям Истинно-Сознательной Реальности.

Эта сущностная способность и сущностное ограничение, сопровождающее ее, являются истиной Разума и фиксирует его подлинную природу и действие, свабхава и свадхарма; таков божественный указ, назначающий разуму его функции в полном инструментарии верховной Майи, — функции, определенные тем, чем он является при самом своем рождении из вечного само-зачатия Само-существующего. Те функции заключаются в том, чтобы всегда транслировать бесконечное в термины конечного, вымерять, ограничивать, разбивать на куски. В действительности он доводит это в нашем сознании до выхолащивания всего истинного смысла бесконечного; поэтому Разум является узлом великого Неведения, поскольку он — это то, что изначально делит и распределяет, и даже разум ошибочно принимался за причину вселенной и за всю божественную Майю. Но божественная Майя охватывает Видья так же, как и Авидья, Знание — так же, как и Неведение. Ведь, очевидно, что поскольку конечное является только видимостью бесконечного, результатом его действия, игрой его замысла и не может существовать иначе, кроме как при помощи него, в нем, с ним как подоплекой, само сформировано из того вещества и действия той силы, то должно существовать первозданное сознание, которое содержит и одновременно обзирает конечное и бесконечное и сокровенно осознает все связи одного с другим. В том сознании нет неведения, поскольку бесконечное известно, и конечное не отделено от него как независимая реальность; но все еще существует вторичный процесс разграничения, — в противном случае никакой мир не мог бы существовать — процесс, благодаря которому вечно делящееся и вновь объединяющееся сознание Разума, вечно расходящееся и вновь сходящееся действие Жизни и бесконечно разделенная и само-собирающаяся субстанция Материи, приходят в феноменальное бытие, причем все они приходят благодаря одному принципу и изначальному акту. Этот вторичный процесс вечного Провидца и Мыслителя, совершенно светлый, совершенно осознающий Его самого и все, хорошо знающий то, что Он делает, осознающий бесконечное в конечном, которое Он создает, может быть назван божественным Разумом. И, очевидно, что этот Разум должен являть собой подчиненную, а не отдельную работу Реальности-Идеи, Сверхразума, и должен действовать через то, что мы описали как схватывающее движение Истины-Сознания.

То схватывающее сознание, Праджна, помещает, как мы видели, работу неделимого всего, активного и формирующего, в качестве процесса и объекта созидающего знания, помещает перед сознанием того же самого Всего, порождающего и осведомленного в качестве владыки и свидетеля собственной работы — нечто подобное тому, как поэт обзирает порождения своего собственного сознания, помещенные перед ним, как если бы они были вещами, иными чем создатель и его созидательная сила, и все же все время они в действительности не являются чем-то большим, чем игрой само-формирования его собственного бытия в себе и неотделимы там от их создателя. Так Праджна делает фундаментальное разделение, которое ведет ко всему остальному, разделению на Пурушу, сознательную душу, которая знает, видит и своим видением творит и предопределяет, и Пракрити, Силу Души или Природу Души, которая является его знанием и его видением, его порождением и его все-предопределяющей мощью. Оба суть одно Бытие, одно существование, и формы видимые и созданные — это множественные формы того Бытия, формы, которые помещены Им как Знанием перед Ним самим как Познающим, Им самим как Силой перед Ним самим как Творцом. Последнее действие этого схватывающего сознания происходит тогда, когда Пуруша, пропитывающий сознательное расширение его бытия, присутствует в каждой точке его самого, как и в его тотальности, населяя каждую форму, рассматривает целое как будто бы раздельно, с каждой точки зрения, которую он занял; он обзирает и управляет связями каждой душе-формы его самого с другими душе-формами с точки зрения воли и знания, соответствующих каждой частной форме.

Так элементы разделения пришли в бытие. Сначала бесконечность Одного транслировала себя в расширение в концептуальном Времени и Пространстве; затем, вездесущность Одного в том само-сознательном расширении транслирует себя во множественность сознательной души, во множество Пуруш Санкхьи; после этого множественность душе-форм транслировали себя в раздельное население расширенного единства. Это раздельное население является неминуемым моментом, когда множественные Пуруши не населяют свой собственный отдельный мир, каждый Пуруша не обладает отдельной Пракрити, строящей отдельную вселенную, а более того, все наслаждаются одной и той же Пракрити, — как они должны делать, будучи только душе-формами Одного, осуществляющего руководство множественными порождениями Его мощи, — еще имеют связи друг с другом в одном мире бытия, созданного только одной Пракрити. Пуруша в каждой форме действительно идентифицирует себя с каждой; он разграничивает себя в том и противопоставляет свои другие формы этой форме в своем сознании как содержащие его другие “я”, идентичные с ним в бытии, но различные в связи, различные в разнообразных расширениях, разнообразных диапазонах движения и разнообразных взглядах одной

субстанции, силы, сознания, восторга, которые каждая форма действительно разворачивает в каждый данный момент Времени и в каждый заданной области Пространстве. При допущении того в божественном Существовании, совершенно осознающим себя, не существует сдерживающего ограничения, не существует идентификации, из-за которой душа становится закрепощенной и которую она не может преодолеть, подобно тому как мы порабощены нашей само-идентификацией с телом и не способны преодолеть ограничение нашего сознательно-го эго, не способны убежать от частного движения нашего сознания во Времени, определяющего наше конкретное поле в Пространстве; допуская все это, все еще существует свободная идентификация от момента к моменту, идентификация, которой препятствует только неотъемлемое само-знание божественной души, удерживает ее от фиксирования себя кажущимися прочными цепями отделения и последовательности Времени, такими, какими наше сознание кажется зафиксированным и привязанным.

Так, происходит разделение; уже основаны связи формы с формой, как если бы они были отдельными существованиями, воли-быть с волей-быть, как если бы они были отдельными силами, знания-бытия со знанием-бытия, как если бы они были отдельными сознаниями. Но это все еще “как если бы”; ибо божественная душа не введена в заблуждение, она осознает все как явления бытия и основывает свое существование на реальности вещей; душа не теряет своего единства: она использует разум как подчиненное действие бесконечного знания, определение вещей, подчиненное своему осознанию бесконечности, разграничение, зависящее от ее осознания сущностной тотальности — не той кажущейся плюралистической тотальности суммы и коллективного скопления, что является только другим явлением Разума. Таким образом, не существует реального разграничения; душа использует свою определяющую мощь для игры хорошо-различимых форм и сил и не используется той мощью.

Поэтому требуется новый фактор, новое действие сознательной силы, чтобы породить движение беспомощно ограниченного разума, в противоположность свободно ограниченному — так сказать, разума, подчиненного собственной игре и введенного в заблуждение ею, в противоположность разуму-господину собственной игры, видящему ее в ее истине, разума творения, в противоположность божественному. Этот новый фактор есть Авидья, само-неведающая способность, которая отделяет действие разума от действия Сверхразума, организовавшего разум и управляющего им из-под вуали. Так отделенный, Разум воспринимает только частное, а не универсальное, или постигает только частное в неподконтрольном ему универсальном и более не постигает как частное, так и универсальное как явления Бесконечного. Таким образом, мы имеем ограниченный разум, который видит каждое явление как вещь-в-себе, видит отдельную часть целого, которое в свою очередь существует отдельно в большем целом и так далее, всегда увеличивая нагромождение и не приходя к ощущению истинной бесконечности.

Разум, будучи действием Бесконечного, разлагает на куски как и составляет, до бесконечности. Он разрезает бытие на целостности, на всегда меньшие целостности, до атомов, и те атомы — до первичных атомов, до тех пор, пока не сведет, если сможет, первичный атом в ничто. Но он не может этого сделать, поскольку за этим делящим действием присутствует сохраняющее знание супраментального, которое знает, что каждая целостность, каждый атом является только концентрацией все-силы, все-сознания, все-бытия в своих феноменальных формах. Это растворение составляющих в бесконечное ничто, чего, как кажется, достигает Разум, для Сверхразума является только возвращением само-сконцентрированного сознательного-бытия из феноменального в свое бесконечное существование. Каким бы путем ни следовало сознание Сверхразума, путем ли бесконечного деления или бесконечного наращивания, оно достигает только себя, собственного бесконечного единства и вечного бытия. И когда действие разума сознательно подчинено этому знанию Сверхразума, тогда истина этого процесса становится ему известной и вовсе не игнорируется; не существует реального деления, а есть только бесконечно множасься концентрация в формах бытия и концентрация в расстановке связей тех форм бытия по отношению друг к другу, в котором деление является вторичной видимостью целостного процесса, видимостью, необходимой для их пространственно-временной игры. Ибо, деля по своему желанию, спускаясь к самому мельчайшему атому или формируя наиболее чудовищное скопление миров и систем, вы не можете никоим образом придти к вещи-в-себе; все — суть формы Силы, которая единственно реальна в себе, тогда как все остальное реально только как само-воображения или проявляющиеся само-формы вечной Силы-Сознания.

Откуда тогда проистекает ограничивающая Авидья, падение разума из Сверхразума и последующая идея реального разделения? В точности из какого искажения супраментального функционирования? Она берется из индивидуализированной души, обзирающей все со своей собственной точки зрения и исключаящей все остальное; она проистекает, так сказать, из исключительной концентрации сознания, исключительной само-идентификации души с частным временным и пространственным действием, которое является только частью ее собственной игры бытия; она начинается с игнорирования душою того факта, что все другие души — суть также она, всякое другое действие — суть ее собственное действие и все другие состояния бытия и сознания равным образом являются ее собственными, также как и действие одного частного момента во Времени, и

одной конкретной точки отсчета в Пространстве, и одной частной формы, которую она теперь занимает. Она концентрируется на моменте, поле, форме, движении, так что теряет остальное; затем она должна восстановить остальное, связав вместе последовательность моментов, последовательность точек Пространства, последовательность форм во Времени и Пространстве, последовательность движений во Времени и Пространстве. Так она утратила истину неделимости Времени, неделимости Силы и Субстанции. Из ее поля зрения выпал даже тот очевидный факт, что все разумы — суть один Разум, принимающий множество точек отсчета, все жизни — суть одна Жизнь, развивающая множество токов деятельности, все тела и формы — суть одна субстанция Силы и Сознания, концентрирующаяся во множестве кажущихся стабильностях силы и сознания; но поистине все эти стабильности в действительности являются только постоянным кружением движения, повторяющим форму, пока оно не модифицирует ее; эти стабильные формы не являются чем-то большим. Ведь Разум пытается зажать любую вещь в твердо фиксированные формы и кажущиеся неизменными или неподвижными внешние факторы, поскольку иначе он не может действовать; затем он думает, что достиг того, чего хотел: но в действительности все является потоком изменений и возобновлений, и не существует ни фиксированной формы-в-себе, ни неизменного внешнего фактора. Непоколебима только Реальность-Идея, и она проявляет определенную упорядоченную неизменность образов и связей в потоке вещей, ту неизменность, которую тщетно пытается имитировать Разум, приписывая фиксированность тому, что всегда непостоянно. Эти истины Разум должен переоткрыть; он знает их все время, но только спрятанными на задворках сознания, в тайном свете своего само-бытия; и тот свет является для него темнотой, поскольку разум породил неведение, поскольку перешел из разделяющей в разделенную ментальность, поскольку он стал вовлеченным в собственные работы и собственные творения.

Это неведение дальше углубляется для человека его само-идентификацией с телом. Для нас разум кажется определяемым телом, поскольку он захвачен телом и развит для физических работ, которые он использует для своего сознательного поверхностного действия в этом грубом материальном мире. Постоянно используя эту работу мозга и нервов, которые он развил в ходе собственного развития в теле, разум слишком поглощен наблюдением того, что эта физическая машинерия поставляет ему, слишком поглощен этим, чтобы оторваться и приступить к собственной чистой работе; эта работа для него по большей части подсознательна. Все же мы можем представить себе живущий разум или живое существо, которое вышло за пределы эволюционной необходимости этой поглощенности и способно видеть и даже переживать себя, переходя от тела к телу, ощущать себя не созданным отдельно в каждом теле и кончающимся с ним; ведь таким образом создается только физический отпечаток разума в материи, только телесная ментальность, а не целостное ментальное существо. Эта телесная ментальность является попросту поверхностью разума, просто фронтом, который она предоставляет физическому опыту. За этой поверхностью, даже в нашем земном существе, присутствует некая другая ментальность, подсознательная или сублиминальная для нас, которая знает себя в качестве нечто большего, чем тело, и способна к менее материализованному действию. Этой части ментальности мы непосредственно обязаны за большую часть большего, более глубокого и более мощного действия нашего поверхностного разума; эта часть, когда мы осознаем ее или ее отпечаток в нас, является нашей первой идеей или нашей первой реализацией души или внутреннего существа, Пуруши ¹.

Но эта жизненная ментальность хотя и может освободить нас от ошибки тела, но также не освобождает нас от целостной ошибки разума; разум все еще подчинен первозданному акту неведения, из-за которого индивидуализированная душа рассматривает каждую вещь со своей собственной точки зрения и может видеть истину вещей только так, как они видятся ей снаружи или же так, как они представляются ей с точки зрения отделенного временного и пространственного сознания, формы и результата прошлого и настоящего опыта. Она не осознает свои “другие я” кроме как посредством внешних знаков, которые они подают о своем существовании, знаков коммуникативной мысли, речи, действия, результата действий или более тонких знаков — не ощущаемых напрямую физическим существом — витального воздействия и связи. Равным образом жизненная ментальность не ведает о себе; ведь она знает о своем “я” только через движение во Времени и последовательность жизней, в которых она использовала свои разнообразно воплощенные энергии. Подобно тому, как наш физический инструментальный разум имеет иллюзию тела, также этот подсознательный динамический разум имеет иллюзию жизни. В том он поглощен и сконцентрирован, тем он ограничен, с тем он идентифицирует свое существо. Здесь мы еще не вернулись к точке встречи разума и Сверхразума и к точке, где они первоначально были разделены.

Но все же существует другая, более чистая рефлексивная ментальность за динамической и витальной, она может убежать от этой поглощенности в жизни, и она смотрит на себя как на принявшую жизнь и тело с тем, чтобы отобразить в действительных энергетических связях то, что она воспринимает в воле и мышлении. Это источник чистого мыслителя в нас; это то, что знает ментальность в себе и видит мир не в терминах жизни и

¹ Воспринимаемого как жизненное существо или витальное существо, пранамайя пуруша.

тела, а в терминах разума; это то ², что при отходе к нему мы иногда ошибочно принимаем за чистый дух, как мы ошибочно принимаем динамический разум за душу. Этот высший разум способен воспринимать и иметь дело с другими душами как другими формами своего чистого я; он способен ощущать их при помощи чистого ментального воздействия и сообщения, и более не посредством витальных и нервных контактов и физических знаков; он постигает также ментальный образ единства, и в своей деятельности и своей воле он может творить и обладать более непосредственно — не только опосредовано, как в обычной физической жизни — и в других разумах и жизнях, как в своих собственных. Но даже эта чистая ментальность не избегает изначальной ошибки разума. Ибо все еще отделенное ментальное “я” делает оценку, становится свидетелем и центром вселенной и лишь посредством этого пытается достичь собственного высшего “я” и реальности; все другие — это “другие”, сгруппированные вокруг него: когда это ментальное “я” хочет быть свободным, то должно отойти от жизни и разума, чтобы раствориться в реальном единстве. Ибо все еще существует вуаль, созданная Авидья между ментальным и супраментальным действием; сквозь нее проходит только образ Истины, а не сама Истина.

И только когда вуаль прорвана, и отделенный разум подавлен, спокоен и пассивен по отношению к супраментальному действию, тогда он сам возвращается к Истине вещей. Там мы находим светлую ментальность рефлексивной, покорной и инструментальной по отношению к божественной Реальности-Идее. Там мы постигаем, каков мир на самом деле; мы познаем во всех отношениях себя в других и как других, других как себя, и все как вселенское само-размноженное Одно. Мы теряем жестко разграничивающую индивидуальную точку зрения, которая является источником всех ограничений и ошибок. Тем не менее, мы также постигаем, что все то, что неведение Разума принимало за истину, было в действительности истиной, но истиной искривленной, путанной и ложно постигнутой. Мы все еще воспринимаем разделение, индивидуализацию, атомное создание, но знаем их и себя как то, чем в действительности они и мы являемся. И так мы постигаем, что Разум в действительности был подчиненным действием и инструментом Истины-Сознания. Пока он не отделен в само-переживании от обволакивающего Мастера-Сознания и не пытается возвести дом для себя, пока он пассивно служит как инструмент и не пытается извлечь собственную выгоду, Разум светло исполняет свое назначение, которое состоит в Истине удержания форм поодаль друг от друга путем феноменального, чисто формального разграничения их деятельности, за которой правящая универсальность бытия остается сознательной и неприкосновенной. Разум должен получать истину вещей и распределять ее в соответствии с безошибочным восприятием верховного и вселенского Ока и Воли. Он должен придерживать индивидуализацию активного сознания, восторга, силы, субстанции, индивидуализацию, которая получает всю свою мощь, реальность и радость из неотъемлемой универсальности, стоящей за ней. Разум должен обратить множественность Одного в кажущееся разделение, благодаря чему связи определяются и удерживаются поодаль друг от друга, так чтобы встретиться вновь и соединиться. Разум должен установить восторг разделения и контакта посреди вечного единства и вечной перемежаемости. Он должен позволить Одному вести себя так, как если бы Он был индивидуальностью, имеющей дело с другими индивидуальностями, но всегда в Его собственном единстве, и это то, чем на самом деле является мир. Разум — это последняя операция схватывающей Истины-Сознания, которая делает все это возможным, и то, что мы называем Неведением, не создает новой вещи и абсолютной лжи, а только неправильно представляет Истину. Неведение — это Разум, отделенный в знании от своего источника знания и дающий ложную уверенность и ошибочную видимость противоположности и конфликта с гармоничной игрой верховной Истины в ее вселенском проявлении.

Следовательно, фундаментальной ошибкой Разума является выпадение из само-знания, из-за чего индивидуальная душа считает свою индивидуальность отдельным фактом, а не формой Тождества, и делает себя центром собственной вселенной вместо познания себя в качестве одной концентрации вселенского. Из этой изначальной ошибки вытекают все частные неведения и ограничения. Ибо, обозревая поток вещей только так, как он накатывается на него и течет через него, Разум производит ограничение существа, что влечет за собой ограничение сознания, а потому и знания, влечет за собой ограничение сознательной силы и воли, а потому и мощи, ограничение само-наслаждения, а потому и восторга. Он сознает вещи и знает их только так, как они представляются его индивидуальности, а потому он впадает в неведение относительно остального, и как следствие, в ошибочное представление даже о том, что кажется познанным: поскольку все бытие внутренне взаимосвязано, то знание целого или сущности необходимо для правильного знания части. Следовательно, в человеческом знании присутствует элемент ошибки. Аналогично, наша воля, не ведающая об остальной все-воле, должна ошибаться в своей работе и впадать в ту или иную степень немощи и неспособности; само-восторг души и восторг вещей, игнорирующий все-блаженство и из-за дефекта воли и знания не способный овладеть миром, должен впасть в неспособность овладения восторгом, а потому и впасть в страдание. Поэтому само-неведение является корнем всей порочности нашего существования, и эта порочность поддерживается само-ограничением, эгоизмом, который является формой, принимаемой этим само-неведением.

² Ментальное существо, маномаяя пуруша

Все же все неведение и вся порочность — это только искажение истины и правильности вещей, а не игра абсолютной лжи. Это порождение Разума, смотрящего на вещи в разделении, которое он делает, авидьям антаре, вместо того, чтобы видеть себя и свои разделения в качестве инструмента и явления игры истины Сат-читананды. Если он отойдет в истину, из которой он выпал, то снова станет последним действием Истины-Сознания в ее охватывающей операции, и связи, которые он помогает создавать в том свете и мощности, будут связями Истины, а не своенравия. Это будут прямые вещи, а не искривленные, используя выразительную оригинальность Риш Вед — Истины, так сказать, божественного бытия с его само-обладающим сознанием, волей и восторгом, гармонично движущихся в себе. Вместо этого мы сейчас имеем искаженное зигзагообразное движение разума и жизни, искривления, порожденные борьбой души, растущей в забвении о своем истинном существе, борьбой ради того, чтобы обрести себя снова, обратить все ошибки в истину, которую ограничивают или искажают как наши истины, так и наши ошибки, как наших правильности, так и наши неправильности, обратить всю немощь в могущество, которым стремятся завладеть как наша мощь, так и наша слабость, обратить все страдание в восторг, к которому стремится как наша радость, так и наша боль в конвульсивном усилении ощущения реализации, обратить всю смерть в бессмертие, по отношению к которому как наша жизнь, так и наша смерть является постоянным усилением существа вернуться.

Глава XIX

ЖИЗНЬ

*Энергия праны суть жизнь созданий; ибо сказано, что то есть универсальный принцип жизни.
Тайтирия Упанишад (II.3.)*

В таком случае мы постигаем, чем является Разум по своему божественному происхождению и как он связан с Истиной-Сознанием — Разум, высочайший из трех низших принципов, что составляют наше человеческое существование. Он предстает специальным действием божественного сознания или, более того, он — это последняя прядь его целостного созидательного действия. Он позволяет Пуруше держать порознь связи различных форм и сил; он создает феноменальные различия, которые для индивидуальной души, выпавшей из Истины-Сознания, обретают вид коренных делений, и из-за того первоначального искажения разум является прародителем всех следующих искажений, которые воздействуют на нас как противоположные двойственности и противостояния, свойственные для жизни Души в Неведении. Но пока он не отделен от Сверхразума, разум поддерживает не искажения и ложь, а различные работы вселенской Истины.

Таким образом, Разум предстает как сознательный космический посредник. Это не то впечатление, которое обычно мы имеем о нашей ментальности; изначально мы рассматриваем разум скорее как воспринимающий орган, воспринимающий вещи, уже созданные Силой, работающей в Материи, и единственное порождение, которое мы ему позволяем — это вторичное создание новых комбинированных форм из тех, что уже развиты Силой в Материи. Но знание, которое мы сейчас обретаем, дополненное последними открытиями Науки, начинает нам показывать, что в этой Силе и в этой Материи присутствует Разум в работе, Разум, который определенно ответственен за свое собственное появление, сначала в формах жизни, а затем в формах самого разума, сначала в нервном сознании растительной жизни и примитивных животных, затем в вечно-развивающейся ментальности эволюционирующего животного и человека. И подобно тому, как мы уже открыли, что Разум — это только субстанция-форма Силы, также мы должны открыть, что материальная Сила — это только энергия-форма Разума. В действительности, материальная сила — это подсознательное действие Воли; Воля, что работает в нас в том, что кажется светом, хотя на самом деле это не более, чем полу-свет, и материальная Сила, что работает в том, что нам кажется темнотою интеллекта, являются действительно и по сути одним и тем же, как материалистическая мысль уже инстинктивно почувствовала с неверного или низшего конца вещей и как духовное знание, работающее сверху, уже давным давно открыло. Поэтому мы можем сказать, что именно подсознательный Разум или Интеллект, проявляющий Силу в качестве своего мощи-привода, своей исполнительной природы, своей Праkritи, создал этот материальный мир.

Но поскольку, как мы уже нашли, Разум является не независимой и первозданной сущностью, а только конечной операцией Истины-Сознания или Сверхразума, то где бы ни присутствовал Разум, там же должен быть и Сверхразум. Сверхразум или Истина-Сознание — вот настоящий созидательный орган вселенского Существования. Даже когда Разум в своем собственном затемненном сознании отделен от своего источника, все же то большее движение всегда присутствует там в работах Разума; принуждая их сохранить их правильную связь, развивая из них неизбежные результаты, которые они несут в себе, выращивая правильное дерево из правильного семени, он [Сверхразум] подчиняет себе даже операции настолько грубой, инертной и темной вещи, как материальная Сила, подчиняет результату в мире Закона, порядка, правильной связи и не в мире сталкивающегося случая и хаоса, как иначе могло бы быть. Очевидно, этот порядок и правильная связь может быть только относительным и не верховным порядком и верховным правом, которые бы царствовали, если бы разум в своем собственном сознании не был отделен от Сверхразума; это есть устройство, порядок результатов надлежащий и соответствующий действию разделяющего Разума и его творения разделяющих противоположностей, его двойные противоположные стороны одной Истины. Божественное Сознание, имеющее сокрытую Идею об этом дуальном или разделенном представлении себя и бросающее ее в действие, выводит из нее в реальность-идею и фактически выявляет в субстанции жизни, посредством управляющего действия целостной Истины-Сознания за ней, свою собственную истину или неизбежный результат разносторонней связи. Ибо в этом заключается природа Закона или Истина в мире, которая так работает и выносит то, что заключено в бытии, подразумевается в сущности и природе вещи самой по себе, скрыто в само-бытии и само-законе, свабхава и свадхарма, как видится при помощи божественного Знания. Используя одну из тех чудесных формул Упанишад (кавир маниси парихух свайямбхур йятхататхяторгхан... — Иша Упанишад, Стих 8), содержащую мир знания в нескольких открывающих словах, мы говорим, что именно Само-существующее как провидец и мыслитель, находящийся везде в становлении, назначило в Нем самом все вещи в точности со времен извечных в соответствии с истиной того, чем мы являемся.

Следовательно, тройной мир, в котором мы живем, мир Разума-Жизни-Тела, является тройным только в текущей современной эволюции. Жизнь, вовлеченная в Материю, возникла в форме думающей и ментально сознательной жизни. Но с Разумом, вовлеченным в него, а потому и в Жизнь и Материю, приходит Сверхразум - начало и правитель трех других, и сам этот факт также должен проявиться. Мы ищем интеллект в корне мира, поскольку интеллект — это высочайший принцип, который мы знаем, и этот принцип, как нам кажется, управляет и объясняет всю нашу деятельность и творение, и поэтому, если вообще существует Сознание во вселенной, мы предполагаем, что оно должно быть Интеллектом, ментальным Сознанием. Но интеллект только постигает, отражает и использует по мере своих возможностей работу Истины бытия, высшую по отношению к нему; стоящая за этим работающая мощь должна поэтому быть другой высшей формой Сознания, отвечающей той Истине. Соответственно, мы должны исправить наше представление и утвердить, что не под-сознательный Разум или Интеллект, а инволюционный Сверхразум, который выставил Разум перед собой в качестве непосредственной активной специальной формы своего знания-воли, подсознательной в силе, и который использует материальную Силу или Волю, подсознательную в субстанции бытия, в качестве исполнительной Природы или Праkritи, именно этот Сверхразум создал эту материальную вселенную.

Но мы видим, что здесь Разум проявлен в специализации Силы, которую мы называем Жизнью. Тогда что есть Жизнь? и какое отношение она имеет к Сверхразуму, к этому верховному триединству Сатчитананды, активному в творении посредством Реальности-Идеи или Истины-Сознания? Из какого принципа Триединства она происходит? или благодаря какой необходимости, божественной или небожественной, Истины или иллюзии, приходит она в бытие? Жизнь есть зло — заключают столетия древней молвы — заблуждение, бред, безумство, из которого мы должны убежать в покой вечного бытия. Так ли это? и почему это так? Почему Вечное так своенравно причиняет это зло, накладывает этот бред или безумие на Его самого или иначе на создания, привнесенные в бытие Его ужасной само-заблуждающейся Майей? Или же это скорее некоторый божественный принцип, который так выражает себя, некоторая мощь Восторга вечного бытия, которая должна была выразиться и так бросила себя во Время и Пространство в этом постоянном выбросе миллионов и миллионов форм жизни, бесчисленных миров вселенной?

Когда мы изучаем эту Жизнь, как она проявляет себя на земле с Материей в качестве базиса, то видим, что сущностно именно форма одной космической Энергии, динамическое движение или ее ток, позитивный и негативный, постоянный акт или игра Силы строит формы, энергетизирует их непрерывным потоком возбуждений и поддерживает их при помощи непрекращающегося процесса дезинтеграции и возобновления их субстанции. Это определенно показывает, что естественное противопоставление, которое мы делаем между смертью и жизнью, является ошибкой нашей ментальности, одним из тех ложных противопоставлений — ложных по отношению к внутренней истине, хотя законных в поверхностном практическом опыте — которые, вводя в заблуждение кажимостью, постоянно приносятся во вселенское единство. Смерть не имеет никакой иной реальности, кроме как в качестве процесса жизни. Дезинтеграция субстанции и возобновление субстанции, поддержание формы и смена формы — суть постоянный процесс жизни; смерть — это просто быстрая дезинтеграция, подчиненная жизненной необходимости изменения и варьирования формального опыта. Даже при смерти тела не происходит прекращения Жизни, только материал одной формы жизни разбивается, так чтобы служить материалом для других форм жизни. Аналогично мы можем быть уверены, в силу однородности закона Природы, что если в телесной форме присутствует ментальная или психическая энергия, то она также не разрушается, а только уходит из одной формы, чтобы принять иную при помощи некоторого процесса метемпсихоза или нового одушевления тела. Все возобновляет себя, ничто не гибнет.

В качестве следствия можно утверждать, что существует одна все-проникающая Жизнь или динамическая энергия — материальный аспект является только самым крайним ее движением -которая создает все эти формы физической вселенной, Жизнь непреходящая и вечная, которая в случае, если целостная картина вселенной была бы совершенно уничтожена, все равно бы продолжала существовать и была способной произвести новую вселенную на ее месте, в действительности должна неизбежно продолжать творить, пока она не будет выведена назад в состояние покоя некой внешней Мощью или сама сдержит себя. В таком случае Жизнь есть ни что иное, как Сила, что строит и поддерживает и разрушает формы в мире; именно Жизнь поддерживает себя в форме земли, так и в растении, которое живет на земле, а также в животных, которые поддерживают свое существование, поглощая жизне-силу растения или друг друга. Все существование есть вселенская Жизнь, которая принимает форму Материи. С той целью жизне-процесс может быть сокрыт в физическом процессе, прежде чем он возникнет как субментальная чувствительность и ментализированная витальность, но везде будет все же один и тот же созидательный Жизне-принцип.

Однако, можно возразить, что это есть не то, что мы подразумеваем под жизнью; мы имеем в виду некий вполне определенный результат вселенской силы, с которым мы знакомы и который проявляет себя только в животном и растении, но не в металле, камне, газе, оперирует в клетке животного, а не в чисто физическом атоме. Поэтому, чтобы быть уверенными в нашем основании, мы должны исследовать, в чем в точности со-

стоит этот вполне определенный результат игры Силы, который мы называем Жизнью и как он отличается от того другого результата игры Силы в неживленных вещах, о которых мы говорим, что там нет жизни. Мы сразу же видим, что здесь, на земле, присутствуют три сферы игры Силы, в традиционной классификации: животное царство, которому мы принадлежим, растительный мир и наконец, простая материальная пустыня жизни, каковой мы ее считаем. Как жизнь в нас самих отличается от жизни растения, и жизнь растения отличается от не-жизни, скажем, металла, минерального царства или от не-жизни нового химического царства, открытого Наукой?

Обычно, когда мы говорим о жизни, то имеем в виду животную жизнь, ту, которая двигается, дышит, ест, чувствует, желает и если мы говорим о жизни растений, то это звучит всегда почти как метафора, а не реальность, ибо мы склонны рассматривать жизнь растения как чисто материальный процесс, а не биологическое явление. Особенно мы склонны связывать жизнь с дыханием; дыхание есть жизнь, это говорится на каждом языке, и эта формула верна, если мы изменим наше представление о том, что имеется в виду под Дыханием Жизни. Но, очевидно, что спонтанное движение или передвижение, дыхание, питание составляет только процесс жизни, а не саму жизнь; они являются средствами генерации или испускания той постоянно возбуждаемой энергии, что является нашей витальностью, а также средствами того процесса дезинтеграции и возобновления, что поддерживает наше субстанциональное существование; но эти процессы нашей витальности могут поддерживаться иным путем, нежели чем посредством вдоха и выдоха или через пищу. Доказано, что человеческая жизнь может оставаться в теле и в полном сознании даже тогда, когда дыхание, биение сердца и другие процессы, формально считавшиеся существенными для жизни, временно приостановлены. Также найдены новые доказательства того, что растение, у которого мы все еще отрицаем любую сознательную реакцию, имеет по крайней мере физическую жизнь, идентичную нашей собственной и даже организованную существенно подобно нашей собственной, хотя есть отличия во внешней организации. Если это окажется верным, то мы сможем преодолеть наши старые возможности, вымести старые концепции и выйти за грань симптомов и внешностей к корню проблемы.

В некоторых недавних исследованиях¹ которые, если их выводы приемлимы, могут пролить много света на проблему Жизни в Материи, знаменитый индийский физик заострил внимание на отклике на раздражитель как на несомненном признаке существования жизни. Особенно явления растительной жизни освещались его данными и иллюстрировались во всех их тонких функционированиях; но мы не должны забывать, что по существу то же самое доказательство существования витальности, отклика на раздражители, позитивного статуса жизни и ее негативного статуса, который мы называем смертью, приводилось им и для металлов, как и в растениях. Конечно же, эти данные не указывают на существенно тождественную организацию жизни со всеми ее богатствами; Но возможно, что если бы были изобретены инструменты адекватной природы и достаточной чувствительности, то могло бы быть найдено больше точек сходства между жизнью металлов и растений; и даже если бы это оказалось не так, то это могло бы означать, что та же самая или какая-либо организация жизни отсутствует, но сами начала жизни все же могут присутствовать в металлах. Но если жизнь, сколь ни рудиментарно в своих признаках, существует в металлах, то нам следует допустить, что она присутствует, возможно вовлеченно или элементарно и изначально, в земле и других материальных существованиях, подобных металлу. Если мы продолжим наши исследования дальше, не взирая на то, что вскоре исчерпаем свои обычные средства исследования, то мы сможем убедиться из нашего неизменного опыта Природы, что так далеко зашедшие исследования в конце концов докажут нам, что не существует разрыва, ясной разграничительной линии между землей и металлом, сформированным в ней, или металлом и растением, и продвигая этот синтез дальше, мы увидим, что нет также пропасти между элементами и атомами, которые составляют землю или металл, и самой землей или металлом. Каждый шаг этого ранжированного существования подготавливает следующий, содержит в себе то, что появляется на следующем шаге. Жизнь повсюду, тайная или проявленная, организованная или элементарная, находящаяся в вовлеченной форме или развернутая, но все-ленская, все-проникающая, нерушимая; отличаются только ее формы и организация.

¹ Эти соображения, почерпнутые из последних научных исследований, приводятся здесь в качестве иллюстрационных, а не доказательных для природы и процесса Жизни в Материи, как они развиты здесь. Наука и метафизика (основанная либо на интеллектуальном рассуждении или, как в Индии, в конечном итоге на духовном видении вещей и духовном опыте) каждая сама по себе имеет собственную область и метод исследования. Наука не может диктовать свои выводы метафизике скольнибудь больше, чем метафизика может наложить свои выводы на Науку. Все же если мы примем разумную веру, что Бытие и природа во всех их состояниях имеют систему соответствий, выражающих общую Истину, лежащую в их основе, то допустимо предположить, что истины физической вселенной могут пролить некий свет на природу, как и на процесс Силы, активной во вселенной — не полный свет, ибо физическая Наука с необходимостью неполна в диапазоне своего исследования и не имеет ключа к оккультным движениям Силы.

Мы должны помнить, что физический отклик на раздражители — это только внешний знак жизни, как наше дыхание и способность двигаться. Если экспериментатор применил особенно сильный раздражитель и получил особенно яркий отклик, то это может считаться знаком витальности, присутствующей в объекте эксперимента. Но в течение всей жизни растение постоянно откликается на постоянную массу раздражителей окружающей среды; то есть, существует постоянно поддерживающая сила в растении, сила, которая может отвечать на приложение силы из окружающей среды. Говорят, что идея [план, намерение — idea] витальной силы в растении или ином живом организме была разрушена в этих экспериментах. Но когда мы говорим, что к растению был приложен раздражитель, то подразумеваем, что возбуждающая сила, сила в динамическом движении была направлена на тот объект, и когда мы говорим, что отклик получен, то имеем в виду, что возбуждающая сила, способная на динамическое движение и вибрацию ощущения, отвечает на воздействие. Присутствует резонирующее восприятие и отклик, как и воля расти и становиться, указывающие на сублиминальную, витально-физическую организацию сознания-силы, скрытой в форме бытия. Поэтому можно считать фактом, что подобно тому, как во вселенной присутствует постоянная динамическая энергия в движении, которая принимает различные материальные формы, более или менее тонкие, либо грубые, точно также в каждом физическом теле или объекте, растении, животном или металле присутствует наполняющая и активная та же самая постоянная динамическая сила; определенный взаимообмен этих двух сил дает нам явление, которое мы связываем с идеей жизни. Именно это действие мы распознаем в качестве действия Жизне-Энергии и то, что так само-возбуждается, есть Жизнь-Сила. Разум-Энергия, Жизнь-Энергия, материальная энергия суть различные динамики одной Мира-Силы.

Даже когда форма кажется нам мертвой, эта сила все еще существует в своей потенциальности, хотя известные операции витальности приостановлены и почти полностью прекращены. В определенных пределах то, что кажется мертвым, может выжить; привычные операции, отклик, циркулирование активной энергии может быть восстановлено; и это доказывает, что то, что мы называем жизнью, все еще остается в теле, скрыто, так сказать, не активно в обычных привычных, его обыденных физических функционированиях, его привычках нервной игры и отклика, привычках его сознательного ментального отклика в животном. Трудно предположить, что существует отчетливо различимая сущность, называемая жизнью, которая полностью уходит из тела и вновь входит в него, когда чувствует — но тогда как, если ничего не связывает его с телом? — что нечто стимулирует форму. В некоторых случаях, таких как каталепсия, мы видим, что внешние физические признаки и операции жизни временно приостановлены, но ментальность присутствует и полностью сознательна, хотя не может вызвать обычные физические отклики. Определенно, курьезно предположить, что человек физически мертв, но ментально жив или что жизнь ушла из тела, тогда как разум все еще присутствует: на самом деле только временно прервано физическое функционирование, хотя ментальное все еще активно.

Точно также, в определенных формах транса временно прерывается как физическое функционирование, так и внешнее ментальное, но затем оно возобновляется, в некоторых случаях благодаря внешним раздражителям, но чаще благодаря спонтанному возвращению и активности изнутри. На самом деле произошло то, что поверхностная разум-сила отошла в подсознательный разум и поверхностная жизне-сила отошла в подактивную жизнь и либо весь человек впал в подсознательное существование, либо он втянул свою внешнюю жизнь в подсознательное, тогда как его внутреннее существо поднялось в сверхсознательное. Но сейчас главным для нас является то, что Сила, какая бы она ни была, Сила, поддерживающая динамическую энергию жизни в теле, в действительности приостановила свои внешние операции, и все еще одушевляла организованную субстанцию. Однако наступает время, когда она больше не может восстановить прерванную деятельность; и это происходит либо когда телу причинено такое серьезное повреждение, что оно неспособно восстановить привычное функционирование, либо в отсутствии повреждения, когда начался процесс дезинтеграции, то есть, когда Сила, должная возобновить жизне-деятельность, становится полностью инертной под давлением окружающих сил, с чьей массой она по обыкновению поддерживала постоянный взаимообмен. Но даже тогда присутствует в теле Жизнь, но Жизнь, занятая только процессом дезинтеграции сформированной субстанции, так что она может оставить тело и составить из его элементов новые формы. Воля во вселенской силе, которая поддерживает форму, теперь отходит от становления и вместо этого поддерживает процесс рассеивания. Только после этого наступает настоящая смерть тела.

Следовательно, Жизнь — это динамическая игра вселенской Силы, Силы, которой всегда внутренне присуще ментальное сознание и первая витальность в некоторой форме или, по крайней мере, в своих принципах, и поэтому это сознание и эта витальность появляются и организуют себя в нашем мире в форме Материи. Жизнь-игра этой Силы проявляется как взаимообмен раздражениями и откликами на раздражители между различными формами, которые эта Сила возвела и в которых она поддерживает постоянную динамическую пульсацию; каждая форма постоянно вбирает в себя и выделяет дыхание и энергию общей Силы; каждая форма поддерживается этим и питается этим при помощи разнообразных средств, то ли опосредовано путем захвата других форм, в которых эта энергия запасена, то ли напрямую посредством впитывания динамических разря-

дов, получаемых снаружи. Все -игра Жизни; но она лучше распознается нами там, где жизнь организована таким образом, что мы можем воспринять ее более внешние и комплексные движения и особенно там, где она задействует нервный тип витальной энергии, которая принадлежит нашей собственной организации. Именно поэтому мы готовы допустить, что в растении присутствует жизнь, ибо налицо очевидные феномены жизни — и мы это сделаем еще с большей легкостью, если можно будет показать, что у растения есть признаки нервных реакций и что его витальная система не очень отличается от нашей собственной — но мы упорно не желаем распознать жизнь в металле, земле и химическом атоме, где эти разработки на уровне явлений с трудом могут быть обнаружены или явно вообще не существуют.

Есть ли какое-либо оправдание тому, чтобы поднять это различие до сущностной разницы? В чем, например, разница между нашей жизнью и жизнью растения? Мы видим, что они отличаются, во-первых, в том, что мы обладаем способностью передвижения, которая с очевидностью еще не определяет сущность жизни и, во-вторых, в том, что мы обладаем сознательными ощущениями, которые, насколько мы знаем, еще не развиты в растении. Наши первые отклики в большой степени, хотя не в их сущности, связаны с ментальным откликом сознательного ощущения; они имеют значение также для разума, как и нервной системы и тела, возбуждаемого нервной деятельностью. В растении можно распознать зачатки нервных ощущений, включая те, что в нас представляются как удовольствие и боль, бодрствование и сон, приятное возбуждение, притупленность и усталость, и тело растения внутренне возбуждается нервной деятельностью, хотя и нет знака подлинного присутствия ментально сознательного ощущения. Но ощущение — это ощущение, будь то ментально сознательное или витально чувственное, и ощущение — это форма сознания. Когда подопытное растение уклоняется от контакта, то это выглядит так, как если бы на него воздействовали через нервную систему, то есть нечто в растении не принимает этот контакт и стремится его избежать; иными словами, в растении присутствует подсознательное ощущение, точно также, как аналогичные подсознательные операции происходят в нас самих. Нет ничего невозможного в том, чтобы в человеке вызвать на поверхность эти подсознательные восприятия и ощущения долгое время спустя после того, как они произошли и перестали воздействовать на нервную систему; и все -возрастающая масса доказательств неопровержимо свидетельствует в пользу существования в нас подсознательной ментальности, гораздо более широкой, чем сознательная. Тот простой факт, что растение не имеет спящего на поверхности разума, который мог бы быть разбужен к оценке подсознательных ощущений, не играет принципиального значения, чтобы усмотреть тождество явлений. Поскольку эти явления суть одно и то же, то и та вещь, которую они проявляют, должна быть одной и той же, и эта вещь — подсознательный разум. Можно допустить, что и в металле присутствует более рудиментарное жизненное оперирование чувства-разума, хотя в металле нет телесного возбуждения, соответствующего нервному отклику; но отсутствие телесного возбуждения не играет принципиального значения для присутствия витальности в металле, точно также как и неспособность растения передвигаться принципиально не важна для присутствия витальности в растении.

Что происходит, когда сознательное становится подсознательным в теле, или подсознательное становится сознательным? Реальная разница заключается в поглощении сознательной энергии в части работы, в ее более или менее исключительной концентрации. При определенных формах концентрации то, что мы называем ментальностью, Пруджана или схватывающее сознание [apprehensive consciousness] почти или совершенно прекращает действовать сознательно, и все же работа тела, нервов и чувства-разума происходит незаметно, но постоянно и совершенно; все становится подсознательным, и только в одной деятельности или цепочке действий разум озаренно активен. Когда “я” пишу, то физический акт письма в большой степени или иногда полностью прорабатывается подсознательным разумом; тело совершает, подсознательно, как мы говорим, определенные нервные движения; разум пробужден только к мышлению, которым он занят. На самом деле весь человек может впасть в подсознание, и все же привычные движения, подразумевающие действие разума, могут продолжаться, как во многих явлениях сна; либо человек может подняться в сверхсознательное, и все же сублиминальный разум в теле остается активным, как при определенных явлениях самадхи или Йогиического трансa. Тогда, очевидно, разница между ощущением дерева и нашим ощущением заключается только в том, что в растении сознательная Сила, проявляющая себя во вселенной, все еще полностью не очнулась от сна Материи, от той поглощенности, что полностью отделяет рабочую Силу от ее источника работы в сверхсознательном знании, и поэтому прорабатывает подсознательно то, что она делает сознательно, когда всплывает в человеке из своей поглощенности и начинает пробуждаться, хотя все еще опосредовано, к своему само-знанию. Это в точности одно и те же вещи, но прорабатываемые различными способами и с различным значением в терминах сознания.

Теперь можно представить, что в самом атоме есть нечто, что становится в нас волей и желанием, ведь существует же в атоме притяжение и отталкивание, что в сущности подобно симпатии и антипатии в нас самих (хотя на уровне явлений это разные вещи); но это притяжение и отталкивание несознательно или подсознательно, как мы говорим. Эта сущность воли и желания очевидна везде в Природе, и хотя этот вопрос все еще

недостаточно рассмотрен, эти воля и желание по-настоящему связаны с выражением подсознательного или, если угодно, несознательного или глубоко сокрытого чувства и интеллекта, кои равным образом всепроникающи. Поскольку все это присутствует в каждом атоме Материи, то с необходимостью присутствует во всем, что составлено из совокупности атомов; и эти воля и желание присутствуют в атоме, поскольку они присутствуют в Силе, которая строит атом и составляет его. Эта сила есть фундаментально Чит-Тапас или Чит-Шакти Веданты, сознание-сила, внутренне присущая сознательная сила сознательного бытия, которая проявляется в качестве нервной энергии, полной сублиминального ощущения в растении, проявляется как желание-ощущение и желание-воля в первичных животных формах, как само-сознательное ощущение и сила в развивающемся животном, как ментальная воля и знание, главенствующие над всем остальным в человеке. Жизнь — это градация вселенской Энергии, в которой удался переход от несознания к сознанию; именно ее промежуточная мощь, сокрытая или погруженная в Материю, освобождается благодаря собственной силе в сублиминальном существе, и благодаря возникновению Разума окончательно отпускается в полную возможность своей динамики. Кроме всего прочего, это заключение логически вытекает из рассмотрения даже поверхностного процесса эволюции. Не вызывает никаких сомнений, что Жизнь в растении, даже если и иначе устроенная, чем в животном, — это все же та же самая мощь, отмеченная рождением, ростом и смертью, распространением при помощи семени, смертью при разрушении, расторойстве или насилию, жизнь, поддерживаемая втягиванием питательных элементов из окружающей среды, зависящая от света и тепла, жизнь, которой свойственны продуктивность и бесплодие, даже состояние сна и бодрствования, энергия и подавление жизне-динамизма, переход от младенчества к зрелости и старости; более того, растение содержит сущность силы жизни и поэтому является естественной пищей для животных. Если признать, что растение имеет нервную систему и обладает реакцией на раздражители, зачатками или скрытым течением субментальных или чисто витальных ощущений, то это тождество станет ближе; но, очевидно, что растительная жизнь — это эволюционная стадия жизни, промежуточная между животной жизнью и “неживой” Материей. Вот что мы должны ожидать, если Жизнь — это сила, развивающаяся из Материи и достигающая своей высшей точки в Разуме, и если это так, тогда нам ничего не остается, как предположить, что жизнь уже присутствует в Материи, она погружена или сокрыта в материальном бессознании или несознании. Ибо из чего же еще может она появиться? Эволюция Жизни в Материи предполагает предыдущую инволюцию туда, если мы не предположим, что она явилась новым творением, магически и необъяснимо внесенным в Материю. Если это так, то жизнь должна быть либо созданием “из ничего”, либо результатом материальных операций, которые не объяснимы чем-либо в них самих или каким-либо элементом в них, который имеет сходную природу; либо, возможно, жизнь может быть нисхождением свыше, с некоторого супрафизического плана над материальной вселенной. Первые два предположения могут быть отброшены как произвольные; последнее объяснение допустимо и вполне возможно, и с оккультной точки зрения верно то, что давление с некоторого плана Жизни, находящегося над материальной вселенной, содействовало возникновению жизни здесь. Но это не исключает появления жизни из самой Материи в качестве первичного и необходимого движения; ибо существование Жизне-мира или Жизнеплана над материальным само по себе еще не ведет к возникновению Жизни в материи до тех пор, пока Жизне-план не станет существовать в качестве формирующей стадии при спуске Бытия через несколько своих градаций или мощностей в Несознание, результатом чего является инволюция со всеми мощностями, инволюция в Материю с целью последующей эволюции и проявления. Можно ли обнаружить в материальных вещах знаки этой погруженной жизни, все еще неорганизованной или рудиментарной, или же таких знаков нет, поскольку инволюционная Жизнь находится в состоянии полного сна — это не принципиальный вопрос. Материальная Энергия, что собирает, формирует и разбирает² — это та же самая Мощь в другом своем качестве, в таком как Жизнь-Энергия, выражающая себя в рождении, развитии и смерти, точно также как проделывая работу Интеллекта в сомнамбулическом подсознании, она забывает себя как ту же самую Мощь, которая на другой ступени достигает статуса Разума; сам ее характер показывает, что она содержит в себе, хотя все еще не по части характерной организации или процесса, пока еще не освобожденные мощности Разума и Жизни.

Тогда обнаруживается, что Жизнь в сущности везде одна, начиная от атома и кончая человеком, от атома, содержащего подсознательное вещество и движение существа, которые реализуются в сознании животного, а промежуточной ступенью в эволюции является растительная жизнь. Жизнь — это в действительности вселен-

² Рождение, развитие и смерть, происходящие в жизни в их внешнем аспекте — это тот же самый процесс сборки, формирования и разборки, хотя они сильно отличаются по части внутреннего процесса и внутреннего значения. Даже воплощение в теле психического существа следует, с оккультной точки зрения, аналогичному внешнему процессу, ибо душа как ядро спускается в рождение и собирает вокруг себя элементы ментальной, витальной и физической оболочек и их содержимого, наращивает в жизни эти образования, и при оставлении тела бросает и расстыковывает снова эти составляющие, втягивая назад в себя свои внутренние мощности, пока при перевоплощении снова не повторится весь этот процесс.

ская операция Сознания-Силы, действующей подсознательно на Материю и в Материи; в своей деятельности она создает, поддерживает, разрушает и воссоздает формы или тела и пытается при помощи игры нервной-силы, то есть, потоков взаимообмена энергии раздражения, пробудить сознательное ощущение в этих телах. В этой деятельности есть три стадии; на первой вибрация все еще спит в Материи, она полностью подсознательная, так что кажется чисто механической; на второй стадии эта вибрация становится способной на отклик, все еще субментальный, но находящийся на грани того, что мы называем сознанием; на третьей стадии жизнь развивает сознательную ментальность в форме ментально воспринимаемого ощущения, которое в этом переходе становится базисом для развития чувства-разума и интеллекта. Как раз на средней стадии мы схватываем идею Жизни, как будто отличающейся от Материи и Разума, но на самом деле являющейся той же самой на всех стадиях — средним термином между Разумом и Материей, составленным из Материи и преисполненным Разумом. Жизнь — это операция Сознательной-Силы, которая не является ни простым образованием субстанции, ни операцией разума с субстанцией и формой в качестве объекта постижения; это скорее придание энергии сознательному существу, причина и поддержка образования субстанции и промежуточный источник и поддержка сознательного ментального постижения. Жизнь, вливающая энергию в сознательное существо, высвобождает (до чувственного действия и реакции) форму созидательной силы существования, которая работала подсознательно или несознательно, будучи втянутой в собственную субстанцию; она поддерживает и освобождает для деятельности постигающее сознание существования, называемое разумом, и придает ему динамические инструменты, так что он может работать не только над собственными формами, но и над формами жизни и материи; жизнь также соединяет и поддерживает, как посредник, взаимное сообщение разума и материи. Это средство сообщения, поставляемое Жизнью, выражается в постоянных потоках пульсирующей нерво-энергии, которая несет силу формы в качестве ощущения для модификации Разума и приносит назад силу Разума в качестве воли для модификации Материи. Именно эту нерво-энергию мы обычно имеем в виду, когда говорим о Жизни; это Прана или Жизне-сила в рамках Индийской системы. Но нервоэнергия — это только форма, которую она принимает в животном существе; та же самая Праническая энергия присутствует во всех формах вплоть до атома, поскольку везде она остается той же в своей сущности и везде это вся та же операция Сознательной-Силы — Силы, поддерживающей и модифицирующей субстанциональное существование собственных форм, Силы с чувством и разумом, тайно активными, но сначала вовлеченными в форму и подготавливающимися к проявлению, а затем проявляющимися. В этом целостное значение вездесущей Жизни, которая проявлена в материальной вселенной и населяет ее.

СМЕРТЬ, ЖЕЛАНИЕ И НЕСПОСОБНОСТЬ

В начале все было покрыто Голодом, что есть Смерть; то создало для себя Разум, с тем чтобы оно смогло достичь обладания собой.

Брихадараньяка Упанишад (I.2.1.)

Эта Мощь, открытая смертным, имеет мно- жественность желаний, так что она может поддерживать все вещи; она принимает вкус всей пищи и строит дом для бытия.

Риг Веда (V.7.6.)

В последней главе мы рассматривали Жизнь с точки зрения материального существования и возникновения и работы витального принципа в Материи, и мы исходили из данных, которые предлагает это эволюционно земное существование. Очевидно, что где бы он ни мог появиться и как бы он ни мог работать, при каких бы то ни было условиях, но общий принцип везде должен быть одним и тем же. Жизнь — это вселенская Сила, работающая так, чтобы создавать, энергетизировать, поддерживать и видоизменять, даже вплоть до растворения и воссоздания, существенных форм со взаимной игрой и взаимообменом, открытым или тайным, сознательной энергии в качестве фундаментального характера. В материальном мире, который мы населяем, Разум вовлечен в Жизнь и подсознателен в ней, в точности так же, как и Сверхразум вовлечен в Разум и подсознателен в нем, и этот инстинкт Жизни с вовлеченным подсознательным Разумом снова сам вовлечен в Материю. Поэтому Материя является здесь базисом и кажущимся началом; на языке Упанишад, Присхиви [Prithivi], Земной-принцип, является нашим основанием. Материальная вселенная стартует с номинального атома [formal atom], нагруженного энергией, преисполненного веществом подсознательного желания, воли, интеллекта. Из этой Материи проявляется видимая Жизнь, и она выпускает из себя посредством живущего тела Разум, который она содержит заключенным в себе; Разум также все еще должен выпустить из себя Сверхразум, заключенный в его работах. Но мы можем представить мир иначе устроенный, мир, в котором Разум не вовлечен в самом начале, а сознательно использует присущую ему энергию для создания первозданных форм субстанции, и не является, как здесь, только подсознательным в самом начале. Даже если работа такого мира будет совершенно отлична от нашего, но промежуточным звеном оперирования той энергии всегда будет Жизнь. Вещи сами по себе будут теми же самыми, даже если процесс полностью обращен.

Но тогда немедленно следует, что подобно тому, как Разум является только конечным оперированием Сверхразума, так и Жизнь является только конечным оперированием Сознания-Силы, по отношению к которой Реальность-Идея предстает определяющей формой и созидательным агентом. Сознание, что есть Сила, является природой Бытия, и это сознательное Бытие, проявленное как созидательное Знание-Воля, является Реальностью-Идеей или Сверхразумом. Супраментальная Знание-Воля есть Сознание-Сила, представленная оперирующей для создания форм объединенного бытия в упорядоченной гармонии, которую мы называем миром или вселенной; точно также Разум и Жизнь — это то же самое Сознание-Сила, то же самое Знание-Воля, но оперирующая для поддержания отчетливо индивидуальных форм в некоторого рода разграничении, противопоставлении и взаимообмене, в которых душа в каждой форме бытия вырабатывает свои собственные разум и жизнь, как если бы они были отделены от других, хотя на самом деле они никогда не разделяются, а являются игрой одной Души, Разума, Жизни в различных формах единственной реальности. Другими словами, подобно тому, как Разум является конечным индивидуализирующим действием все-охватывающего и все-проникающего Сверхразума, процессом, благодаря которому его сознание работает индивидуализированным в каждой форме с точки зрения, соответствующей ей, и с космическими связями, которые происходят из той точки, также и Жизнь является конечным действием, благодаря которому Сила Сознательного-Бытия, действующая через все-обладающую и все-созидательную Волю вселенского Сверхразума, поддерживает и энергетизирует, составляет и восстанавливает индивидуальные формы и действует в них как базис всех активностей души, так воплощенной. Жизнь — это энергия Божественного, непрерывно вырабатывающая себя в формах, как динамо, но не только играя исходящими намерениями толчков, накладываемыми на окружающие формы вещей, а сама получая встряску со стороны всей окружающей жизни, по мере того как эта встряска содрогает и пронизывает форму снаружи, со стороны окружающей вселенной.

С этой точки зрения Жизнь возникает как промежуточная форма энергии сознания, соответствующая действию Разума в Материи; в некотором смысле можно сказать, что она предстает энергетическим аспектом Разума, когда тот творит и связывает себя больше не с идеями, а движениями силы и формами субстанции. Но следует немедленно добавить, что точно также как Разум не является отдельной сущностью, а за ним стоит

весь Сверхразум, и именно Сверхразум творит с Разумом только в качестве своего индивидуализированного действия, также и Жизнь не является отдельной сущностью или движением, а за ней стоит Сознательная-Сила в каждой ее работе, и именно единственно Сознательная-Сила существует и действует в созданных вещах. Жизнь — это только конечное действие, промежуточное между Разумом и Телом. Поэтому все то, что мы говорим о Жизни, должно быть подчинено квалификации, возникающей из этой зависимости. В действительности мы не знаем Жизнь, будь то в ее природе или ее процессе до тех пор, пока мы не осознаем и не вырастим сознательными до работы той Сознательной-Силы в ней, по отношению к которой жизнь предстает только внешним аспектом и инструментом. Только тогда можем мы воспринять и исполнить волю Бога в Жизни, и сделать это со знанием, как индивидуальные душе-формы и ментальные и телесные инструменты Божественного; только тогда Жизнь и Разум следуют путями и движениями всегда-возрастающей прямоты истины в нас и вещах, путем постоянного уменьшения искривленных искажений Неведения. Точно также, как Разум должен сознательно объединиться со Сверхразумом, от которого он отделен действием Авидья, так и Жизнь должна осознать Сознательную-Силу, которая оперирует в ней, осознать то значение, которое для жизни в нас остается подсознательным (поскольку жизнь поглощена в нас самим своим процессом, как наш разум втянут в простой процесс ментализированной жизни и материи), подсознательным в ее затемненном действии, так что она служит им слепо и невежественно и не освещено или с само-исполняющимся знанием, мощью и блаженством, как она должна и будет делать в освобождении и исполнении.

В действительности, наша Жизнь, поскольку она обслуживает темные и разделяющие действия Разума, сама затемнена и разделена и претерпевает все то подчинение смерти, ограничению, слабости, страданию, невежественному функционированию, чему ограниченный созидательный-Разум является прародителем и причиной. Первозданным источником этого искажения было, как мы видели, само-ограничение индивидуальной души, ограниченной само-неведением, поскольку она считает себя из-за исключительной концентрации отдельной само-существующей индивидуальностью и рассматривает все космическое действие только так, как она представляет себя своему собственному индивидуальному сознанию, знанию, воле, силе, наслаждению и ограниченному бытию вместо видения себя в качестве сознательной формы Одного и вместо охватывания всего сознания, всего знания, всей воли, всей силы, всего наслаждения и всего бытия в качестве одного с самой собой. Вселенская жизнь в нас, подчиняясь этому направлению души, заключенной в разуме, сама становится заключенной в индивидуальном действии. Она существует и действует как отдельная жизнь с ограниченной недостаточной способностью, испытывающая удары и давление всей окружающей космической жизни и не охватывающая свободно все это. Брошенная в постоянный космический взаимообмен вселенской Силы в качестве бедного, ограниченного, индивидуального существования, Жизнь поначалу беспомощно страдает и подчиняется громадной внутренней игре, обладая только механической реакцией на все, что атакует, поглощает, наслаждается ею, использует ее, управляет ею. Но по мере развития сознания, по мере проглядывания света из внутренней темноты инволюционного сна индивидуальное существование начинает смутно осознавать мощь, заключенную в нем, и стремится поначалу нервно, а затем ментально господствовать над той игрой, использовать ее и наслаждаться ею. Это пробуждение к Мощи суть постепенное пробуждение к себе. Ибо Жизнь есть Сила, Сила есть Мощь, Мощь есть Воля и Воля — работа Мастера-Сознания. Жизнь в индивиде все более и более осознает в своих глубинах, что она также является Волей-Силой Сатчитананды — мастера вселенной, и она также устремляется к тому, чтобы быть господином своего собственного мира. Реализация собственной мощи, господство над миром, как и его знание, предстает поэтому возрастающим импульсом индивидуальной жизни; этот импульс — сущностная черта растущего само-проявления Божественного в космическом существовании.

Но хотя Жизнь есть Мощь, и рост индивидуальной жизни означает рост индивидуальной Мощи, все же простой факт наличия раздельной индивидуальной жизни и силы препятствует тому, чтобы Жизнь стала подлинным господином своего мира. Ибо это означало бы господство над Все-Силой, и разделенному индивидуализированному сознанию с отделенной, индивидуализированной и потому ограниченной мощью невозможно быть господином Все-Силы; на это способна только Все-Воля, а индивид — только в том случае (если это вообще возможно), когда он станет снова одним со все-Волей, а поэтому и со Все-Силой. В противном случае индивидуальная жизнь в индивидуальной форме должна всегда подчиняться трем знакам ограничения: Смерти, Желанию и Неспособности.

Смерть накладывается на индивидуальную жизнь как благодаря условиям ее собственного существования, так и благодаря связям со Все-Силой, которая проявляется во вселенной. Ибо индивидуальная жизнь — это особая игра энергии, специализирующейся на создании, поддержании, подпитке энергией и в конечном итоге на разложении одной из мириад форм, которые служат, каждая на своем месте, в свое время и в своих границах, целостной игре вселенной. Энергия жизни в теле должна сносить энергетические атаки, внешние по отношению к ней; она должна втягивать их, питаться за счет них и быть самой непрерывно поглощаемой ими. Согласно Упанишадам, вся Материя — эта пища, и формулой материального мира является: “пожирающий едок

сам поедается”. Жизнь, организованная в теле, постоянно подвергается возможности разрушения из-за атак, приходящих извне, и если ее прожорливость недостаточна или не надлежащим образом удовлетворяется, либо нет нужного баланса между прожорливостью и поставками пищи снаружи, то тогда она неспособна защитить себя и поглощается, либо неспособна восстановить себя и поэтому чахнет или ломается; жизнь должна пройти через смерть, чтобы возродиться или построить что-то новое.

Но не только так, а опять же говоря языком Упанишад, жизне-сила — это пища тела и тела — это пища жизне-силы; другими словами, жизне-энергия в нас как поставляет материал, благодаря которому форма строится, постоянно поддерживается и возобновляется, так в то же время постоянно расходует свою субстанциональную форму, которую она так создает и удерживает в существовании. Если баланс между этими двумя операциями несовершенен или нарушен, либо если упорядоченная игра различных токов жизне-силы выводится из зацепления, тогда наступает поражение и начинается распад, завершающийся процессом дезинтеграции. А сама борьба за сознательное мастерство и даже за рост разума вызывает дополнительные трудности в поддержании жизни. Ибо увеличивается потребность в жизне-энергии для создания формы; эта потребность избыточна по отношению к тем поставкам, которые обеспечивает первоначальная система, поэтому она нарушает первоначальный баланс поставки и потребности, и прежде чем устанавливается новый баланс, происходят многие расстройства, враждебные по отношению к гармонии и длительности поддержания жизни; в дополнении ко всему, это творчество всегда порождает соответствующие реакции в окружающей среде, избыливающей силами, которые в свою очередь жаждут исполнения и потому не терпят того существования, которое стремится преобразовать их, восстает против него и атакует его. Это также нарушает баланс и приводит к более напряженной борьбе; какой бы сильной не была эта преобразующая жизнь, но она не может вечно оказывать сопротивление (если, конечно, она неограничена, либо ей удается установить новую гармонию с окружающей средой), и рано или поздно она истощится и будет расщеплена.

Однако, помимо этой необходимости, существует еще одна фундаментальная необходимость природы и цели воплощенной жизни, которая должна искать бесконечный опыт на конечной основе, и поскольку форма, базис самой своей организацией ограничивает возможность переживаний, то эта цель может быть достигнута только путем разложения существующей формы и поиска новой. Ибо душа, однажды ограничивая себя концентрацией в данном моменте и на данном поле, принуждается снова искать свою бесконечность при помощи принципа последовательности, добавляя момент к моменту и таким путем накапливая переживания во Времени, которые она называет своим прошлым; в то Время она движется через последовательные поля, последовательные переживания или жизни, последовательно накапливает знание, способности, наслаждение, и все это она держит в подсознательной или сверхсознательной памяти в качестве своего капитала, приобретенного в прошлом. Для этого процесса сущностным является изменение формы, и для души, вовлеченной в индивидуальное тело, изменение формы означает разложение тела в подчинении закону и под принуждением Все-жизни в материальной вселенной, в подчинении закону поставки материала форм и требования материала, в подчинении принципу постоянных внутренних встрясок и борьбы воплощенной жизни, борьбы за существование в мире взаимного пожирания. И это закон Смерти.

Следовательно, в этом заключается необходимость и оправдание Смерти, не как отрицания Жизни, а как процесса Жизни; смерть необходима, поскольку вечная смена формы — это единственное бессмертие, к которому может устремиться конечная живущая субстанция, и вечная смена опыта — это единственная бесконечность, которой может достичь конечный разум, заключенный в живущее тело. Эта смена формы не может быть простым возобновлением того же типа формы, который составляет нашу телесную жизнь между рождением и смертью; ибо пока не меняется тип формы, пока ищущий новых переживаний разум не помещается в новые формы в новых обстоятельствах времени, места и окружения, не может свершиться необходимая вариация переживаний, которая требуется самой природой существования во Времени и Пространстве. И только из-за процесса Смерти — разложения и поглощения жизни Жизнью, только из-за отсутствия свободы, из-за принуждения, борьбы, боли, подчинения чему-то, что кажется “Не-Я”, это необходимое и полезное изменение кажется нашей смертной ментальности ужасным и нежелательным. Только ощущение поглощения, слома, разрушения или насильного смещения является жалом Смерти, которое не может полностью превзойти даже вера в личностное выживание после смерти.

Но этот процесс необходим для того взаимного поглощения, которое предстает начальным законом Жизни в Материи. Жизнь, говорят Упанишады, есть Голод, что есть Смерть, и благодаря этому Голоду-Смерти, асаньямртюх, был создан материальный мир. Ибо Жизнь предполагает в качестве своей оболочки материальную субстанцию, и материальная субстанция есть Бытие, бесконечно поделенное и бесконечно ищущее того, чтобы собрать себя снова; материальное существование вселенной построено между этими двумя импульсами бесконечного деления и бесконечной сборки. Попытка индивида, живущего атома, поддерживать и собирать себя является целостным ощущением Желания; физический, витальный, моральный, ментальный прирост при помощи все более и более все-охватывающего опыта, более и более все-охватывающего обладания, впи-

тывания, усвоения, наслаждения — это суть неизбежный, фундаментальный, неискоренимый импульс Существования, когда-то поделенного и индивидуализированного и все же всегда скрыто осознающего свою всеохватывающую, все-обладающую бесконечность. Импульс к реализации этого сокрытого сознания есть побуждение космического Божественного, страсть воплощенного “Я” внутри каждого индивидуального создания; и неизбежно, полезно то, что оно должно искать этой реализации сначала в терминах жизни путем роста и расширения. В физическом мире это может быть сделано только путем возвеличивания себя через поглощение других или того, чем обладают другие; и эта необходимость — вселенское оправдание Голода во всех его формах. Однако то, что поглощает, также должно быть поглощено; ибо всей жизнью в физическом мире управляет закон взаимообмена, действия и реакции, ограниченной способности и потому конечного истощения и гибели.

То, что было еще только витальным голодом, в сознательном разуме трансформируется в высшие формы; голод витальных частей становится страстным Желанием ментализированной жизни, напряжением Воли интеллектуальной или думающей жизни. Это движение желания должно и обязано продолжаться до тех пор, пока индивид достаточно не подрастет до того, как сможет наконец стать господином себя и благодаря возрастанию единства с Бесконечным завладеть этой вселенной. Желание — это рычаг, посредством которого божественный Жизне-принцип осуществляет свою цель само-утверждения во вселенной, и попытка его уничтожить в интересах инерции — суть отрицание божественного Жизне-принципа, Воли-не-быть, что необходимо есть неведение; ибо нельзя перестать быть индивидуальным, кроме как став бесконечным. Желание также может прекратиться только став желанием бесконечного и удовлетворяясь небесным исполнением и бесконечным удовлетворением во все-обладающем блаженстве Бесконечного. Тем не менее, оно должно перейти от типа взаимно поглощающего голода к типу взаимной отдачи, возрастающе радостной жертве взаимообмена; -индивид отдает себя другим индивидам и получает их взамен; низшее отдается высшему, а высшее — низшему, так что они могли бы исполниться друг в друге; человек отдается Божественному, а Божественное — человеческому; Все в индивиде отдается Всему во вселенной и получает свою реализованную универсальность в качестве божественного вознаграждения. Поэтому закон Голода должен постепенно уступить место закону Любви, закон Деления — закону Единения, закон Смерти — закону Бессмертия. В этом необходимость, в этом оправдание, в этом кульминация и само-исполнение Желания, работающего во вселенной.

Как маска Смерти, подразумевающая Жизнь, следует из движения конечного поиска с целью утверждения бессмертия, так же и Желание — суть импульс Силы Бытия, индивидуализированной в Жизни с целью постепенного утверждения в терминах последовательности во Времени и само-расширения в Пространстве, в конструкции конечного своего бесконечного Блаженства, Ананды Сатчитананды. Маска Желания, которая предполагает тот импульс, непосредственно приходит из третьего явления Жизни, закона неспособности. Жизнь — это бесконечная Сила, работающая в терминах конечного; неизбежно, по всему явному индивидуализированному действию в конечном должно проявиться ее всемогущество и действовать как ограниченная способность и частичная немощь, хотя за каждым действием индивида, сколь угодно слабым, тщетным, сбивчивым должно стоять целостное сверхсознательное и подсознательное присутствие бесконечной всемогущей Силы; без того присутствия “позади” не может произойти ни малейшего движения в космосе; каждый единичный акт и движение подпадают под этот указ всеильного всемогущества, что работает как Сверхразум, внутренне присущий вещам. Но для своего собственного сознания индивидуализированная жизне-сила является ограниченной и полной неспособностей; ибо она должна работать не только против массы других окружающих индивидуализированных жизне-сил, но и также подчиняться контролю и отрицанию самой бесконечной Жизнью, с чьей тотальной волей и направленностью может немедленно не соглашаться собственная воля и направленность. Поэтому ограничение силы, явление неспособности — третья характеристика индивидуализированной поделенной Жизни. С другой стороны, остается импульс само-расширения и все-обладания, и это ни в коей мере не означает, что он как-то соотносится или ограничивается пределом теперешней силы или способности. Следовательно, желание возникает из-за пропасти между импульсом к обладанию и силой обладания; ибо если бы не было такого разрыва, если бы сила всегда могла обладать своим объектом, всегда верно достигать своей цели, желание не пришло бы в существование, а установилась бы только способная и все-обладающая Воля без той страстной жажды, такая как Воля Божественного.

Если индивидуальная сила была бы энергией разума, свободного от неведения, то не было бы такого ограничения, не существовало бы необходимости вмешательства желания. Ибо разум, не отделенный от Сверхразума, разум божественного знания знал бы намерение, границы возможностей и неизбежный результат каждого своего акта и не жаждал бы или боролся, а выдвигал бы вперед надлежащую само-ограниченную силу для приложения ее к объекту в поле видения. Он не был бы подчинен желанию и ограничению даже в поиске, уводящем за границы настоящего, даже в предпринятии таких движений, достижение цели которых не предполагается немедленным. Ибо эта несостоятельность Божественна, она — суть акт всеильного всемогущества, знающего время и место зарождения, перемен, знающего непосредственный и конечный результаты всех кос-

мических предприятий. Разум знания, будучи в согласии с божественным Сверхразумом, будет разделять это всемогущество и эту всю-определяющую мощь. Но, как мы видели, индивидуализированная жизне-сила здесь является энергией индивидуализирующего невежественного Разума, Разума, который выпал из знания собственного Сверхразума. Поэтому неспособность необходима для его связей в Жизни, и она неизбежна в природе вещей; ибо практическое всемогущество невежественной силы немыслимо даже в ограниченной сфере, поскольку в этой сфере такая сила будет противопоставлять себя работе божественного и всеильного всемогущества и будет подрывать заданную цель вещей — такая космическая ситуация невозможна. Поэтому первым законом Жизни является борьба ограниченных сил, увеличивающих свою способность в ходе этой борьбы под движущим побуждением инстинктивного или сознательного желания. Как с желанием, так и с этой борьбой; они должны подняться до взаимно полезной пробы силы, сознательной борьбы братских сил, в которой победитель и побежденный или, более того, тот, кто влияет действием сверху и тот, кто влияет противодействием снизу, должны равным образом приобрести и вырасти. И в конечном счете это должно вылиться в счастливое сотрясение божественного взаимобмена, в энергичные объятия Любви, замещающее конвульсивный зажим борьбы. Все же борьба — это необходимое и полезное начало. Смерть, Желание и Борьба суть троица разделенного жития, тройная маска божественного Жизне-принципа в его первой попытке космического само-утверждения.

Глава XXI

ВОСХОЖДЕНИЕ ЖИЗНИ

Пусть Мир идет к божеству, к Водам при помощи работы Разума ... (Риг Веда, X.30.1) О, Пламя, ты поднимаешься к океану Небес, к богам; ты подготавливаешь встречу божеств, вод царства света над солнцем и вод, что ждут внизу.

Риг Веда, III.22.3.).

Господь Восторга подчинил третий статус; он поддерживает и управляет согласно Душе универсальности; подобно соколу он усаживается на брэнное существо и поднимает его, перстом Света он проявляет четвертый статус и пробивается к океану, что вздымает те воды.

(Риг Веда, IX.96.18,19.).

Вишну шагает и отряхивает со своих подошв первичную пыль; три шага он сделал, Опекун, Непобедимый, и сверху он поддерживает их закон. Посмотри на работу Вишну и разгляди, как он проявил их законы. Вот его высочайший шаг, когда-либо видимый провидцами подобно оку, распростертому в небесах; это озаренное, вспыхнувшее пламя, ровный верховный шаг Вишну

(Риг Веда, I.22. 17-21.).

Мы видели, что подобно тому, как отделенный смертный Разум, прародитель ограничения, неведения и двойственностей, является только темным образом Сверхразума, само-светящегося божественного Сознания при его первом обладании с кажущимся отрицанием себя, с чего начинается наш космос, также и Жизнь, как она появляется в нашей материальной вселенной, энергия делящего Разума, подсознательная, погруженная в Материю, заключенная в ней энергия, Жизнь как прародительница смерти, голода и неспособности, является только темным образом божественной сверхсознательной Силы, чьи высочайшие термины — бессмертие, удовлетворенный восторг и всемогущество. Эта связь задает природу того грандиозного космического процесса, частью которого мы являемся; она определяет первый, средний и конечный пункты нашей эволюции. Отправная точка Жизни — это разделение, подсознательная воля, приводимая в действие силой, воля, видимая не волей, а тупым побуждением физической энергии, а также это слабость, приводящая к инертному подчинению механическим силам, что управляют обменом между формой и окружением. Это бессознание и это слепое, но могучее действие Энергии — тот тип материальной вселенной, который видится ученым-физикам, и этот свой взгляд на вещи они пытаются распространить на все базисное существование; на самом деле здесь присутствует сознание Материи и сопровождающий его тип материальной жизни. Но затем это равновесие сдвигается: вмешивается новый ряд элементов, возрастающий по мере того, как Жизнь освобождает себя из старой формы и начинает эволюционировать к сознательному Разуму; ибо средние термины Жизни — это смерть и взаимное поглощение, голод и сознательное желание, ощущение ограниченных возможностей и способностей и борьба за увеличение, расширение, завоевание и обладание. Эти три термина — основа того статуса эволюции, который был выявлен теорией Дарвина. Ибо явление смерти подразумевает борьбу за существование, поскольку смерть — это только негативный термин, в котором Жизнь скрывает себя и испускает собственное позитивное бытие на поиски бессмертия. Явление голода и желания подразумевает борьбу за удовлетворение и обеспечение, поскольку желание — это только стимул, посредством которого Жизнь искушает свое позитивное бытие подняться над отрицанием голода к полному обладанию восторгом существования. Явление ограниченной способности подразумевает борьбу за расширение, господство и обладание, обладание собой и завоевание окружения, поскольку ограничение и дефект — это только отрицание, посредством которых Жизнь подвигает собственное позитивное бытие искать совершенства, всегда существующего в потенциальности. Борьба за жизнь — это не только борьба за выживание, это также борьба за обладание и совершенство, поскольку только путем колонизации окружающей среды в той или иной степени, то ли при помощи само-адаптации к ней, то ли заставив ее адаптироваться к себе, либо путем принятия и примирения или путем завоевания и изменения, может быть гарантировано выживание, и равным образом верно то, что только все большее и большее совершенство может обеспечить непрерывное постоянство, длительное выживание. Именно эту истину выражает Дарвинизм в формуле выживания наиболее приспособленного.

Но подобно тому, как разум ученого пытается расширить на Жизнь механический принцип, соответствующий существованию сокрытого механического сознания в Материи, не видя, что вышел на арену новый прин-

цип, сам смысл существования которого — подчинить себе механический, точно также формула Дарвина была использована для того, чтобы слишком далеко расширить агрессивный принцип Жизни, витальную эгоистичность индивида, инстинкт и процесс само-сохранения, само-утверждения и агрессивной жизни. Ибо эти два первые состояния Жизни содержат в себе семена нового принципа и другого состояния, которое должно возрасти по мере того, как Разум эволюционирует из материи через витальную формулу, и все это должно измениться еще в большей степени, когда Разум развивается вверх к сверхразуму и Духу. Именно потому что борьба за выживание, импульс к сохранению вступает в противоречие с законом смерти, индивидуальная жизнь подвигается к тому, чтобы обеспечить в первую очередь постоянство вида, а уж потом защитить себя; но это невозможно сделать без сотрудничества с другими; и принцип сотрудничества и взаимопомощи, потребность в других, в жене, в ребенке, друге и помощнике, партнерство, практика ассоциаций, сознательного объединения и обмена — суть семена, из которых распускается принцип любви. Допустим, что поначалу любовь может быть только расширенным принципом эго, и этот аспект расширенного эго может сохраняться и преобладать даже на высоких стадиях эволюции: но все же по мере развития разума, по мере того как он все более обретает себя, накапливая опыт жизни, любви и взаимопомощи, разум начинает понимать, что природный индивид — это только второстепенная часть бытия, существующая благодаря вселенскому. Как только это открыто, открыто человеком — ментальным существом, его судьба предопределена; ибо он достиг точки, в которой Разум может начать открываться к той истине, что есть нечто за его пределами; с этого момента неизбежно предопределяется его эволюция, хотя бы и темная и медленная, к чему-то высочайшему, к Духу, к Сверхразуму, к Сверхчеловечеству.

Поэтому собственная природа Жизни предопределяет ее третий статус, третий ряд терминов ее само-выражения. Если мы исследуем восхождение Жизни, то увидим, что последние термины современной эволюции, термины того, что мы назвали третьим статусом, обязательно должны казаться противоречащими первому статусу, но на самом деле предстают самим исполнением и преображением первых условий. Жизнь начинается с крайних разделений и жестких форм Материи, и самым типом этого жесткого разделения является атом — базис всякой материальной формы. Атом отстоит поодаль от всех остальных атомов, даже в объединении с ними, отвергает смерть и растворение любыми обычными силами и является физическим типом отдельного эго, защищающего свое существование от принципа смешения в природе. Но единство — не менее сильный принцип природы, чем разделение; на самом деле единство — господствующий принцип, которому подчиняется принцип разделения, и поэтому каждая отдельная форма должна подчиняться тем или иным образом принципу единства: через механическую необходимость, под принуждением, через согласие или благодаря стимулу. Поэтому, если Природа в своих целях, чтобы иметь прочную основу для своих комбинаций и фиксированное семя форм, позволяет атому обычно сопротивляться процессу слияния путем разложения, то она побуждает атом служить процессу слияния путем их скопления; атом, сам являющийся первым агрегатом, также составляет первый базис для собираемых объединений.

Когда Жизнь достигает своего второго статуса, того, что мы называем витальностью, лидерство переходит к противоположному явлению, и физический базис витального эго вынужден соглашаться на разложение. Его составляющие разбиваются, так что элементы одной жизни могут быть использованы при образовании других жизней. Насколько этот закон царит в Природе — это еще полностью не понято и на самом деле не может быть понято до тех пор, пока наша наука ментальной жизни и духовного существования не станет такой же надежной, как и теперешняя наука физической жизни и существования Материи. Все же широкий взгляд на вещи показывает, что не только элементы нашего физического тела, но и элементы нашего тонкого витального существа, наша жизне-энергия, наше желание-энергия, наши силы, старания, страсти входят как в течение нашей жизни, так и после нашей смерти в жизне-существования других. Древние оккультные знания говорят нам о том, что мы имеем витальную оболочку, как и физическую, и эта витальная оболочка также растворяется после смерти и предоставляет себя на построение других витальных тел, наша жизненная энергия, пока мы живем, непрерывно смешивается с энергией других существ. Аналогичный закон управляет взаимными связями нашей ментальной жизни с ментальной жизнью других думающих созданий. Существует постоянное растворение, рассеивание и восстановление, вызванные столкновением разума с разумом при постоянном взаимодействии и слиянии элементов. Взаимообмен, смешение и слияние существа с существом — сам принцип жизни, закон существования.

Следовательно, мы имеем два принципа Жизни: необходимость или воля отдельного эго выжить в его раздельности и обеспечить его индивидуальность, и принуждение, накладываемое Природой -слияние с другими. В физическом мире Природа придает больший напор предыдущему импульсу; ибо ей нужно создать стабильные отдельные формы, поскольку ее первая и по-настоящему трудная задача — создавать и поддерживать такую вещь, как отдельное выживание индивидуальности, а также стабильную форму этой индивидуальности в непрерывающемся потоке и движении Энергии и в единстве бесконечного. Поэтому в жизни атомов индивидуальная форма продолжает существовать в качестве базиса и обеспечивает путем скопления более

или менее длительное существование сгруппированных форм, которые станут базисом витальной и ментальной индивидуализаций. Но как только Природа обеспечила достаточную прочность в этом отношении для безопасного проведения своих последующих операций, она обращает процесс; индивидуальная форма гибнет, и совокупная жизнь извлекает выгоду из элементов растворенной формы. Однако, это не может быть конечной стадией; она может быть достигнута лишь тогда, когда эти два принципа гармонизируются, когда индивид будет способен, оставаясь в сознании своей индивидуальности, слить себя с другими без нарушения предохраняющего равновесия и прекращения выживания.

Такая постановка задачи подразумевает полное возникновение Разума; ибо без сознательного разума в витальности не может быть никакого равенства, а только временное неустойчивое равновесие, заканчивающееся смертью тела, растворением индивида и рассеиванием его элементов во вселенском. Природа физической Жизни не позволяет индивидуальной форме обладать той же внутренней мощью сохранения индивидуального существования, какой обладают атомы, из которых она состоит. Только ментальное существо, подерживаемое внутри психическим узлом [psychic nodus], который выражает или назначен выражать тайную душу, может надеяться на то, чтобы продолжать существовать благодаря своей мощи связывания прошлого с будущим в потоке непрерывности, который может быть нарушен с разрушением физической памяти, но не обязательно должен разрушаться в самом ментальном существе и может даже в ходе обычного развития быть перекинут через провал в физической памяти, созданный смертью и рождением тела. Даже в том, как есть, даже при теперешнем несовершенном развитии воплощенного разума, ментальное существо осознает массу прошлых и будущих расширений за границы жизни тела; оно начинает осознавать индивидуальное прошлое, индивидуальные жизни, которые его создали и по отношению к которым оно предстоит развитием и улучшенным воспроизводством, а также начинает оно осознавать будущие индивидуальные жизни, вырабатываемые им; оно также осознает прошлую и будущую совокупную жизнь, через которые тянется его собственная непрерывность как одно из волокон ткани жизни. То, что доказано физической Наукой как наследственность, также становится известным развивающейся душе (за ментальным существом) на языке сохраняющейся персональности. Поэтому ментальное существо, выражающее эту душу-сознание, является узлом сохраняющейся индивидуальности и сохраняющейся совокупной жизни; в нем становится возможным объединение и гармония.

Соединение с любовью в качестве тайного принципа и всплывающего верха — суть тип, мощь этой новой связи и, как следствие, управляющий принцип перерастания в третий статус жизни. Сознательное сохранение индивидуальности вкпе с сознательно принятой необходимостью и желанием взаимообмена, само-отдачи и смешения с другими индивидами — все это необходимо для работы принципа любви; ибо иначе работа любви прекращается, и ее место может занять что угодно. Исполнение любви благодаря само-умолению, даже с иллюзией само-уничтожения — реальная идея и импульс ментального существа, но эта идея указывает на развитие за пределы этого третьего статуса Жизни. Третий статус — это условие, к которому мы постепенно растем за границы борьбы за выживание при взаимном поглощении и за границы выживания наиболее приспособленного в той борьбе; ибо выживания можно достичь гораздо более эффективно при взаимопомощи и само-совершенствовании благодаря взаимной адаптации, взаимообмену и слиянию. Жизнь — это само-утверждение существа, даже развитие и выживание эго, но существа, имеющего потребность в других существах, эго, стремящегося встретить и включить другие эго и быть включенным в их жизнь. Индивиды и их сообщества, наиболее развивающие закон соединения и закон любви, взаимопомощи, доброты, привязанности, братства, единства, наиболее успешно гармонизирующие выживание и взаимоотдачу, сообщества, способствующие росту индивида и индивиды — росту сообщества, также как и индивиды, способствующие росту индивидов и сообщества, способствующие росту сообществ благодаря взаимообмену — наиболее приспособленные для выживания в этом тройном статусе эволюции.

В этом развитии существенно возрастающее преобладание Разума¹, который постепенно все более и более накладывает свой закон на материальное существование. Ибо разум в силу большей тонкости не нуждается в поглощении для того, чтобы усваивать, обладать и расти; более того, чем больше он дает, тем больше получает и больше растет; и чем более он сливается с остальными, тем в большей степени он включает других в себя и тем самым расширяет диапазон своего бытия. Физическая жизнь истощается при слишком большой отдаче и разрушается при слишком большом поглощении; но хотя Разум в той пропорции, в которой опирается на закон Материи, подвигается тому же ограничению, все же с другой стороны, в той пропорции, в которой вырастает в собственный закон, он стремится преодолеть это ограничение, и по мере того, как он преодолевает

¹ Здесь говорится о разуме, непосредственно воздействующем на жизнь, действующем в витальном существе, через сердце. Любовь — относительный принцип, не абсолютный — принцип жизни, а не разума, но он может достичь полного самообладания и двигаться к постоянству только тогда, когда поднят разумом до собственного света. То, что называется любовью тела и витальных частей — по большей части форма голода без постоянства.

это материальное ограничение, отдача и поглощение становятся одним. Ибо в подъеме наверх он растет к закону сознательного единства в разнице, что есть закон проявления Сатчитананды.

Второй термин первозданного статуса жизни — подсознательная воля, которая во втором статусе становится голодом и сознательным желанием — голод и желание, первые семена сознательного разума. Вростание в третий статус жизни при помощи принципа соединения, роста любви, не отменяет закон желания, а более того, трансформирует и исполняет его. Любовь по своей природе — это желание отдать себя другим и получить других взамен; это некоторого рода коммерция между существами. Физическая жизнь не хочет отдать себя, она хочет только получать. Верно, что она принуждается к самоотдаче, ибо жизнь, только получающая и не дающая, должна стать бесплодной, сохнувшей и гибнущей — если на самом деле такая жизнь вообще возможна здесь или в каком-либо другом мире; но жизнь принуждается, не желая этого, в большей степени подчиняться подсознательному импульсу Природы, чем разделять его. Даже когда вмешивается любовь, поначалу самоотдача все еще сохраняет в большой степени механический характер подсознательной воли атома. Сначала сама любовь подчиняется закону голода и наслаждается в большей степени при получении и вымогательстве с других, чем при отдаче и сдаче другим, что она допускает главным образом как необходимую плату за вещи, которые она хочет получить. Но этим еще не достигается ее истинная природа; ее истинный закон — установить равноправное сообщение, при котором радость отдачи равна радости получения и стремится в конечном итоге стать даже большей; но это происходит тогда, когда под давлением психического пламени она выбрасывается за свои границы с целью исполнения крайнего единства и должна поэтому постигать то, что кажется ей “не-я”, постичь это в качестве даже большего и более дорого “я”, чем собственная индивидуальность. При возникновении жизни закон любви — это импульс постичь и исполнить себя в других и при помощи других, обогатиться при обогащении, обладать и предоставлять себя, поскольку без предоставления себя совершенно невозможно само-обладание.

Инертная неспособность атомного существования к само-обладанию, подчинению материального индивида “не-я” принадлежит к первому статусу жизни. Сознание ограничения и борьбы за обладание, за господство как над “я”, так и над “не-я” — тип второго статуса. Здесь также развитие к третьему статусу приносит преобразование первозданных терминов в исполнение и гармонию, передающие эти термины, хотя кажущиеся противоречащими им. Через соединение и любовь приходит осознание “не-я” в качестве величайшего “я”, и поэтому устанавливается сознательно принятое подчинение его закону и потребности, которые исполняют нарастающий импульс совокупной жизни к всасыванию индивида; и снова есть обладание индивидом жизнью остальных, как собственной, и всем, что должно даваться ему как его собственное, исполняющее противоположный импульс индивидуального обладания. А также эта связь взаимности между индивидом и миром, в котором он живет, не может быть выражена, завершена или обеспечена до тех пор, пока та же связь не будет установлена между самими индивидами и между сообществами. Все усилие человека к гармонизации само-утверждения и свободе, благодаря чему он овладевает собой, со всеми соединениями и любовью, содружеством, братством, в котором он предоставляет себя остальным, его идеалы гармоничного равновесия, справедливости, взаимности, ровности, при помощи которых он создает баланс двух противоположностей — все это на самом деле является попыткой, неизбежно предопределенной по части своих линий, попыткой разрешить первоначальную проблему Природы, саму проблему Жизни, путем разрешения конфликтов между двумя противоположностями, которые существуют в самом основании Жизни в Материи. Попытка этого разрешения делается с помощью высшего принципа Разума, который сам может найти дорогу к назначенной гармонии, даже если сама гармония может быть найдена только в Мощности, все еще находящейся за пределами нас.

Ибо, если наши исходные посылки верны, то конец пути, сама цель может быть достигнута только при помощи Разума, проходящего в То, что лежит за его пределами, поскольку по отношению к Тому Разум предстает только низшим термином и инструментом сначала для спуска в форму и индивидуальность и затем — для возвратного подъема в ту реальность, которую воплощает форма и предоставляет индивидуальность. Поэтому, маловероятно что, совершенное решение проблемы Жизни будет реализовано только благодаря соединению, взаимообмену и соглашению любви или только через закон разума и сердца. Должен придти четвертый статус жизни, в котором вечное единство множества реализуется через дух, и в котором сознательное основание всех операций жизни лежит более не на разделениях тела, а также не на страстях и голоде витальности, не на группировках и несовершенных гармониях разума, не на комбинации всего этого, но на единстве и свободе Духа.

ПРОБЛЕМА ЖИЗНИ

Это то, что зовется вселенской Жизнью.

Тайтирия Упанишад (II.3.)

Господь сидит в сердце всех существ, включая их подобно машине при помощи его Майи.

Гита (XVIII.61.)

Он, знающий Истину, Знание, Бесконечность — то есть Брахмана, будет наслаждаться вместе со всемудрым Брахманом всеми объектами желания.

Тайтирия Упанишад (II.1.)

Мы видели, что Жизнь — это выдвигание вперед, при определенных космических обстоятельствах, Сознания-Силы, которая по своей природе бесконечна, абсолютна, беспрепятственна, неотъемлемо обладает собственным единством и блаженством, это Сознание-Сила Сатчитананды. Центральным обстоятельством этого космического процесса, насколько он видимо отличается от чистоты бесконечного Существования и самообладания неделимой Энергией, является разделяющая способность Разума, затемненного неведением. Это поделенное действие неделимой Силы приводит к явлениям двойственностей, противоположностей, кажущимся отрицаниям природы Сатчитананды, которые существуют как неизменные реальности для разума, но которые предстают только явлениями, неправильно представляющими множественную Реальность, для божественного космического Сознания, скрытого позади оболочки разума. Как следствие, мир кажется столкновением противостоящих истин, каждая из которых стремится исполнить себя, имеет право на исполнение, и поэтому мир кажется скопищем проблем и тайн, требующих разрешения, поскольку за всей этой мешаниной присутствует скрытая Истина и единство, проталкивающие с этим решением свою собственную манифестацию в мире.

Это решение должно быть найдено разумом, но не только им; это решение должно найтись в Жизни, в акте бытия, как и в сознании бытия. сознание как Сила создало мировое движение со всеми его проблемами; сознание как Сила и должно решить эти проблемы и привести мировое движение к неизбежному исполнению его тайного смысла и развивающейся Истины. Но эта Жизнь принимала последовательно три обличия. Первое — материальное -погруженное сознание сокрыто в своем собственном поверхностно выраженном действии и формах, представляющих силу; ибо само сознание исчезает из вида в действии и теряется в форме. Второе — витальное — всплывающее сознание полу-представлено мощью жизни и процессом роста, деятельности и заката формы, полу-освобождено из своего первозданного заключения, оно должно завибрировать в мощи, задрожать как витальная страсть и удовлетворение или отвращение, но поначалу оно вовсе не такое и затем только постепенно несовершенно начинает вибрировать в свете как знания собственного само-существования, так и своего окружения. Третье — ментальное — всплывшее сознание отражает факт жизни в ментальном смысле как откликающееся восприятие и идея, в то время как сама ментальная идея стремится в качестве новой идеи стать фактом жизни, модифицирует внутреннее существование и пытается приспособить к себе внешнее. Здесь, в разуме, сознание высвобождено из своего заключения в акте и форме собственной силы; но оно еще не стало господином действия и формы, поскольку всплыло как индивидуальное сознание и поэтому осознает только фрагментарное движение собственной тотальной деятельности.

Узел проблемы человеческой жизни здесь. Человек — ментальное существо, его ментальное сознание работает как ментальная сила, и человек осознает себя частью вселенской силы и жизни, но поскольку не обладает знанием своей универсальности или даже тотальности собственного бытия, то неспособен иметь дело ни с жизнью вообще, ни с собственной жизнью в подлинно действенном и победоносном движении мастерства. Он стремится познать Материю, чтобы стать господином материального окружения, стремится познать Жизнь, чтобы стать господином витального существования, стремится познать Разум, чтобы стать господином великого тусклого движения ментальности, в котором он предстоит не только пучком света само-знания подобно животному, но также все более и более становится пленником растущего знания. Так человек стремится узнать себя, чтобы стать господином себя и знать мир, чтобы стать властелином мира. Это побуждение Существования в нем, необходимость Сознания, которое он представляет, это толчок Силы, отражающийся в его жизни, тайная воля Сатчитананды, появляющаяся в качестве индивида в мире, где Он выражает Себя и в то же время кажется, что и отрицает Самого Себя. Найти условия, при которых удовлетворяется этот толчок — вот та проблема, которую человек всегда должен стремиться разрешить, и к этому он понуждается самой природой собственного существования и Божеством, расположенным в нем; и пока проблема не будет решена, побуждение удовлетворено, человеческая раса не сможет успокоиться, отойти от своей работы. Либо чело-

век должен исполнить себя, удовлетворив Божественное в себе, либо он должен произвести новое более величественное существо, более способное на это удовлетворение. Человек либо сам должен стать божественным, либо уступить место сверхчеловеку.

Это вытекает из самой логики вещей, поскольку раз уж ментальное сознание человека является не полностью освещенным сознанием, полностью освободившимся от затемнения Материей, а только промежуточным членом в цепи великого возникновения, то линия эволюционного создания, в котором появился человек, не может остановиться на человеке, а должна идти либо за пределы теперешнего термина в человеке, либо за пределы его самого, если у него нет сил идти дальше. Ментальная идея, силящаяся стать фактом жизни, должна идти дальше до тех пор, пока не станет целостной Истиной существования, освобождающей себя из своей обертки, не станет открытой и последовательно исполненной в свете сознания и радостно исполненной в мощи; ибо в этих двух терминах мощи и света и через них Существование проявляет себя, поскольку существование по своей природе суть Сознание и Сила: но третий термин, в котором эти две составляющие встречаются, становятся одним и окончательно исполненным, есть Восторг само-существования. Для эволюционирующей жизни, подобной нашей, эта неизбежная кульминация должна с необходимостью подразумевать нахождение “я”, что содержалось в семени собственного рождения, а также подразумевать полную выработку потенциальностей, заложенных в движении Силы Сознания из которой берет начало эта жизнь. Потенциальность, так содержащаяся в нашем человеческом существовании — это Сатчитананда, реализующая себя в определенной гармонии и объединении индивидуальной жизни и вселенской, так что человечество выразит в общем сознании, общем движении силы, общем восторге трансцендентное Нечто, которое бросило себя в эту форму вещей.

Вся жизнь по своей природе зависит от фундаментального состояния собственного составляющего сознания; ибо чем Сознание является, тем Сила будет. Где Сознание бесконечно, одно, трансцендентно, как сознание Сатчитананды, в своих актах и формах, даже пока охватывая и наполняя, там же и такой же будет и Сила — бесконечной в своем охвате, одной в своих работах, трансцендентной в своей мощи и само-знании. Где же Сознание подобно сознанию материальной Природы, погруженное, само-забывшее, плывущее по течению собственной Силы, не зная ее, даже если по самой природе вечной связи между двумя терминами это сознание на самом деле определяет то течение, по которому оно плывет, там же и такой же будет и Сила: она будет уродливым движением Инерции и Несознания, не осознающим то, что она содержит, она будет казаться механическим исполнителем самой себя, исполняющейся в неумолимом случае, при неизбежно счастливом стечении обстоятельств, даже если на самом деле она безошибочно следует закону Справедливости и Истины, закрепленному волей небесного Сознания-Бытия, сокрытого в ее движении. Там, где Сознание поделено в себе, как в разуме, ограничившимся в многочисленных центрах, каждый из которых подвигается к тому, чтобы исполнить себя, но не зная содержимого других центров и о своей связи с этими центрами, как в Разуме, знающем вещи и силы в их кажущемся разделении и противопоставлении друг другу, но не в их настоящем единстве, там же и такой же будет и Сила: это будет жизнь, подобная нашей и подобная той, что нас окружает; она будет столкновением и сплетением индивидуальных жизней, каждая из которых ищет собственного исполнения, не зная связи с другими, будет конфликтом и трудным приспособлением разделенных и противоречащих или разделяющих сил, и в ментальности она будет смешением, стычкой, упорной борьбой и непрочной комбинацией отдельных и противостоящих или расходящихся идей, которые не могут признать необходимости друг друга или найти свое настоящее место в качестве элементов того единства, которое само-выражается через них, находясь за ними, и в котором их разногласие должно исчезнуть. Но там, где Сознание обладает как разнообразием, так и единством, причем последнее содержит предыдущее и управляет им, где оно одновременно осведомлено о Законе, Истине и Праве Всего и о Законе, Истине и Праве индивидуального, и эти два начала становятся сознательно гармонизированными во взаимном единстве, где целостная природа Сознания — это одно, знающее себя как Множество, и Множество, знающее себя как одно, там Сила будет той же природой: она станет Жизнью, которая сознательно подчиняется закону единства и все же исполняет каждую вещь в разнообразии соответственно ее правилу и назначению; она будет жизнью, в которой все индивиды живут одновременно в себе и других, как одно сознательное Бытие во многих душах, одна мощь Сознания во многих разумах, одна радость Силы, работающей во многих жизнях, одна реальность Восторга, исполняющая себя во многих сердцах и телах.

Первое из этих четырех положений, источник всей этой последовательной связи между Сознанием и Силой есть состояние в бытии Сатчитананды, где они составляют одно; ибо там Сила есть сознание бытия, вырабатывающая себя, не переставая быть сознанием, и Сознание, аналогично, есть светлая Сила бытия, вечно осознающая себя и свой собственный Восторг и никогда не прекращающая быть этой мощью полного света и само-обладания. Второе отношение — отношение материальной Природы; это положение бытия в материальной вселенной, являющееся великим отрицанием Сатчитананды Им Самим: ибо здесь присутствует крайнее кажущееся отделение Силы от Сознания, обманчивый мираж все-управляющего и непогрешимого Несознания, являющегося только маской, но которую современное знание ошибочно принимает за настоящее лицо космического Божества. Третье отношение — положение бытия в Разуме и Жизни, которое мы видим всплывающим из этого отрицания, сбитым с толку этим отрицанием, борющимся — без какой-либо возможности оста-

новки под подчинением, но также и без ясного знания или чутья победоносного решения — против тысячи и одной проблемы, вовлеченной в этом ошеломляющем явлении человека, полу-могущественного сознательного существа, появившегося из всемогущественного Несознания материальной вселенной. Четвертое отношение — положение бытия в сверхразуме: это исполненное существование, которое будет окончательно решать всю эту сложную проблему, созданную частичным утверждением, возникающим из полного отрицания; и должно требоваться решить ее только одним возможным способом, посредством полного утверждения, исполняющего все то, что было там тайно заложено в потенциальности и подразумевается в самом факте эволюции, за маской великого отрицания. Это и есть настоящая жизнь настоящего человека, к которой эта частичная жизнь и частичное неисполненное человечество стремится с совершенным знанием и водительством в так называемом Несознании внутри нас, но в наших сознательных частях — только с туманным сияющим предвидением, с фрагментами реализации, с проблесками идеала, со вспышками откровения и вдохновения в поэте и пророке, провидце и трансценденталисте, мистике и мыслителе, в великих интеллектуалах и великих душах человечества.

Из тех данных, что имеем перед собой, мы можем увидеть, что трудностей, возникающих из-за несовершенного положения Сознания и Силы в человеке в его теперешнем статусе разума и жизни, всего три. Во-первых, человек осознает только малую часть собственного существа: его поверхностная ментальность, его поверхностная жизнь, его поверхностное физическое существо — это все, что он знает, и он даже не знает всего об этом; ниже лежит оккультное море его подсознательного и сублиминального разума, его подсознательных и сублиминальных жизне-импульсов, его подсознательная материальность, вся та большая его часть, которую он не знает и которой не может управлять, а которая скорее сама знает его и управляет им, ибо, поскольку существование, сознание и сила — суть одно, мы можем обладать реальной мощностью лишь над той частью нашего существования, с которой мы отождествляемся благодаря само-осознанию; остальное должно управляться собственным сознанием, являющимся сублиминальным по отношению к нашему поверхностному разуму, жизни и телу. И все же эти два движения — суть одно движение, а не два отдельных, и поэтому большая и более мощная часть должна определять в своей массе меньшую и менее могущественную; поэтому мы управляемы подсознательным и сублиминальным даже в нашем сознательном существовании, и в самом нашем само-господстве и само-направлении мы являемся только инструментами того, что кажется нам Бессознательным в нас.

Вот что имеется в виду в словах древней мудрости, говорящей, что человек воображает себя делателем работы благодаря своей свободной воле, но в действительности Природа определяет всю его работу, и даже мудрецы принуждаемы следовать своей собственной Природе. Но поскольку Природа является созидательной силой сознания Бытия внутри нас. Бытия, сокрытого Его собственным обратным движением и кажущимся отрицанием Себя, то мудрецы называли это обратное созидательное движение Его сознания Майей или мощью иллюзии Господа, и эти мудрецы говорят, что все существование приводится в движение подобно машине посредством Его Майи при помощи Господина, сидящего в сердце всех существований. Тогда, очевидно, что только человек, расширивший разум до такой степени, чтобы объединиться в само-осознании с Господом, только такой человек может стать господином собственного существа. И поскольку это объединение невозможно в несознании или в самом подсознательном, поскольку невозможно извлечь пользу, погрузившись назад в глубины Несознания, то объединения можно достичь лишь благодаря уходу вовнутрь, где расположен Господь, и благодаря подъему в то, что все еще сверхсознательно для нас, в Сверхразум. Ибо сознательное знание лежит в высшей божественной Майе, в ее законе и истине, в том, что работает в подсознательном при помощи низшей Майи при условиях Отрицания, которое стремится стать Утверждением. Ибо эта низшая Природа вырабатывает то, что желаемо и известно в той высшей Природе. Иллюзия-Мощь божественного знания в мире, что творит видимости, управляема Истиной-Мощью того же самого знания, которое знает истину за видимостями и держит в готовности для нас Утверждение, к которому мы работаем. Частичный и кажущийся Человек, такой, каким он предстоит здесь, станет там совершенным и настоящим Человеком, способным на полностью само-осознанное бытие благодаря своему полному единству с тем Само-существующим, которое является всеведущим господином Его собственной космической эволюции и космического шествия.

Второй трудностью является то, что человек в своем разуме, в своей жизни, в своем теле отделен от вселенского, и поэтому, не зная себя, он равным образом, и даже более, не в состоянии познать своих собратьев. При помощи выводов, теорий, наблюдений и определенной несовершенной способности к симпатии он строит грубые ментальные конструкции, касающиеся их; но это не знание. Знание может придти только при сознательном отождествлении, ибо только это является истинным знанием — существование, знающее о себе. Мы знаем, чем являемся, лишь настолько, насколько сознательно осознаем себя, остальное сокрыто; точно также мы можем по-настоящему узнать то, с чем мы становимся одним в сознании, лишь настолько, насколько мы можем стать одним с ним. Если средства познания косвенны и несовершенны, то и достигнутое знание будет также косвенным и несовершенным. Они будут давать нам возможность работать только с сомнительной топорностью, но все же совершенно достаточно с нашей ментальной точки зрения для определенных практических целей, необходимостей, удобства, определенной несовершенной и ненадежной гармонии наших связей с

тем, что мы знаем; но только благодаря сознательному единству можем мы достичь совершенных связей. Поэтому мы должны достичь сознательного единства с нашими собратьями и не просто в симпатии, порожденной любовью или в понимании, созданным ментальным знанием, которое всегда будет знанием поверхностного существования, а потому несовершенным знанием, подверженным отрицанию и расстройству при наплыве неизвестного, знанием, которому не подчинено подсознательное и сублиминальное. Однако сознательное тождество может быть установлено только при входе в то, в чем мы одни с нашими собратьями, в универсальном; и полнота универсального сознательно существует только в том, что сверхсознательно по отношению к нам, в Сверхразуме; ибо здесь в Нашем обычном существе большая часть этой полноты подсознательна, и поэтому в этом обычном положении разума, жизни и тела ею невозможно обладать. Низшая сознательная природа сдерживается снизу эго во всей его деятельности, тройне прикована к столбу разделенной индивидуальности. только сверхразум распоряжается единством в многообразии.

Третья трудность — разделение между силой и сознанием в эволюционном существовании. Во-первых, существует деление, которое было создано самой эволюцией в трех последовательных образованиях Матери, Жизни и Разума, каждое из которых имеет свой собственный закон работы. Жизнь находится в состоянии войны с телом; она пытается принудить его удовлетворить своим желаниям, импульсам, потребностям и требует из его ограниченной способности того, что возможно только в бессмертном и божественном теле; и тело, поработанное и понукаемое сверху, страдает и постоянно находится в состоянии немого протеста против требований, предъявляемых Жизнью. Разум находится в состоянии войны как с тем, так и другим: иногда он помогает Жизни в борьбе с Телом, иногда сдерживает витальное побуждение и стремится защитить телесную конструкцию от жизненных желаний, страстей и кипения энергии; он также стремится обладать Жизнью и обращает ее энергию на собственные цели, к величайшему удовольствию активности разума, к удовлетворению ментальных, эстетических, эмоциональных целей и их исполнению в человеческом существовании, и Жизнь также оказывается поработанной и часто восстает невежественного полу-мудрого тирана, сидящего над ней. Эта война между членами, война, примирить которую разум не в силах, поскольку должен иметь дело с проблемой, которую не способен разрешить — стремление бессмертного существа в смертной жизни и теле. Разум может достичь только длинной цепочки компромиссов или уходит от проблемы, согласившись либо с материалистической идеей смертности нашего видимого существа, либо с аскетом и религиозно верующим человеком, отвергнув и осудив земную жизнь и отойдя в более счастливое и более легкое поле существования. Но истинное решение лежит в открытии принципа выше Разума, законом которого является Бессмертие, и в покорении с его помощью принципа смертности нашего существования.

Но существует также фундаментальное внутренне разделение между силой Природы и сознательным существом — первозданная причина неспособности. Существует не только разделение между ментальным, витальным и физическим существом, но каждое из них находится в разладе с самим собой. Тело обладает меньшей способностью, чем способность инстинктивной души или сознательного существа, физического Пуруши внутри него; витальная сила обладает меньшей возможностью импульсивной души, витального сознательного существа или Пуруши внутри этой силы; способность ментальной энергии ниже, чем способность интеллектуальной и эмоциональной души, ментального Пуруши. Ибо душа есть внутреннее сознание, что устремляется к собственной полной само-реализации и потому всегда не вмещается в индивидуальную формацию, занимаемую ею в данный момент; и Сила, занявшая положение в этой формации, всегда движима душою к тому, что ненормально для этого положения, трансцендентно по отношению к нему; так постоянно движима. Сила испытывает большие затруднения в отклике, а еще большие — в эволюционировании от теперешней способности к еще большей. Пытаясь исполнить требования тройной души. Сила сбивается с толку и вынуждена выставлять инстинкт против инстинкта, импульс против импульса, эмоцию против эмоции, идею против идеи, удовлетворяя это, отрицая то, затем раскаиваясь и возвращаясь к тому, что она проделала, настраивая, компенсируя, перенастраивая до бесконечности, но не достигая какого-либо принципа единства. И опять же в разуме сознательная-мощь, которая должна гармонизировать и объединять, не только ограничена в своем знании и воле, но сами знание и воля такие разделены и часто находятся в разногласии. Принцип единства лежит выше — в Сверхразуме: ибо только там существует сознательное единство во всем многообразии; только там выровнены отношения между знанием и волей, которые находятся в совершенной гармонии; только там Сознание и Сила приходят в божественное равновесие.

Человек, по мере своего развития в само-сознательное и по-настоящему думающее существо, на самом деле начинает осознавать это разногласие и несоответствие в своих частях и стремится достичь гармонии разума, жизни и тела, гармонии своего знания, воли и эмоций, гармонии всех своих составляющих. Иногда это желание пропадает с достижением некоторого выработанного компромисса, который приносит человеку относительный покой; но компромисс может быть только остановкой в пути, поскольку Рождество внутри не может окончательно удовлетвориться до тех пор, пока не будет достигнута совершенная гармония, комбинирующая в себе интегральное развитие наших многосторонних потенциальностей. Достижение лишь чего-то меньшего будет уклонением от проблемы, а не ее решением, либо только временным решением, предоставляющим душе передышку в ее непрерывном само-расширении и подъеме. Такая совершенная гармония непре-

менно потребует совершенной ментальности, совершенной игры витальной силы, совершенного физического существования. Но где же в коренном несовершенстве найдем мы принцип и мощь совершенства? Разум, берущий корни из разделения и ограничения, не может дать его нам, а также это не под силу жизни и телу, являющимся энергией и оболочкой разделяющего и ограничивающего разума. Принцип и мощь совершенства присутствуют в подсознательном, но обернуты в оболочку или покров нижней Майи, немое предчувствие, возникающее как нереализованный идеал; в сверхсознательном они ожидают открытыми, полностью реализованными, но все еще отделенными от нас вуалью нашего само-неведения. Это выше, и следовательно, мы должны искать примиряющую мощь и знание не в нашем теперешнем состоянии, ни ниже него.

Равным образом, человек по мере развития начинает тонко осознавать разногласие и неведение, которые управляют его связями с миром, резко не согласен с ними и все более и более нацеливается на поиски принципа гармонии, мира, радости и единства. Ибо только путем развития разума, который будет иметь знание разума других так же, как и себя, будет свободным от нашего взаимного неведения и непонимания, путем развития воли, которая чувствует другие воли и способна объединиться с ними, путем развития эмоционального сердца, которое содержит эмоции других, как свои собственные, путем развития жизне-силы, которая ощущает энергии других, принимает их за собственные и стремится исполнить их как свои, и путем развития тела, которое перестает быть стенами заключения и защиты от мира, только благодаря тому, что все это будет подставлено под закон Света и Истины, будут преодолены все искажения и ошибки, громада греха и лжи наших разумов, воля, эмоций, жизне-энергий — только так жизнь человека может духовно и практически объединиться с жизнью его собратьев, и индивид возвратится к своему собственному вселенскому “я”. Подсознательное обладает этой жизнью Всего, и сверхсознательное также обладает этим, но в условиях, которые предопределяют наше движение наверх. Ибо не к Божеству, сокрытому “подсознательным океаном, где тьма окружена тьмой”¹, а к Бегству, сидящему в море вечного света (“Воды, что находятся в царстве света выше Солнца и те, что остаются верными внизу”², к высочайшему эфиру нашего бытия, придан первозданный толчок, что пронес эволюционирующую душу вверх до человеческого состояния).

Поэтому если раса не скатится к обочине и не оставит победу другим новым созданиям, принадлежащим Матери, настойчиво стремящейся выполнить тяжелую работу [of the eager travailing Mother], то человечество должно устремиться к этому восхождению, сопровождая его любовью, ментальным озарением и витальным зовом к обладанию и самоотдаче, однако будет вестись за пределы всего этого к супраментальному единству, которое все это превосходит и исполняет; человечество должно искать своего конечного блага и освобождения в основании своей жизни на супраментальной реализации космического единства с Одним и со всем в нашем существе и во всех его членах. И именно это мы описывали как четвертый статус Жизни в ее подъеме к Божеству.

---

1. Риг Веда, X. 129.3.

2. Those which abide below — Риг Веда, III.22.3

Глава XXIII

ДВОЙНАЯ ДУША В ЧЕЛОВЕКЕ

Пуруша, внутреннее “я”, с пальчик человека.

*Катха Упанишад (II.1.12.13.;II.3.17)
Светасварта Упанишад (II.13.)*

Он, кто знает это “Я”, кто есть мед существования и является господином того, что есть и что будет, не может впредь отступить.

Катха Упанишад (II.1.5.)

Откуда может прийти печаль, как же он может быть обманут — тот, кто видит везде Тожество?

Иша Упанишад (Стих 7)

Нашедшему блаженство Вечного нечего опасаться.

Тайтирия Упанишад (II.9.)

Мы нашли, что первый статус Жизни характеризуется немим несознательным побуждением или настоянием, силой некоей воли, вовлеченной в материальное или атомное существование, воли, не свободной и не обладающей собой, своей работой или результатами, а полностью захваченной вселенским движением, в котором она появляется как темное несформированное семя индивидуальности. Корнем второго статуса является желание, стремящееся к обладанию, но ограниченное в возможности; зародышем третьего является Любовь, которая стремится как обладать, так и быть обладаемой, получать и отдавать себя; прекрасный цветок четвертого статуса, его знак совершенства мы постигаем как чистое и полное появление первозданной воли, озаренное исполнение промежуточного желания, высокое и глубокое удовлетворение сознательного взаимобмена Любовью путем отождествления состояния обладателя и отдающегося в божественном единении души, которая является основанием супраментального существования. Если мы тщательно изучим эти термины, то увидим, что они — суть формы и стадии поисков души, ищущей индивидуальный и вселенский восторг вещей; подъем Жизни является по своей природе подъемом божественного Восторга в вещах из немого зачаточного состояния в Материи через превратности и противоположности к озаренному свершению в Духе.

Мировое бытие является тем, чем есть, и не может быть другим. Ибо мир — суть замаскированная форма Сатчитананды, и поэтому та вещь, в которой Его сила всегда должна находить и достигать себя, есть божественное Блаженство, вездесущий самовосторг. Поскольку Жизнь — это энергия Его созидательной силы, то секретом всех ее движений должен быть скрытый восторг, внутренне присущий всем вещам, и этот восторг является одновременно причиной, мотивом и целью ее деятельности; и если по причине эгоистического разделения этот восторг утрачен, если он удерживается позади, за вуалью, если он представляется как собственная противоположность, даже замаскирован смертью, сознательные образы предстают как несознательные, а сила уничтожается под видом неспособности, то все живущее не может удовлетвориться, не может ни упокоиться, уклонившись от движения, ни исполнить движение, кроме как завладеет вселенским восторгом, который является одновременно тайным тотальным восторгом собственного бытия и первозданным, все-окружающим, все-информирующим, все-поддерживающим восторгом трансцендентной и вечно присущей Сатчитананды. Поиск восторга является поэтому фундаментальным импульсом и ощущением Жизни; поиски, обладание и исполнение — ее целостный мотив.

Но где в нас сокрыт принцип Восторга? через какую часть нашего существа в действительности он проявляется и исполняется в действии космоса подобно тому, как проявляется принцип Сознательной-Силы, используя Жизнь в качестве космического термина и подобно тому, как Сверхразум проявляется через Разум, используя его? Мы распознали четырехкратный принцип божественного Бытия, создателя вселенной — Существование, Сознательная-Сила, Блаженство и Сверхразум. Как мы видели, Сверхразум вездесущ в материальном космосе, не завуалирован; он за фактическим явлением вещей и оккультно выражает себя там, но использует для этого собственный подчиненный ему термин, Разум. Божественное Сознание-Сила вездесуща в материальном космосе, но завуалирована, тайно оперирует за фактическим явлением вещей и выражает себя там характерно через собственный подчиненный ей термин, Жизнь. И хотя мы пока отдельно не исследовали принцип Материи, все же мы можем уже видеть, что то божественное Все-существование также вездесуще в материальном космосе, но завуалировано, спрятано за фактическим явлением вещей и проявляет себя там изна-

чально через собственный подчиненный ему термин, Субстанцию, Форму бытия Материи. Следовательно, принцип божественного Блаженства равным образом должен быть вездесущ в космосе, в действительности должен быть завуалирован, находясь в само-обладании за фактическим явлением вещей, но все же должен проявляться в нас через некоторый подчиненный принцип, в котором он сокрыт и благодаря которому принцип Блаженства должен быть найден и достигнут в действии вселенной.

Этот термин есть нечто в нас, что мы иногда называем в особом смысле душою — то есть, психический принцип, являющийся не жизнью или разумом, гораздо меньше тела, но держит в себе открытие и истечение сущности всех этих вещей к собственному особому само-восторгу, к свету, любви, радости, прекрасному и утонченной чистоте бытия. В действительности, однако мы обладаем двойной душой, точно также как любой другой космический принцип в нас тоже двойственен. Ибо мы имеем два разума, один — поверхностный разум нашего выраженного эволюционного эго, поверхностная ментальность, созданная с нашей помощью при нашем появлении из Материи, другой — это сублиминальный разум, не заторможенный нашей фактической ментальной жизнью и ее прямыми ограничениями, нечто большое, мощное и светлое, истинное ментальное существо за той поверхностной формой ментальной персональности, которую мы принимаем за себя. Точно также у нас две жизни, одна — внешняя, вовлеченная в физическое тело, ограниченная своей прошлой эволюцией в Материи, жизнь, которая живет, была рождена и умрет, другая — это сублиминальная сила жизни, не зажатая узкими границами нашего физического рождения и смерти, а являющаяся нашим истинным витальным существом за той формой жития, что мы ошибочно принимаем за наше настоящее существование. Даже в материи нашего существа присутствует эта дуальность; ибо за нашим телом стоит более тонкое материальное существование, снабжающее субстанцией не только нашу физическую оболочку, но и витальную и ментальную, и поэтому оно является нашей настоящей субстанцией, поддерживающей эту физическую форму, которую мы ошибочно воображаем полным телом нашего духа. Точно также в нас присутствует двойная психическая сущность, поверхностная желание-душа, которая работает в наших витальных страстях, наших эмоциях, эстетическом даре и ментальном поиске мощи, знания и счастья, и сублиминальная психическая сущность, чистая мощь света, любви, радости и утонченной сущности бытия, являющаяся нашей истиной душой за внешней формой психического существования, которое мы так часто называем душой. И когда некое отражение этой большей и более чистой психической сущности выходит на поверхность, мы говорим о человеке, что у него есть душа, а когда это отсутствует в его внешней психической жизни, мы говорим, что у такого человека нет души.

Внешние формы нашего существа — это формы нашего малого эгоистического существования; сублиминальные — это образования нашей большей истинной индивидуальности. Поэтому те сокрытые части нашего существа, в которых наша индивидуальность близка к нашей универсальности, касается ее — находятся в постоянной связи и общении с нашей истинной индивидуальностью. Наш сублиминальный разум открыт к вселенскому знанию космического Разума, наша сублиминальная жизнь — к вселенской силе космической Жизни, наша сублиминальная физическая часть — к вселенской силе-образованию космической Материи; толстые стены, отделяющие эти вещи от нашего поверхностного разума, жизни, тела, стены, сквозь которые Природа должна проникать со столь большими ошибками, столь несовершенно и со множеством умело-бестолковых физических приборов, эти стены здесь, в сублиминальном, это только разреженная среда, служащая одновременно для отделения и сообщения. Точно также наша душа открыта к вселенскому восторгу, которым космическая душа обладает в собственном существовании и в существовании мириад душ, которые ее представляют, а также в операциях разума, жизни и материи, посредством которых Природа предоставляет себя их игре и развитию; но от этого космического восторга поверхностная душа отгорожена эгоистическими стенами громадной толщины, стенами, в которых на самом деле есть врата проникновения, при прохождении сквозь которые божественный космический Восторг, однако, сильно искажается, приуменьшается или должен приходить в маске собственных противоположностей.

Следовательно, в этой поверхностной душе или желани-душе нет истинной душе-жизни, а есть только психическая деформация и неправильное восприятия касания вещей. Болезнь мира заключается в том, что индивид не может найти свою настоящую душу, и причина этой болезни опять же кроется в том, что индивид в своем внешнем охвате вещей не может встретить настоящую душу мира, в котором он живет. Он стремится найти там сущность бытия, суть мощи, суть сознания, суть восторга, но вместо этого получает скопище противоречивых касаний и впечатлений. Если бы он мог найти ту суть, то нашел бы также одно вселенское бытие, мощь, сознательное существование и восторг даже в этой толчее касаний и впечатлений; то, что кажется противоречиями, было бы примирено в единстве и гармонии Истины, которая доходит до нас в этих контактах. В то же время индивид нашел бы собственную истинную душу и посредством нее — свое “я”, поскольку истинная душа — представитель его “я”, а его “я” и “я” мира -суть одно. Но индивид не может этого сделать вследствие эгоистического неведения в разуме мышления, сердце эмоции, чувстве, что отвечает на касания вещей не мужественным и целостным сердечным охватом мира, а потоком достижения и избегания, осторожных подхо-

дов или стремительных бросков и угрюмых или неудовлетворительных или пугающих или болезненных примирений в соответствии с тем, приятны ли те касания или нет, удобны они или внушают тревогу, удовлетворяют или не удовлетворяют. Именно желание-душа из-за ее ложного восприятия жизни является причиной тройного ложного представления расы, восторга вещей, так что вместо представления чистой сущностной радости бытия этот восторг неравно передается в трех терминах — удовольствия, боли и безразличия.

Когда мы рассматривали Восторг Существования в его связях с миром, то видели, что нет никакой абсолютности или сущностной законности в наших нормах удовольствия, боли и безразличия, что они полностью определяются субъективностью воспринимающего сознания и что степень как удовольствия, так и боли может быть доведена до максимума или сведена к минимуму или полностью вычеркнута в видимой природе. Удовольствие может стать болью, а боль — удовольствием, поскольку в своей тайной реальности они суть одна и та же вещь, по-разному воспроизводимая в ощущениях и эмоциях. Безразличие — это либо невнимание поверхностной желания-души в ее разуме, ощущениях, эмоциях и страстях, невнимание к расе вещей, либо ее неспособность принимать этот восторг вещей и отвечать на него, либо это отказ дать какой-либо поверхностный отклик, либо опять же это ее волевое подавление удовольствия или боли и ведение к нейтральному тону неприятия. Во всех этих случаях имеет место либо позитивный отказ, либо негативная неготовность или неспособность воспроизводить или в любом случае представить позитивно на поверхности то, что все еще сублиминально деятельно.

Ибо, подобно тому как нам теперь известно из психологических наблюдений и экспериментов, сублиминальный разум получает и помнит те прикосновения вещей, которые игнорирует поверхностный разум, точно также мы найдем, что сублиминальная душа откликается на расу, сущность опыта, тех вещей, что поверхностная душа отвергает с неприязнью и отказом, либо игнорирует в нейтральном неприятии. Само-знание невозможно до тех пор, пока мы не уйдем за наше поверхностное существование, являющееся простым итогом избирательного внешнего опыта, являющееся несовершенным резонатором или поспешным, неумелым и фрагментарным переводом только малого из того большого, чем мы являемся — пока мы не отойдем за это и не опустим наш лот в подсознательное и не откроемся сверхсознательному, так чтобы узнать их связь с нашим поверхностным существом. Ибо между этими тремя вещами движется наше существование и находит в них свою тотальность. Сверхсознательное в нас едино с “я” и душой мира и не управляется каким-либо феноменальным разнообразием; поэтому оно обладает истиной вещей и восторгом вещей в их изобилии. Так называемое подсознательное ¹ в той своей светлой головной части, которую мы называем сублиминальной, напротив, является не истинным обладателем, а инструментом опыта; практически она не составляет одно с душой и “я” мира, но открыта ему через миро-переживание. Сублиминальная душа внутренне осознает расу вещей и получает равный восторг во всех контактах; она знает также ценности и нормы поверхностной желания-души и получает на собственной поверхности соответствующие касания удовольствия, боли и безразличия, но берет равный восторг во всем. Другими словами, наша настоящая душа приобретает радость из всего опыта, черпает из него силу, удовольствие и знание и благодаря этому растет в своем изобилии и богатстве. Именно эта настоящая душа понуждает уклоняющееся желание-разум выносить боль и даже искать и находить в боли удовольствие, понуждает желание-разум отвергать то, что ему приятно, изменять или даже обращать его ценности, выравнивать вещи в безразличии или в радости, радости разнообразия существования. И это происходит вследствие того, что душа понуждается вселенским развиваться при помощи всего рода опыта, чтобы расти в Природе. В противном случае, если бы мы жили только через поверхностное желание-душу, мы могли бы меняться и развиваться не более, чем растение или камень в их неподвижности и в их рутине существования (жизнь в них поверхностно несознательна), в которых тайная душа вещей все еще не обладает инструментом, при помощи которого она может вывести жизнь из того фиксированного узкого диапазона, в котором она рождена. Желание-душа, предоставленная самой себе, навечно крутилась бы по одному и тому же привычному кругу.

С точки зрения древних философий удовольствие и боль неразделимы подобно интеллектуальной истине и лжи, мощи и неспособности, рождению и смерти; поэтому единственно возможным уходом от них будет полное безразличие, пустой отклик на возбуждение “я” мира. Но тонкое психологическое знание показывает, что этот взгляд, опирающийся только на поверхностные факты существования, в действительности не исчерпывает всей полноты проблемы. Путем привнесения настоящей души на поверхность можно заменить эгоистические стандарты удовольствия и боли на равный все-охватывающий личностно-безличностный восторг. Любитель Природы делает это, когда берет радость ото всех вещей природы универсально, без отвращения или

¹ Настоящее подсознательное — это нижнее уменьшенное сознание, близкое к Несознанию; сублиминальное — это сознание, большее нашего поверхностного существования. Но оба принадлежат к внутренней части нашего существа, которая не осознается на поверхности, поэтому часто эти сознания путают в разговорной речи и на уровне общих понятий.

опасения, без “нравится — не нравится”, воспринимает прекрасное в том, что кажется другим средним и неважным, пустым и диким, ужасным и отталкивающим. Художник или поэт делает это, когда ищет расу все-ленского в эстетическом переживании или в физических очертаниях, либо в ментальной форме прекрасного или во внутреннем ощущении и мощи, равным образом в том, от чего отворачивается обычный человек, так и в том, что его привлекает. Искатель знания, Бого-обожатель, находящий объект своей любви повсюду, духовный человек, интеллектуал, чувственный, эстет — все они делают это на свой манер и должны делать это, если хотят найти Знание, Прекрасное, Радость или Божественность. Только в тех наших частях, где маленькое эго обычно слишком сильно в нас, только с точки зрения эмоциональной или физической радости и страдания, нашего удовольствия и боли жизни, перед которой пасует наше желание-душа, применение божественного принципа становится чрезвычайно трудным и кажется многим невозможным или даже чудовищным и отталкивающим. Здесь неведение эго уклоняется от принципа безличности, которым оно пользуется без особых затруднений в Науке, Искусстве и даже в определенном типа несовершенной духовной жизни, поскольку там правило безличности не разрушает желаяния, взлелеянного поверхностной душой, не разрушает ценности желаяния, закрепленного поверхностным разумом, в которых наша внешняя жизнь наиболее витально заинтересована. В высоких свободных движениях от нас требуется только ограниченная и специальная ровность и безличность, соответствующие некоторому частному полю сознания и деятельности, тогда как эгоистический базис нашей практической жизни остается там, где был; в низших движениях все основание нашей жизни должно быть изменено, чтобы освободить место для безличности, и желание-душа находит это невозможным. Истинная душа сокрыта в нас — сублиминальная, мы уже говорили, но это слово сбивает нас, поскольку это присутствие расположено не ниже порога разбуженного разума, а пылает в храме сокровенного сердца за толстым покровом невежественного разума, жизни и тела, не сублиминально, а за вуалью — эта завуалированная психическая сущность является пламенем Божества, всегда зажженного внутри нас, неугасимого даже под тем плотным несознанием любого духовного “я”, внутри которого затмевается наша внешняя природа. Это пламя, рожденное из Божественного, будучи светлым жителем Неведения, растет в нем до тех пор, пока не сможет обратить Неведение к Знанию. Это скрытый Свидетель и Надзор, спрятанный Проводник, Даймон Сократа, внутренний свет или внутренний голос мистического. Это то, что выносит все, нерушимо в нас от рождения к рождению, незатрагиваемо смертью, упадком или развращением, неразрушимая искра Божественного. Не нерожденное “Я” или Атман, ибо “Я” даже в возвышении над существованием индивида всегда осознает свою универсальность и трансцендентность, это все еще то, что является представителем Атмана в формах Природы, индивидуальной душой, чайтйя пуруша, поддерживающей разум, жизнь и тело, стоящей за ментальным, витальным, тонким физическим существом в нас, наблюдающей за ними и извлекающей пользу из их развития и опыта. Эти другие персоны-мощности в человеке, эти существа его существа также сокрыты в их истинной сущности, но они выдвигают вперед временные персональности, которые составляют нашу индивидуальность и чье комбинированное поверхностное действие и кажущийся статус мы называем собой: также эта глубочайшая сущность, принимая в нас форму психической Личности, выдвигает вперед временную персональность, которая изменяется, растет, развивается от жизни к жизни; ибо она является путешественницей между рождением и смертью и между смертью и рождением, а наши природные части предстают только ее множественным меняющимся одеянием. Поначалу психическое существо может проявляться лишь в сокрытом, частичном и непрямом действии через разум, жизнь и тело, поскольку именно эти части Природы должны быть развиты как ее инструменты само-выражения, и психическое существо надолго сдерживается их эволюцией. Назначенное вести человека в Неведении к свету Божественного Сознания, оно вбирает сущность всего опыта Неведения, чтобы образовать ядро для роста души в природе; остальное оно обращает в материал для будущего роста инструментов, которые оно вынуждено использовать до тех пор, пока они не будут готовы стать светлым инструментариумом Божественного. Именно эта тайная психическая сущность является в нас истинной первозданной Совестью, более глубокой, чем сконструированная общепринятая совесть моралиста, ибо она всегда указывает на Истину, Справедливость и Прекрасное, на Любовь, Гармонию и все божественные возможности в нас, и будет на этом настаивать, пока эти вещи не станут главной потребностью нашей природы. Именно наша психическая персональность распускается как святой, мудрец, провидец; достигнув полной силы, она обращает существо к Знанию “Я” и Божественного, к верховной Истине, верховному Благу, верховному Прекрасному, Любви и Блаженству, божественным высотам и обширности и открывает нас касанию духовной общности, универсальности, тождества. Напротив, где психическая персональность слаба, груба или плохо-развита, там тонкие части и движения почти отсутствуют или бедны по части выражения и мощности, даже если разум может быть действенным и выдающимся, сердце витальных эмоций — крепким, сильным и властным, жизне-сила -доминирующей и успешной, телесное существование — богатым, удачливым и казаться господином и победителем. Там правит внешняя желание-душа, псевдо-психическая сущность, и мы ошибочно принимаем ее ложные представления о психических указаниях и стремлениях, ее идеи и идеалы, ее желаяния и

чаяния за истинное душе-вещество и ценности духовного существования². Если тайная психическая Персона сможет выйти вперед во фронт, и замещая желание-душу, сможет управлять открыто и полностью, а не только частично и из-за вуали этой внешней природы разума, жизни и тела, тогда эти внешние инструменты могут быть отлиты в душе образы того, что истинно, справедливо и прекрасно, и в конце концов целостная природа может быть повернута к настоящей цели жизни, верховной победе, подъему в духовное существование.

Но может показаться, что путем привнесения психической сущности, нашей истинной души на передний план и путем придачи ей лидерства и правления мы сможем достичь исполнения нашего естественного существа и сможем открыть врата в царство Духа. И также можно рассудить, что нет никакой необходимости для вмешательства высочайшей Истины-Сознания или принципа Сверхразума, чтобы помочь нам достичь божественного статуса или божественного совершенства. Все же, хотя психическая трансформация — это одно необходимое условие тотальной трансформации нашего существования, но это еще не все, что требуется для самого большого духовного изменения. В первую очередь душа, являющаяся индивидуальной в Природе, может открыться сокрытым божественным диапазонам нашего существа и воспринять и отразить их свет, мощь и опыт, но все же необходима другая, духовная трансформация свыше, чтобы обрести наше “я” в универсальности и трансцендентности. Психическое существо само по себе на определенной стадии могло бы удовлетвориться созданием формации истины, блага и прекрасного и сделать это своим местом; но на дальнейшей стадии оно могло бы стать пассивно подчиненной “я” мира, стать зеркалом вселенского существования, сознания, мощи, восторга, но не их полным участником или обладателем. Тогда психическое существо, хотя и в большей степени объединенное с космическим сознанием в знании, эмоции и даже понимании через чувство, могло бы делаться чисто воспринимающим и пассивным, отделенным от господства в мире и действия в нем; или же психическое существо, объединенное со статическим “я” за космосом, но внутренне отделенное от мира-движения, теряя индивидуальность в своем Источнике, могло бы возвратиться к этому Источнику и больше уже не иметь ни желания, ни силы для того, что было его конечной целью здесь — вести природу к божественной реализации. Ибо психическое существо пришло в Природу из “Я”, Божественного, и оно может повернуть назад от Природы к безмолвному Божественному через молчание “я” и верховную духовную неподвижность. Опять же, вечная порция Божественного (Гита, XV.7.), эта часть в силу закона Бесконечного неотделима от своего Божественного Целого, на самом деле эта часть и есть Целое, за исключением фронтальной видимости, своего переднего отделенного само-опыта; поэтому психическое существо может пробудиться к этой реальности и погрузиться в нее до видимого угасания индивидуального существования или, по крайней мере, до его слияния. Психическое существо здесь — это малое ядро в массе невежественной природы, так что Упанишады говорят, что оно “не больше пальчика человека”, но психическое существо под духовным наплывом увеличивает себя и охватывает целый мир с сердцем и разумом в сокровенном общении или тождестве. Или психическое существо может осознать своего Компаньона и выбрать жить навечно в Его присутствии, в нерушимом единстве и тождестве как вечный любовник с вечной Возлюбленной — в этом случае духовные переживания наиболее интенсивны в красоте и экстазе. Все это — великие и превосходные достижения нашего духовного самопоиска, но они не обязательно являются полным достижением цели; возможно большее.

Ибо все это — суть достижения духовного разума в человеке; все это — движения разума, превосходящего себя, но на своем собственном плане, переходящего в великолепии Духа. Разум даже на высочайшей стадии, далеко за пределами нашей теперешней ментальности, все еще действует в своей природе посредством разделения; он вбирает аспекты Вечного и обращается с каждым аспектом так, как если бы он был целостной истиной Вечного Бытия и может найти в каждом его собственное божественное исполнение. Он даже возводит их в ранг противоположностей и создает целый набор таких противоположностей, Молчание Божественного и Божественный Динамизм, неподвижного Брахмана, держащегося поотдаль от существования, без качеств, и активного Брахмана, с качествами, Господина существования, Бытие и Становление, Божественную Личность и безличностное чистое Существование; тогда он может отделить себя от одного аспекта и погрузиться в другой как единственно неизменную Истину существования. Он может относиться к Личности как единственной Реальности или Безличностному как к единственно истинному; он может считать Любящего только средством выражения вечной Любви или любовь только средством само-выражения Любящего; он может смотреть на

² Слово “психическое” в разговорной речи гораздо чаще используется со ссылкой на это желание-душу, чем на истинное психическое. Еще более вольно оно употребляется при описании психологических и других явлений ненормального и сверхнормального характера, которые на самом деле связаны с внутренним разумом, внутренним витальным, тонким физическим существом, сублиминальным в нас; эти явления вовсе не являются результатом прямых операций психического. В число психических включают даже явления материализации и дематериализации, хотя при точном рассмотрении они оказываются не действиями души и поэтому не могут пролить свет на природу или существование психической сущности; они скорее окажутся ненормальным действием оккультной тонкой физической энергии, вмешивающейся в обычный статус грубого тела вещей, сводя его к тонкой обусловленности и снова восстанавливая его в терминах грубой материи.

существа как на только личностные мощности безличностного Существования или смотреть на безличностное существование только как на состояние одного Бытия, Бесконечной Личности. Духовное достижение человека, его дорога, ведущая к верховной цели, будет следовать этим разделяющим линиям. Но за пределами этого движения духовного Разума существует высшее переживание Сверхразума Истины-Сознания; там эти противоположности исчезают; и эти частности вытесняются богатой тотальностью верховной и целостной реализации вечного Бытия. Это и есть та цель, которую мы должны постичь, завершение нашего существования здесь при помощи подъема к супраментальной Истине-Сознанию и ее спуска в нашу природу. Тогда психическая трансформация после перерастания в духовное изменение должна завершиться, охватить все, что требуется, затем превзойти себя и быть поднятой супраментальной трансформацией, которая доставит ее к верху поднимающегося стремления.

Супраментальное сознание-энергия может в одиночку установить совершенную гармонию между этими двумя терминами (как и между любыми другими разделенными и противостоящими терминами проявляющегося Бытия) — кажущимися противостоящими только вследствие Неведения — духовным статусом и мировой динамикой в нашем телесном существовании. В неведении Природа организует порядок своих психологических движений не вокруг тайного духовного “я”, а вокруг его замены, эго принципа: определенный эго-центризм является базисом, на котором мы связываем вместе наши переживания и связи, находясь посреди всех разнообразных контактов, противоречий, двойственностей, несвязностей мира, в котором мы живем; этот эго-центризм — наша скала безопасности в море космического и бесконечного, наша защита. Но в нашем духовном изменении мы должны превзойти эту защиту; эго должно исчезнуть, а личность раствориться в обширной безличности, и в этой безличности поначалу нет ключа к упорядоченному динамизму действия. И обычно происходит разделение на две части существа: духовную — внутри, природную — снаружи; тогда в человеке божественная реализация обладает совершенной внутренней свободой, но природная часть следует старому действию Природы, увлекается механическим движением прошлой энергии когда-то приданного импульса. Но даже если осуществилось полное растворение ограниченной личности и старого эго-центричного порядка, то внешняя природа может стать полем видимой несвязности, хотя все внутри озарено “Я”. Тогда мы становимся внешне инертными и неактивными, движимыми обстоятельствами или силами, но не само-движущими (джадават) [self-mobile], даже если сознание освещено внутри, становимся детьми, наполненными внутри бескрайним само-знанием, либо становимся непоследовательными в мыслях и импульсах, хотя внутри присутствует вечный покой и безмятежность (анматтават), либо уподобляемся дикой и расстроенной душе, хотя внутри присутствует чистота и равновесие Духа (писакават). Или если все же есть порядок в динамике внешней природы, то этот порядок может быть продолжением старого порядка поверхностного действия эго, за которым наблюдает внутреннее существо, но его не принимает, либо ментальная динамика может находиться в порядке, но не может выражать в совершенстве внутреннюю духовную реализацию; ибо нет равноценности между действием разума и статусом духа. В лучшем случае даже там, где есть интуитивное руководство Света изнутри, природа его выражения в динамике действия с неизбежностью отмечена несовершенствами разума, жизни и тела, является Королем, окруженным неумелыми слугами, Знанием, выражаемым в терминах Неведения. Только спуск Сверхразума с его совершенным единством Истины-Знания и Истины-Воли может установить гармонию Духа как во внутреннем, так и внешнем существовании; ибо только Сверхразум может полностью обратить ценности Неведения в ценности Знания.

Непреложным движением является исполнение нашего психического существа, установление его связи с своим божественным источником, с его истиной в Верховной реальности; и именно мощью Сверхразума это может быть проделано с интегральной полнотой, с той тесной связью, что становится подлинным тождеством; ибо именно Сверхразум связывает высшую и низшую полусферы Одного Существования. В Сверхразуме присутствует интегральный Свет, завершающая Сила, там есть просторный вход в верховную Ананду: психическое существо, поднятое тем Светом и Силой, может объединиться с первозданным Восторгом существования, откуда оно пришло: превосходя двойственность боли и удовольствия, получаемые из всех опасений и суждений разума, жизни и тела, оно может преобразить контакты мирового существования, отлив их в форму Божественной Ананды.

Глава XXIV

МАТЕРИЯ

Он пришел к знанию, что Материя есть Брахман.

Тайтирия Упанишад (II.13.)

Теперь мы имеем рациональное убеждение в том, что Жизнь — это не необъяснимая выдумка, не невозможное зло, которое тем не менее становится начальным фактом, а могущественная пульсация Все-Существования. Мы видим что-то в ее основании и принципе, мы вглядываемся вверх в ее высокую потенциальность и конечный божественный расцвет. Но все еще остается один принцип, лежащий ниже всех остальных, принцип, который мы все еще недостаточно рассмотрели, принцип Материи, на котором Жизнь стоит как на пьедестале или из которого она развивается подобно ветвистому дереву из содержащего его семени. Разум, жизнь и тело человека зависят от этого физического принципа, и если распускание Жизни — продукт Сознания, всплывающего к Разуму, расширяющегося, поднимающегося в поисках собственной истины в широте супраментального существования и, как кажется, обусловленного этой упаковкой тела и этим основанием Материи. Важность тела очевидна; как раз потому что человек развит или ему были приданы тело и мозги, способные к восприятию и обслуживающие последовательные ментальные озарения, как раз поэтому человек возвысился над животными. Равным образом, только благодаря развитию тела или, по крайней мере, развитию функциональной части физического инструмента, способного воспринимать и обслуживать еще более высокое озарение, именно благодаря этому человек поднимется над собой и реализует, не просто в мышлении и своем внутреннем существе, но и в жизни, совершенно божественное человечество. В противном случае либо проблема Жизни сводится на нет, теряется ее значение, и земное существо может реализовать Сатчитананду, лишь отказавшись от себя, сбросив разум, жизнь и тело и возвратившись к чистому Бесконечному, либо человек не является божественным инструментом, существует predeterminedный предел сознательно прогрессивной мощности, которая отличает его от всех других земных существ, и подобно тому, как он сам заменил их, также некоторое другое существо должно со временем его заменить и перенять его наследство.

В действительности кажется, что тело с самого начала является величайшей трудностью души, ее постоянным камнем преткновения. Поэтому горячий искатель духовного исполнения проклял тело и избрал среди всех прочих вещей миро-принцип специальным объектом неприязни. Тело — это мрачная ноша, которую он не может нести; ее упрямая материальная масса порождает в нем навязчивую идею, что движит им ради освобождения к жизни аскета. Чтобы освободиться от этой инертной массы, человек доходит даже до того, что отрицает ее существование и реальность материальной вселенной. В большинстве религий налагается проклятье на Материю, и тестом религиозной истины и духовности делается отказ от физической жизни или безропотная стойкость по отношению к ней. Более старые верования, более терпящие, более мудрые, не соприкасавшиеся с агонией и беспокойным нетерпением души, несшей бремя Железного века, не делали этого грандиозного деления; они признавали Землю Матерью и Небеса Отцом и оказывали им равную любовь и почтение; но эти древние мистерии непонятны и непостижимы для нашего пристального взгляда, который, будь то материальным или духовным, одинаково довольствуется тем, чтобы одни махом разорвать Гордиев узел проблемы существования и принять уход в вечное блаженство или в конечном итоге в вечное растворение или в вечный покой.

Этот раздор в действительности начинается с нашего пробуждения к духовным возможностям; он начинается с возникновения самой жизни и с ее борьбы за установление ее форм деятельности и ее постоянных совокупностей живых форм, борьбой против силы инерции, силы несознания, против силы атомного расщепления, которые в материальном принципе являются узлом великого Отрицания. Жизнь находится в постоянной войне с Материей, и битва всегда кажется заканчивающейся видимым поражением Жизни и тем падением вниз к материальному принципу, которое мы называем смертью. Это рассогласование углубляется с появлением Разума; ибо Разум сам имеет свое несогласие как с Жизнью, так и Материей: он находится в постоянной войне с их ограничениями, в постоянном подчинении и восстании против грубости и инерции одной и страстей и страданий другой; и кажется, что со временем, хотя твердой уверенности нет, эта битва ведет к частичной и дорогостоящей победе Разума, в которой он завоевывает, подавляет или даже поработает витальные страсти, ухудшает физическое здоровье и нарушает баланс тела в интересах большей ментальной деятельности и более добродетельного [moral] бытия. Именно в этой борьбе рождается нетерпимость к Жизни, отвращение к телу и отказ от обоих в пользу чисто ментального и высоконравственного [moral] существования. Когда человек пробуждается к существованию, лежащему за пределами Разума, тогда он несет еще дальше принцип разногласия. Троица Разума, Жизни и Тела осуждается как мирское, плотское и дьявольское. Разум также объяв-

ляется источником всего нашего расстройств; война объявлена между духом и его инструментами, и победа духовного Обитателя видится в его бегстве из темной резиденции, отказе от разума, жизни и тела и отходе в собственные бесконечности. Мир являет разногласие, и мы наилучшим образом разрешим его дилеммы, если доведем сам принцип разногласия до его крайности, отсечем все друг от друга и дойдем до окончательного разделения.

Но эти поражения и победы только кажутся, это решение — не решение, а уход от проблемы. На самом деле Жизнь не побеждается Материей; она идет на компромисс, используя смерть для продолжения жизни. Разум, в действительности, не побеждает Жизнь и Материю, а только достигает несовершенного развития части своих потенциальностей ценою других, которые ограничиваются нереализованными или отвергнутыми возможностями, достижимыми при лучшем использовании жизни и тела. Индивидуальная душа не покоряет нижнюю тройку, а только отвергает их требования, накладываемые на нее, и избегает работы, которую принял дух, когда впервые бросил себя в форму вселенной. Проблема остается, поскольку работа Божественного во вселенной продолжается, но без какого-либо удовлетворительного решения или какого-либо победоносного завершения работы. Поэтому, поскольку мы стоим на той точке зрения, что Сатчитананда — суть начало, середина и конец, и что борьба и разногласие не могут быть вечными и фундаментальными принципами Его бытия, а самим своим существованием подразумевают работу к совершенному решению и окончательной победе, то мы должны искать это решение в настоящей победе Жизни над Материей и через свободное и совершенное использование тела Жизнью, в настоящей победе Разума над Жизнью и Материей через свободное и совершенное использование жизне-силы и формы Разумом и в настоящей победе Духа над этой тройкой через совершенное занятие разума, жизни и тела совершенным духом; с той точки зрения, которую мы выработали, только последнее завоевание может сделать все остальные по-настоящему возможными. Тогда, с той целью, чтобы увидеть, как эти остальные завоевания могут вообще или полностью осуществиться, должны мы постичь реальность Материи точно также, как ища фундаментального знания, мы познаем реальность Разума, Души и Жизни.

В определенном смысле Материя не реальна и не существует; то есть, наше теперешнее знание и идеи о Материи, весь накопленный в этой связи опыт является не истиной, а попросту феноменом определенной частной связи между нашими чувствами и всесуществованием, в котором мы движемся. Когда Наука открыла, что Материя раскладывается в формы Энергии, она зацепилась за универсальную и фундаментальную истину; когда философия открыла, что Материя существует только как субстанциональное явление по отношению к сознанию и что единственная реальность — это Дух или чистое сознательное Бытие, то пришла к еще большей и более законченной, еще более фундаментальной истине. Но все еще остается вопрос, почему Энергия должна принять форму Материи, а не простого сило-потока или почему в действительности Дух должен допускать явление Материи и не покоиться в состояниях, *velleties* [?] и радостях духа. Говорится, что это работа Разума либо, поскольку очевидно, что Мысль напрямую не создает и даже не воспринимает материальную форму вещей, это работа Чувства [Sense]; чувство-разум творит формы, которые, как кажется, оно воспринимает, и мышление-разум работает над этими формами, которые чувство-разум поставляет ему. Но, очевидно, что индивидуальный воплощенный разум не является творцом явления Материи; земное существование не может быть продуктом человеческого разума, который сам является продуктом земного существования. Если мы скажем, что мир существует только в наших разумах, то выразим нонсенс и нелепицу; ибо материальный мир существовал до того, как человек появился на земле и будет существовать, если человек исчезнет с лица земли или даже наш индивидуальный разум растворится в Бесконечном. Тогда мы должны заключить, что существует вселенский [универсальный - universal] Разум¹, подсознательный по отношению к нам в мощь комбинирования, но его созидательные мотивы и формы приходят к нему свыше: все созданные формы имеют свою основу в Бесконечном над Разумом, Жизнью и Материей, а здесь они только воспроизводятся, воссоздаются — очень часто неправильно воспроизводятся — из бесконечно малого. Их основание выше, их ветви уходят вниз, говорит Риг Веда. Сверхсознательный Разум, о котором мы говорим, лучше назвать Надразумом [Overmind]; в иерархическом порядке мощностей Духа он населяет зону, непосредственно зависимую от супраментального сознания.

¹ Разум, каким мы его знаем, творит только в относительном и инструментальном смысле, он имеет неограниченную форму вселенной или сверхсознательный в духе, Разум, который создал эту форму для своего обитания. И поскольку создатель должен предшествовать творению и превосходить его, то это на самом деле подразумевает существование сверхсознательного Разума, который посредством инструментальности вселенского чувства [universal sense] творит в себе отношение формы с формой и задает ритм материальной вселенной. Но в этом также нет полного решения; оно говорит, что Материя является порождением Сознания, но не объясняет, как Сознание пришло к тому, чтобы создать материю в качестве базиса своих космических работ.

Мы лучше это поймем, если вернемся к первозданному принципу вещей. Существование в своей деятельности является Сознательной-Силой, которая представляет работы своей силы своему сознанию как формы собственного бытия. Поскольку Сила является только действием одного единственно-существующего Сознательного-Бытия, то ее результатом не может быть ничто другое, кроме как форма этого Сознательного-Бытия; следовательно, Субстанция или Материя — это только форма Духа. То видимое явление, которое эта форма Духа представляет нашим чувствам, возникает как следствие разделяющего действия Разума, из которого мы смогли непрерывно проследить целостное явление вселенной. Теперь мы знаем, что Жизнь — это действие Сознательной-Силы, результатом которого являются материальные формы; Жизнь, вовлеченная в эти формы, появляясь в них вначале как подсознательная сила, развивает и приносит назад в манифестацию в качестве Разума сознание, являющееся “настоящим я” [real self] этой силы и которое никогда не прекращало свое существование в ней, даже когда и не проявлялось. Мы также знаем, что Разум — это низшая мощь первозданного сознательного Знания или Сверхразума, мощи, по отношению к которой Жизнь действует как инструментальная энергия; ибо, спускаясь через Сверхразум, Сознание или Чит представляет себя как Разум, также как Сила сознания или Тапас представляет себя как Жизнь. Разум, из-за своего отделения от собственной высочайшей реальности в Сверхразуме, придает Жизни видимость деления, и из-за своей дальнейшей инволюции в собственной Жизне-Силе, становится подсознательным в Жизни и таким образом придает материальным разработкам внешнюю кажимость бессознательной силы. Поэтому несознание, инерция, атомное деление Материи должны иметь своим источником это всеразделяющее и все-инволюционное действие Разума, благодаря которому наша вселенная пришла в бытие. Как Разум является только конечным действием Сверхразума при спуске к творению, и Жизнь предстает действием Сознательной-Силы, работающей в условиях Неведения, созданного спуском Разума, также Материя, какой мы ее знаем, является только конечной формой, принимаемой сознательным-бытием в результате этой работы. материя — это субстанция одного Сознательного-Бытия, феноменально поделенного внутри себя действием вселенского Разума² — деление, которое индивидуальный разум повторяет и в котором он пребывает, но которое не отменяет или сколь-нибудь умаляет единство Духа, единство Энергии или настоящее единство Материи.

Но зачем нужно это феноменальное и прагматическое деление неделимого Существования? Это потому что Разум должен довести принцип множественности до его крайности, что может быть сделано только путем отделения и деления. Чтобы сделать это, он должен, стремительно низвергаясь в Жизнь, творить формы Множества, давать вселенскому принципу Бытия видимость грубой и материальной субстанции, вместо чистой или тонкой субстанции. То есть, он должен придать этому принципу видимость субстанции, которая выставляет себя для контактов с Разумом как устойчивая вещь или объект в постоянной множественности объектов, а не субстанции, которая выставляет себя для контактов с чистым сознанием как нечто из его собственного вечно-чистого существования и реальности, или для тонких ощущений — как принцип пластичной формы, свободно выражающей сознательное бытие. Контакт разума с объектами создает то, что мы называем ощущением, но здесь должно быть темное воплощающее [придающее материальную форму] ощущение, которое должно обеспечивать реальность того, с чем происходит контакт. Следовательно, спуск чистой субстанции в материальную субстанцию с неизбежностью продолжает спуск Сатчитананды через Сверхразум в разум и жизнь. Как неизбежный результат воли, делающей множество бытия и результат осознания вещей возникает первый метод обретения низшего опыта существования. Если мы вернемся к духовной основе вещей, то увидим, что субстанция в своей крайней чистоте раскрывается в чисто сознательное бытие, самосуществующее, внутренне само-осознающее посредством отождествления, но еще не оборачивающее свое сознание на себя, как на объект. Сверхразум сохраняет это само-осознание посредством отождествления в качестве своей субстанции самознания и своего света само-создания, но для этого создания представляет Бытие по отношению к себе как субъект-объект, единый и множественный в собственном активном сознании. Бытие как объект удерживается там в верховном знании, которое путем охвата [by comprehension] может видеть его одновременно как объект познания внутри себя и субъективно как самого себя, но также оно может одновременно, путем схватывания [by apprehension], проецировать Бытие как объект (или объекты) познания в круге своего сознания, не отличающийся от него, являющийся его частью, но частью (или частями), удаленной от себя — то есть, от центра видения, в котором Бытие концентрируется как Познающий, Свидетель или Пуруша. Мы видели, что это схватывающее сознание дает начало движению Разума, движению, из-за которого индивидуальный познающий считает форму своего собственного вселенского бытия чем-то отличным от себя самого; но божественному Разуму присуще непосредственное или скорее одновременное другое движение или обратная сторона все того же движения — акт единения в бытии, который излечивает это феноменальное деление и предотвращает его от того, чтобы хотя бы на мгновение оно бы стало единственно реальным для познающего. Этот акт созна-

² Слово Разум здесь используется в самом широком смысле, включая действие мощи Надразума, ближе всего расположенного к супраментальной Истине-Сознанию и являющегося первым истоком создания Неведения.

тельного единения находит свое блеклое, невежественное, крайне внешнее отражение в разделяющем Разуме в виде контакта в сознании между разделенными существами и отдельными объектами, и в нас этот контакт разделенного сознания первично представлен принципом ощущения. На базе ощущения, на этом контакте единения, подчиненного делению, основывается действие мышления-разума, подготавливающего к возвращению к более высокому принципу единения, в котором деление становится подчиненным объединению. Следовательно, субстанция, какой мы ее знаем, материальная субстанция, является формой, в которой Разум, действующий через ощущение, контактирует со Сверхсознательным Бытием, по отношению к которому он сам предстает движением знания.

Но Разум по самой своей природе стремится знать и ощущать сознательное-бытие не в его единстве или тотальности, а путем принципа разделения. Он видит его в мельчайших точках, которые связывает вместе, чтобы достичь тотальности, и в эти отдельные точки, становящиеся точками зрениями в ассоциации этих точек космический Разум бросает себя и населяет их. Так пребывая в этих точках, оставаясь созидательным благодаря внутренне присущей ему силе как агенту Реальности-Идеи, понуждаемый собственной природой преобразовывать все свои восприятия в энергию жизни, подобно тому как Все-Существующее преобразует Его само-многогранность в энергию Его созидательной Силы сознания, космический Разум обращает эти множественные точки зрения вселенского существования в точки отсчета вселенской Жизни; в Материи он обращает их в формы атомного бытия, наделенного инстинктом жизни, которая формирует их и сама управляема разумом и волей, чтобы привести в действие это формирование. В то же время атомные существования, которые он так формирует, должны благодаря самому закону их бытия стремиться объединяться, собираться в одно целое; и каждое из этих атомных объединений, наделенное спрятанной жизнью, что их формирует, и спрятанным разумом и волей, что приводит их в действие, переносит с собой фикцию отделенного индивидуального существования. Каждый такой индивидуальный объект или существование поддерживается, в зависимости от того, какой в нем разум — явный или неявный, непроявленный или проявленный — либо своим механическим эго силы, в котором “воля быть” [will-to-be] находится в онемевшем состоянии и лишена свободы, но тем не менее мощна, либо своим само-осознающим ментальным эго, в котором “воля быть” освобождена, и следовательно, отдельно активна.

Таким образом, не какой-то вечный и первозданный закон вечной и первозданной Материи, а природа действия космического Разума является причиной атомного существования. Материя -это порождение, и для этого творения в качестве начальной точки необходима была бесконечно малая, крайняя поделенность Бесконечного. Эфир может существовать и в действительности существует как неуловимая, почти духовная поддержка Материи, но как явление он кажется материально необнаружимым, по крайней мере на современном уровне знания. Деля видимые молекулы или атомные образования на составные части, вплоть до отдельных атомов и расщепляя последние на мельчайшие частицы, мы все еще, вследствие природы Разума и Жизни, образовавших их, достигаем только некоторого предельного атомного существования, возможно нестабильного, но всегда реконструирующего себя в вечном потоке силы, феноменально, а не достигаем простого неатомного расширения [unatomic extension], неспособного на содержание [incapable of contents]. Неатомное расширение субстанции, расширение, которое не является объединением и соединением, существует иначе, чем как распределение в пространстве — суть реальности чистого существования, чистой субстанции; это знание Сверхразума и принципа его динамизма, не созидательная концепция разделяющего Разума, хотя Разум может осознать их за своими наработками. Это реальность, лежащая в основе Материи, но не являющаяся тем явлением, которое мы называем Материей. Сами Разум, Жизнь и Материя могут составлять одно с этим чистым существованием и сознательным расширением в их статичной реальности, но не приводятся в движение этим тождеством в их динамическом действии, само-восприятии и самообразовании.

Поэтому мы приходим к той истине о Материи, что существует концептуальное само-расширение бытия, которое вырабатывает себя во вселенной как субстанция или объект сознания и которое космический Разум и Жизнь в их созидательном действии представляют через атомное деление и соединение в качестве вещи, которую мы называем Материей. Но эта Материя, как Разум и Жизнь, все еще суть Бытие или Брахман в его само-созидательном действии. Это форма силы сознательного Бытия, форма, придаваемая Разумом и реализуемая Жизнью. Она содержит внутри себя как свою собственную реальность сознание, сокрытое от себя, вовлеченное и поглощенное в результатах своего собственного само-образования и поэтому само-забывшее. И, каким бы бессмысленным или пустым нам это ни казалось, это все же, для тайного переживания сознания, сокрытого внутри нас, восторг бытия, предлагающий себя этому тайному сознанию в качестве объекта ощущения, чтобы выманить это сокрытое божество из его скрытности. Бытие, проявляющееся как субстанция, сила Бытия, брошенная в форму, в образное само-представление тайного само-сознания, восторг, предлагающий себя в качестве объекта своему собственному сознанию — что же это, если не Сатчитананда? Материя — суть Сатчитананда, представленная Его собственному ментальному переживанию в качестве формального базиса объективного знания, действия и восторга существования.

УЗЕЛ МАТЕРИИ

“Я” не могу путешествовать к Истине светлого Господа при помощи силы или дуальности... Кто они — те, кто защищают основание лжи? Кто стражи нереального слова? Тогда существование не было не-существованием, и средний мир [mid-world] не был ни Эфиром, ни тем, что за пределами. Что покрывало все? где оно было? в чьем прибежище? что было океанической плотностью и глубиной? Смерть не была ни бессмертием, ни знанием дня и ночи. Тот Один жил бездыханным, без само-закона, и ничего не было за пределами этого.

Вначале тьма была покрыта тьмою, все было океаном несознания. Когда вселенское бытие стало сокрыто дроблением, тогда величием своей энергии Тот Один был рожден. То сначала привело в движение желание внутри, что стало первичным зерном разума. провидцы Истины открыли строение бытия в не-бытии посредством воли в сердце и при помощи мышления; их луч расширялся горизонтально; но что же было внизу, что было выше? Там были Сеятели [Casters of seed], там было Величие [Greatnesses]; был само-закон внизу и Воля наверху.

Риг Веда 2 0(V.12.2,4; X.129.1-5.)

Следовательно, если наши выводы верны — а никакие другие невозможны на основе тех данных, с которыми мы работаем — то резкое разделение между Духом и Материей, созданное практическим опытом и долгой привычкой разума, не имеет под собой никакой фундаментальной реальности. Мир — это разнообразное единство, многократное тождество, а не постоянная попытка установления компромисса между вечными диссонансами, не вечно длящаяся борьба между непримиримыми противниками. Неотъемлемое тождество, производящее бесконечное разнообразие — суть основание и начало мира; постоянное примирение за кажущимся делением и борьбой, комбинирующее все возможные несопоставимости ради обширной цели в тайном Сознании и Воле, навсегда единой и являющейся мастером собственного комплексного действия, кажется его [мира] настоящим характером в середине; поэтому мы должны предположить, что исполнение возникающей Воли и Сознания и триумфальная гармония должны явиться заключением. Субстанция — это форма себя, над которой работает мир, и если для этой субстанции Материя — один конец, то Дух — это другой конец. Эти два суть одно: Дух есть душа и реальность того, что мы ощущаем как Материю; Материя есть форма и тело того, что мы постигаем как Дух.

Конечно, существует большая практическая разница, и на этой разнице основывается целая неделимая серия вечно-восходящих градаций мира-существования. Мы говорили, что субстанция — это сознательное существование, представляющее себя чувствам в качестве объекта, так что на основе этой чувство-связи может происходить работа мира-образования и космического развития. Но не должен быть только один базис, только один фундаментальный принцип связи, непреложно созданный между чувством и субстанцией; напротив, существует восходящий и развивающийся ряд. Мы уже осведомлены о другой субстанции, в которой чистый разум работает как в своей естественной среде и которая много тоньше, более гибка и пластична, чем что-либо, распознаваемое нашими физическими чувствами как Материя. Мы можем говорить о субстанции разума, поскольку нам введом более тонкая среда, в которой возникает форма и в которой происходит действие; мы также можем говорить о субстанции чистой динамической жизне-энергии, отличной от самых тонких форм материальной субстанции и ее физически ощущаемых жизне-токов. Сам дух — это чистая субстанция бытия, представляющая себя как объект, но не физическому, витальному или ментальному чувству, а свету чистого духовного воспринимающего знания, в котором субъект становится своим собственным объектом, то есть, в котором Безвременное и Беспространственное осознает себя в чистом духовно само-познающем само-расширении в качестве базиса и первичного материала всего существования. За пределами этого основания исчезает всякое сознательное разделение между субъектом и объектом, исчезает в абсолютном тождестве, и мы уже более не можем говорить о Субстанции.

Поэтому это чисто зачинающая [conceptive] — духовно, а не ментально зачинающая разница, заканчивающаяся в практическом разделении, это разница, что создает нисходящий ряд от Духа через Разум к Материи и восходящий вновь от Материи через Разум к Духу. Но реальное тождество никогда не отменяется, и когда мы вернемся к первозданному интегральному взгляду на вещи, то увидим, что оно никогда по-настоящему не преуменьшается или ослабляется, даже в наигрубейшей плотности Материи. Брахман — это не только причина, поддерживающая мощь и населяющий принцип вселенной, это также ее материал, причем единственный материал. Материя также есть Брахман и ничто другое, как Брахман. Если бы Материя на самом деле была отрезана от Духа, это было бы не так; но, как мы видели, она является только конечной формой и объективной стороной [objective aspect] божественного Существования со всем Богом, навечно присутствующим в ней и за ней. Подобно тому, как эта кажу-

шаяся грубой и инертной Материя присутствует везде и всегда наделена инстинктом могущественной динамической силы Жизни, как эта динамическая, но кажущаяся несознательной Жизнь прячет в себе вечно-работающий невидимый Разум, чьи скрытые операции она обеспечивает нескрываемой энергией, как этот невежественный, незаренный и идущий ощупью Разум в животном теле поддерживается и полновластно направляется своим собственным настоящим “я”, Сверхразумом, который равным образом присутствует в нематериализованной Материи, точно также вся Материя, как и вся Жизнь, Разум и Сверхразум — только моды Брахмана, Вечного, Духа, Сатчитананды, которая не только пребывает во всех этих вещах, но и является ими, хотя ни одна из них не является Его абсолютным бытием.

Но все же есть эта зачинающая разница и практическое отличие, и при том, что Материя на самом деле не отрезана от Духа, она все же с практической точностью кажется отрезанной, Материя настолько отличается от Духа, даже настолько не укладывается в его закон, что материальная жизнь кажется отрицанием всего духовного существования, даже настолько, что может показаться, что отвергнув ее, мы одним махом избавимся от этой трудности — и несомненно, это так; но такой кратчайший путь не является решением. Без сомнения, в Материи кроется основное затруднение; отсюда идут препятствия: ибо из-за Материи Разум более чем полу-слеп, его крылья подрезаны, его ноги стреножены и привязаны к столбу, что удерживает его от обширности и свободы, над которыми он сознателен. Это оправдывает духовного искателя, если он, возмущаясь порочностью Материи, не приняв животную грубость Жизни или не вытерпев само-заключенной узости и направленного вниз видения Разума, решает вырваться из всего этого и путем бездействия и молчания возвратиться к недвижимой свободе Духа. Но такая точка зрения не является единственной, а также не должны мы считать ее интегральной и окончательной мудростью, хотя она возвышенно почиталась и прославлена сиянием великолепных примеров. Более того, освобождая себя от всех страстей и возмущений, давайте посмотрим, что означает этот божественный порядок вселенной, и нащупав этот великий узел и сплетение Материи, отрицающей Дух, давайте поищем и отделим эту прядь, чтобы затем ее распутать, найдя решение, а не насильно отрубить ее. Мы должны поставить проблему, определить трудность, сначала противостояние, определить полностью, четко, поставить расширенно, если будет необходимо, а не сужено, и затем поискать выход.

Во-первых, фундаментальное противостояние Материи по отношению к Духу заключается в кульминации принципа Неведения. Здесь Сознание потерялось и забыло себя в форме своих работ, подобно тому как человек может в крайней поглощенности забыть не только то, кто он, а кто он вообще и на то время стать только работой, что он делает и силой, которая это делает. Само-озаренный Дух, бесконечно сознающий себя за всеми работами силы и их хозяин, кажется здесь исчезнувшим и вовсе отсутствующим; возможно Он где-то есть, но кажется, что здесь он оставил только грубую и несознательную материальную Силу, которая творит и разрушает, полностью не зная себя или то, что она строит или почему вообще строит или почему она разрушает то, что ранее создала: она не знает, потому что не имеет разума; ее это не заботит, поскольку она не имеет сердца. И если это не настоящая истина даже материальной вселенной, если за всем этим ложным явлением присутствует Разум, Воля и нечто большее, чем Разум или ментальная Воля, все же эту темную видимость материальная вселенная представляет в качестве истины, представляет сознанию, что всплывает в ней из ее ночи; и если это не истина, а ложь, все же это действительная ложь, ибо она определяет условия нашего феноменального существования и окружает все наши стремления и усилия.

Ибо чудовищной вещью, ужасным и безжалостным чудом материальной вселенной является то, что из этого не-Разума возник разум, или по крайней мере, разум, и стали немощно бороться за свет, бороться беспомощно индивидуально, чуть менее беспомощно, когда в целях само-защиты они объединяют их индивидуальную немощь среди гигантского Несознания, являющегося законом вселенной. Из этого бессердечного Несознания и внутри его суровой юрисдикции были рождены сердца, которые устремились, были подвергнуты пыткам и окровавлены под весом слепой и бесчувственной жестокости этого железного существования, жестокости, что простерла свой закон на них и стала чувствующей в их чувствительности, грубости, дикости, ужасности. Но что же в конце концов скрывается за возможностями, что заключено в этой кажущейся мистерии? Мы можем увидеть, что это и сеть Сознание, которое утратило себя и снова возвращается к себе, всплывая из этого гигантского само-забытья, медленно, болезненно, в качестве Жизни, которая должна стать чувствующей, полу-чувствующей, смутно-чувствующей, полностью чувствующей и наконец сражающейся за то, чтобы стать более чем чувствующей, снова стать божественно само-сознательной, свободной, бесконечной, бессмертной. Но она работает к этому, находясь под законом, противоположным всем этим вещам, при условиях Материи, то есть, против захвата Несознания. Движения, которым она должна следовать, инструменты, которые она должна использовать, поставлены и сделаны для нее этой грубой разделенной Материей; эти инструменты накладывают на нас на каждом шаге неведение и ограничение.

Ибо второе фундаментальное противостояние Материи Духу заключается в кульминации рабства по отношению к механическому закону, в том, что Материя противодействует всему, что стремится освободиться, накладывая колоссальную Инерцию. Не то что сама Материя инертна; напротив, она суть бесконечное движение, непо-

стижимая сила, безграничное действие, чьи грандиозные движения служат предметом нашего постоянного восхищения. Но тогда как Дух свободен, является хозяином себя и своих работ, не ограничен ими, творит закон и сам ему не подвержен, то эта гигантская Материя жестко связана фиксированным механическим Законом, наложенным на нее, который она не понимает и даже никогда не постигает, а просто бессознательно работает так, как работает машина, не знающая, кто ее создал, а знающая только процесс и цель. И когда Жизнь пробуждается и стремится наложить себя на физическую форму и материальную силу и стремится использовать все вещи по своей воле к собственным нуждам, когда Разум пробуждается и стремится узнать “кто?”, “как?” и “почему?”, касающиеся его и всех вещей, и помимо всего прочего стремится использовать свое знание ради наложения собственного более свободного закона и само-наводящегося действия на вещи, тогда материальная Природа кажется податливой, даже содействующей, хотя после борьбы, неохотно и только до определенной точки. И после этой точки она отвечает настойчивой инерцией, труднопроходимостью, отрицанием и даже препятствует Жизни и Разуму, так что они не могут больше двигаться дальше, не могут довести до победного конца свои частичные завоевания. Жизнь борется за то, чтобы расширить себя, продлить себя и преуспеть; но когда она достигает крайней широты и бессмертия, то наталкивается на железное ограждение Материи и оказывается зажатой определенной узостью и смертью. Разум стремится помочь жизни и исполнить свой собственный импульс охватить все знание, стать всем светом, обладать истиной и стать истиной, усилить любовь и радость и стать любовью и радостью; но всегда присутствует отклонение и ошибка и грубость материальных жизне-инстинктов и отрицание и препятствие материального чувства и физических инструментов. Ошибка неотступно следует за знанием, тьма — неразлучный компаньон и фон своего света; истина успешно ищется и все же, когда она схвачена, перестает быть истиной, и исследование должно продолжаться; жизнь здесь, но не может удовлетворить себя, радость здесь, но не может подтвердить себя, и каждое из них как бы стянуто собственными цепями и как бы отбрасывает тень собственных противоположностей — гнева, ненависти и безразличия, пресыщения, печали и боли. Инерция, которой Материя отвечает на запросы Разума и Жизни, препятствует покорению Неведения и грубой Силы — мощи Неведения.

И когда мы стремимся узнать, почему это так, мы видим, что успех этой инерции и препятствия обеспечивается третьей мощью Материи; ибо третье фундаментальное противостояние Материи Духу заключается в кульминации принципа разделения и борьбы. Хотя в действительности Материя неделима, но делимость является ее целостным базисом действия, от которого, как кажется, ей навечно запрещено отдаляться; ибо ей присущи только два метода объединения — либо скопление единиц, либо ассимиляция, подразумевающая разрушение одной единицы другой; но оба эти метода единения суть признание вечного деления, поскольку даже первый скорее ассоциирует, чем объединяет и в самом своем принципе допускает постоянную возможность и потому конечную необходимость разъединения, разложения на составные части. Оба метода покоятся на смерти: один — как на средстве, другой — как на условии жизни. И оба подразумевают в качестве условия мира-существования постоянную борьбу отдельных единиц друг с другом, пытающихся поддержать себя, поддержать свои соединения, подчинить или разрушить все, что сопротивляется этому, собрать и поглотить другое как пищу, но восстающих против и избегающих принуждения, разрушения и ассимиляции путем поглощения. Когда витальный принцип проявляет свою деятельность в Материи, он находит там базис только для всех ее активностей и принуждается впрячься в ярмо; оно должен принять закон смерти, желанья и ограничения и эту постоянную борьбу за поглощение, обладание, преобладание, которые являются первым инстинктом Жизни. И когда ментальный принцип проявляется в Материи, он должен принять из матрицы и материала, в котором работает, тот же самый принцип ограничения, поиска без гарантированного нахождения, то же самое соединение и разъединение своих приобретений и составляющих своих работ, так что знание, приобретенной человеком, ментальным существом, никогда не кажется окончательным или свободным от сомнения и отрицания, и вся его трудная работа кажется приговоренной двигаться в ритме действия и реакции, делания и неделания, в циклах творения и краткого сохранения и длительного разрушения без определенного гарантированного прогресса.

Особенностью и фатальностью является то, что неведение, инерция и деление Материи накладывают на витальное и ментальное существование, возникающее в ней, закон боли и страдания и беспокойство неудовлетворенности со статусом деления, инерции и неведения. На самом деле неведение не принесло бы боли неудовлетворенности, если бы ментальное сознание было полностью невежественным, если бы оно смогло остановиться, удовлетворившись некоторой оболочкой привычки, не сознавая собственное неведение или бесконечный океан сознания и знания, в окружении которого и благодаря которому оно живет; но в точности благодаря этому всплывающее в Материи сознание пробуждается сначала к своему неведению мира, в котором живет, и который оно должно познать и хозяином которого должно стать, чтобы быть счастливым, и затем пробуждается к конечной сущности и ограниченности этого знания, к недостаточности и ненадежности мощи и счастья, которые оно приносит, пробуждается к осознанию бесконечного сознания, знания, истинного бытия, единственно в котором будет найдено победоносное и бесконечное счастье. А также препятствие инерции не принесло бы с собой беспокойство и неудовлетворенность, если витальная чувствительность, возникающая в Материи, была бы полностью инертной, если бы она удовлетворилась собственным полу-сознательным ограниченным существованием, не сознавая бесконечную

мощь и бессмертное существование, в котором она проживает как часть него и все же отделена от него, или если бы она не имела в себе ничего, что приводило бы ее к к усилиям на самом деле разделить ту бесконечность и бессмертие. Но это в точности то, к чему жизнь подводится поначалу, что она начинает чувствовать и к чему стремиться, это ее негарантированность, нужда и борьба за выживание, за само-сохранение; в конце она пробуждается к ограничению своего существования и начинает чувствовать импульс к обширности и постоянству, к бесконечному и вечному.

И когда в человеке жизнь становится полностью само-сознательной, эта неизбежная борьба, усилие и стремление достигают своей кульминации, и боль и разногласие мира наконец становятся настолько сильно ощутимыми, что невозможно примириться с ними в каком-либо удовлетворении. Человек может на долгое время успокоиться, удовлетворившись своими ограничениями или ограничив свою борьбу таким господством, которое он может обрести над миром, им населяемым, ограничившись некоторым ментальным и физическим триумфом своего развивающегося знания, триумфом над своей несознательной фиксированностью, триумфом своей маленькой, сконцентрированной сознательной воли и мощи над своими инертно-приводимыми грандиозными силами. Но также и здесь он найдет ограничение, бедную незавершенность величайших целей, которых он может достичь, и человек вынужден смотреть за пределы достигнутого. Конечное не может постоянно оставаться удовлетворенным, раз уж оно осведомлено либо о конечном, превосходящем его, либо о бесконечном за его пределами, к которому он все еще может устремиться. И если конечное смогло бы так удовлетвориться, все же кажущееся конечным существо, чувствующее себя на самом деле бесконечным или чувствующее попросту присутствие или импульс и взволнованное бесконечностью внутри, никогда не может удовлетвориться, пока не примирит эти два в той или иной степени: то, чем оно обладает и то, в чем обладании находится он. Человек суть такая кажущаяся конечной бесконечность и не может потерпеть неудачу в поисках Бесконечного. Он — первый сын земли, ставший смутно осознавать Бога внутри себя, свою бессмертность или свою необходимость бессмертия, и это знание — понукающий хлыст и крест распятия, покуда он не сможет обратить его в источник бесконечного света, радости и мощи.

Постепенное развитие, эта растущая манифестация божественного Сознания и Силы, Знания и Воли, потерявших себя в неведении и инерции Материи, могло бы стать счастливым расцветом, идущим от радости ко все большей радости и окончательно — к бесконечной радости, если бы не принцип жесткого разделения, с которого стартует Материя. Замыкание индивида в своем собственном личностном сознании отделенного и ограниченного разума, жизни и тела препятствует тому, что стало бы естественным законом нашего развития. Оно приносит в тело закон притяжения и отталкивания, защиты и атаки, разногласия и боли. Ибо каждое тело, будучи ограниченной сознательной-силой, чувствует себя подвергаемым атакам, ударам, мощным столкновениям с другими такими же ограниченными сознательными-силами или с вселенскими силами, и где оно чувствует себя надломленным или неспособным гармонизировать контактирующее и воспринимающее сознание, там оно испытывает дискомфорт и боль, притягивается и отталкивается, должно защищаться или нападать; оно постоянно принуждается подвергаться тому, что оно не желает или неспособно вынести. В эмоциональный разум и чувство-разум закон деления приносит те же самые реакции с высшей интенсивностью печали и радости, любви и ненависти, угнетения и депрессии, все брошено в термины желания, а благодаря желанию — в напряжение и усилие, и из-за напряжения — в неумеренность и недостаток силы, неспособность, ритм притяжения и разочарования, обладания и отвращения, постоянный раздор, неприятности и стесненность. В разум как целое вместо божественного закона, вливающего узкую истину в великую истину, охватывающего меньший свет более широким, окружающего низшую волю высшей трансформирующей волей, продвигающего мелочное удовлетворение к превосходному более полному удовлетворению, он приносит аналогичные двойственности истины, преследуемой ошибкой, света, покрываемого тьмою, мощи, подверженной неспособности, удовольствия сремления и притяжения, зараженного болью отвержения и неудовлетворенностью достигнутым; разум вбирает собственное бедствие наряду с бедствием жизни и тела и начинает осознавать тройной дефект и недостаточность нашего естественного существа. Все это означает отрицание Ананды, отрицание тройственности Сатчитананды и поэтому, если отрицание непреодолимо, означает тщетность существования; ибо существование в бросании себя в игру сознания и силы должно искать то движение не просто для себя, а для удовлетворения в игре, и если в игре не может быть найдено настоящего удовлетворения, то существование в конце концов должно быть оставлено как тщетная попытка, колоссальная ошибка, исступление само-воплотившегося духа.

Это целостный базис для пессемистической теории мира -оптимистической, может быть, что касается запретных миров и состояний, но пессемистическая по отношению к земной жизни и судьбе ментального существа в его отношениях с материальной вселенной. Ибо она утверждает, что поскольку самой природой материального существования является деление и самим семенем воплощенного разума является само-ограничение, неведение и эгоизм, то искать удовлетворение духа на земле или искать исхода, божественной цели или кульминации мировой игры — суетность и иллюзия; только на небесах Духа, а не в мире, либо только в истинном спокойствии Духа, а не в феноменальной активности можем мы воссоединить существование и сознание с божественным само-востор-

гом. Бесконечное может быть вновь возвращено к себе только при отказе, как от ошибки и ложного шага, от его попытки обрести себя в конечном. А также не может возникновение ментального сознания в материальной вселенной принести с собой какое-либо обещание божественного исполнения. Ибо принцип деления присущ не Материи, а Разуму. Материя суть только иллюзия Разума, в которую Разум принес собственное правило деления и неведения. Поэтому только в пределах этой иллюзии может Разум найти себя; он может только странствовать между тремя терминами разделенного существования, которое он создал: он не может обрести там единства Духа или истину духовного существования.

Что же, верно, что принцип деления Материи может быть только порождением разделенного Разума, низвергнувшего себя в материальное существование; ибо это материальное существование не имеет само-бытия, это не первозданное явление, а только форма, порожденная все-разделяющей Жизненной силой, которая осуществляет задумки все-разделяющего Разума. Выработывая бытие в эти видимости неведения, инерции и деления Материи, делящий Разум потерялся и заточил себя в темницу собственного строения, ограничил себя цепями, которые сам же и выковал. И если верно то, что делящий Разум является первым принципом творения, тогда он должен также быть конечным достижением, предельно возможным в создании, и ментальное существо, тщетно борющееся с Жизнью и Материей, подавляющее их только ради того, чтобы быть прикрепленным ими, вечно повторяющее бесплодный цикл, должно быть последним и высочайшим словом космического существования. Но такого вывода не последует, если, напротив, именно бессмертный и бесконечный Дух запаковал себя в плотную робу материальной субстанции и работает там при помощи верховной созидательной мощи Сверхразума, допуская деления Материи и власть нижнего или материального принципа только в качестве начальных условий для некоторой эволюционной игры Одного во Множестве. Другими словами, не просто ментальное существо спрятало себя в формах вселенной, а бесконечное Бытие, Знание, воля, которые всплывают из Материи сначала как Жизнь, затем в качестве Разума с остальным, все еще не обнаруженным, следовательно, появление сознания из кажущегося Бессознательного должно иметь другой и более полный термин; тогда более не невозможно появление супраментального духовного существа, которое наложит на свои ментальные, витальные, телесные работы более высокий закон, чем закон делящего Разума. Напротив, это естественный и неизбежный результат природы космического существования.

Как мы видели, такое супраментальное существо освободит разум от узла поделенного существования и будет использовать индивидуализацию разума как просто полезное подчиненное действие все-охватывающего Сверхразума; и оно также освободит жизнь от узла разделенного существования и будет использовать индивидуализацию жизни как попросту полезное подчиненное действие одной Сознательной-Силы, исполняющей свое бытие и радость в разнообразном единстве. Есть ли причина, не позволяющая ему также освободить телесное существование от теперешнего закона смерти, деления и взаимного поглощения и использовать индивидуализацию тела как просто полезный подчиненный термин одного божественного Сознательного-Существования, делающийся пригодным для радости Бесконечного в конечном? или почему бы этому духу не быть свободным в полном властном занятии формы, сознательно бессмертным даже при смене своей робы Материи, завладеть своим само-восторгом в мире, подчиненном закону единства, любви и прекрасного? И если человек является тем обитателем земли, через которого наконец может быть осуществлена трансформация ментального в супраментальное, то разве невозможно, что он может развить наряду с божественным разумом и божественной жизнью еще и божественное тело? или, если эта фраза кажется шокирующей наши теперешние ограниченные представления о человеческой потенциальности, разве не может он в развитии своего истинного существа, своего света и радости и мощи достичь божественного использования разума, жизни и тела, благодаря чему спуск Духа в форму будет одновременно по-человечески и божественно оправдан?

Только одна вещь может препятствовать этой конечной земной возможности — это если наш теперешний взгляд на Материю и ее законы на самом деле представляет единственно возможную связь между чувством и субстанцией, между Божественным как познающим и Божественным как объектом, или если другие связи и возможны, но они никоим образом невозможны здесь, а должны искаться на высших планах существования. В этом случае только на запредельных небесах должны мы искать наше полное божественное исполнение, как утверждают религии, и их другое притязание на царство Бога или царство совершенства на земле должно быть оставлено как заблуждение. Здесь же мы можем только следовать или достигать внутренней подготовки или победы, и освободив разум, жизнь и душу, должны отвернуться от незавоеванного и незавоеваемого материального принципа, от беспорядочной и неподатливой земли к тому, чтобы найти где-то нашу божественную субстанцию. Однако, нет причины, почему мы должны принять это ограничивающее заключение. Несомненно, существуют иные состояния даже самой Материи; существует восходящий ряд божественных градаций субстанции; существует возможность преображения самого материального бытия через принятие более высокого закона, чем его собственный, но которой все же и есть его собственный, поскольку этот высший закон всегда в нем присутствовал в скрытом состоянии и потенциально в собственной скрытности.

ВОСХОДЯЩИЙ РЯД СУБСТАНЦИИ

Существует “я” - суть Материи — есть и другое внутреннее “я” Жизни, наполняющее другое — существует и другое внутреннее “я” Истины-Знания — а также другое внутреннее “я” Блаженства.

Тайтирия Упанишад (II.1-5.)

Они взбирались по Индре как по лестнице. Поднявшись на очередную вершину, они ясно видели то многое, что им еще предстоит сделать. Индра принес сознание Того как цели. Подобно ястребу, коршуно, Он уселся на Сосуд и поддержал его; в Его потоке движения Он открыл Лучи, ибо Он несет его оружие: Он пробился к морским пучинам вод; великий Король, Он провозгласил четвертый статус. Подобно смертному, очищающему свое тело, подобно боевому коню, несущемуся на завоевание сокровищ, Он разлился, созывая все оболочки и наполнил эти сосуды.

Риг Веда (I.10.1,2; IX.96.19,20.)

Если мы зададимся вопросом, чем же представляется нам материальность Материи, то увидим, что в первую очередь своей видимостью твердости, осязаемости, нарастающего сопротивления, устойчивым откликом на касания Чувств. Субстанция кажется более материальной и реальной по мере того, как она все более являет нам свойство твердого сопротивления [solid resistance] и благодаря этому сопротивлению обеспечивает большую длительность чувственной формы, на которой может задержаться наше сознание; становясь же все более тонкой, менее плотной и трудно уловимой чувствами, она кажется нам менее материальной. Эта позиция нашего обыденного сознания по отношению к Материи -суть символ сущностного объекта, ради которого была создана Материя. Субстанция обретает материальный статус для того, чтобы являть себя сознанию, которое должно иметь дело с ее длительными, ясно осязаемыми образами, на которые может опереться разум и на которых он может основывать свои операции и с которыми может обращаться Жизнь, по крайней мере с относительной гарантией постоянства, в той форме, над которой она работает. Поэтому в древней Ведической формуле Земля, тип наиболее твердого состояния субстанции, была принята в качестве символического названия материального принципа. Также поэтому прикосновение или контакт служит для нас сущностным базисом ощущения; все другие физические чувства — вкус, обоняние, слух, зрение — базируются на серии все более и более тонких не прямых контактов между воспринимающим и воспринимаемым. равным образом мы видим, что в классификации Санкхьи, приводящей пять элементарных состояний Субстанции от эфира к земле, заложен принцип перехода от более тонкого к менее тонкому состоянию, так что наверху находятся тонкие эфирные вибрации, а базис составляет грубая плотность земного или твердого элементарного состояния. Поэтому Материя является последней стадией, известной нам, в переходе от чистой субстанции к базису космической связи, в которой первым символом будет не дух, а форма, и форма в ее предельно возможном развитии концентрации, сопротивления, длительного грубого образа, взаимной непроницаемости — это кульминационная точка разграничения, разделения и отделения. Это суть намерение и характер материальной вселенной, это формула сопутствующей делимости.

И если существует, как должно быть заложено в природе вещей, восходящая серия в шкале субстанции от Материи к Духу, то она должна быть отмечена последовательным уменьшением способностей, наиболее характерных для физического принципа, и последовательным наращиванием противоположных характеристик, которые поведут нас к формуле чистого духовного само-расширения. То есть, они будут отмечены все меньшим рабством по отношению к форме, все большей тонкостью и гибкостью субстанции и силы, все большим перемешиванием, взаимопроникновением, все большей мощностью ассимиляции, мощностью взаимообмена, мощностью вариации, трансмутации, унификации. Отходя от стойкости формы, мы уходим к вечности сущности; отходя от нашего положения в продолжающемся разделении и сопротивлении физической Материи, мы подходим ближе к высочайшему божественному положению в бесконечности, единстве и неделимости Духа. Это должно выдвигать фундаментальную антиномию между грубой субстанцией и чистой духовной субстанцией. В Материи Чит или Сознательная-Сила все более и более сосредотачивается для того, чтобы сопротивляться и противостоять другим сосредоточиям той же самой Сознательной-Силы; в субстанции Духа чистое сознание изображает себя свободным, ощущая свою сущностную неделимость и постоянный унифицирующий взаимообмен в качестве базовой формулы даже в наиболее разнообразной игре собственной Силы. Между этими двумя полюсами возможна бесконечная градация.

Важность этих рассмотрений значительно возрастет, когда мы остановим свое внимание на возможных связях между божественной жизнью и божественным разумом совершенной человеческой души и самим грубым и кажущимся небожественным телом или формулой физического существа, в которой мы сейчас пребываем. Эта формула суть

результат определенной фиксированной связи между чувством и субстанцией, с которой стартовала материальная вселенная. Но как эта связь не является единственно возможной связью так и эта формула не является единственно возможной формулой. Жизнь и разум могут проявляться в другой связи по отношению к субстанции и могут вырабатывать различные физические законы, другое, лучшее телосложение, даже другую субстанцию тела с более свободным действием чувства, жизни и разума. Смерть, разделение, взаимное сопротивление и исключение между телесными массами одной и той же сознательной жизне-силы суть формула нашего физического существования; узкая ограниченность игры чувств, определенность в пределах малого круга поля, продолжительность и мощь жизне-работ, помрачение, увечное движение, разрозненное и ограниченное функционирование разума -ядро, которое эта формула, выраженная в животном теле, наложила на высшие принципы. Но эти вещи не составляют единственно возможный ритм космической Природы. Существуют высшие состояния, есть высшие миры, и если их закон благодаря какому-то прогрессу человека и путем освобождения нашей субстанции из теперешнего несовершенства может быть наложен на эту чувствительную форму и инструмент нашего бытия, тогда даже здесь может быть проделана работа божественного разума и чувства, физическая работа божественной жизни в человеческой конструкции и даже может развиваться на земле нечто, что мы можем назвать божественным человеческим телом. Этим телом также может стать тело человека в результате преобразования; Земля-Мать также может обнаружить в нас свое божество.

Даже в пределах формулы физического космоса существует восходящий ряд в шкале Материи, ведущий нас от более плотного к менее плотному, от менее тонкого к более тонкому. Где мы достигаем высочайшего термина этой серии, наибольшей супра-эфирной тонкости материальной субстанции или формулировки Силы, что лежит за пределами? Это не Ничто, не пустыня; ибо не существует такой вещи как абсолютная пустыня или реальное “ничто”, и то, что мы так называем, есть попросту нечто за пределами захвата нашего чувства, нашего разума или наиболее тонкого сознания. А также неверно то, что нет ничего за пределами или что эфирная субстанция Материи является вечным истоком; ибо мы знаем, что Материя и материальная Сила -только последний результат чистой Субстанции и чистой Силы, в которых сознание светло само-сознательно и само-обладающе, а не как в Материи потерявшиеся в бессознательном сне и инертном движении. Тогда что находится между этой материальной субстанцией и той чистой? Ибо мы не перепрыгиваем от одной к другой, не переходим сразу же от бессознательного к абсолютному сознанию. Должны быть и есть градации между несознательной субстанцией и предельно само-сознательным саморасширением, как между принципом Материи и принципом Духа.

Все те, для кого хоть как-то зазвучали эти глубины, кто стал свидетелем этого, согласны с тем фактом, что существует серия все более тонких формулировок субстанции, убегающих от формулы материальной вселенной и переходящих за ее пределы. Не вникая глубоко в содержание вопроса, который оккультен и слишком труден для нашего теперешнего исследования, мы можем сказать, придерживаясь системы, на которой базируемся, что эта градация субстанции в одном важном аспекте расположения в серии может соответствовать восходящему ряду Материи, Жизни, Разума, Сверхразума и той другой высокой божественной тройки сатчитананды. Другими словами мы находим, что субстанция в своем восхождении базируется на каждом из этих принципов и делает себе последовательно характерное средство для доминирующего космического само-выражения каждого в этом восходящем ряде.

Здесь, в материальном мире, все основывается на формуле материальной субстанции. Чувство, Жизнь, Мышление базируются на том, что древние назвали Земле-Мощности, начинаются с нее, подчиняются ее законам, приспособливают свои наработки к этому фундаментальному принципу, ограничивают себя в возможностях, и если они будут развивать другое, то должны в этом развитии принять во внимание первозаданную формулу, ее цель и ее требование к божественной эволюции. Чувство работает через физические инструменты, жизнь — через физическую нервную систему и жизненные органы, разум должен строить свои операции на телесной основе и использовать материальный инструментарий, и даже его чисто ментальная работа должна брать полученные телесными органами данные в качестве поля и материала, над которыми идет дальнейшая работа. Нет необходимости в сущностной природе разума, чувства, жизни в том, чтобы они были так ограничены: ибо физические чувства-органы не являются творцами чувств-восприятий, а сами являются порождением, инструментом и необходимым удобством космического ощущения; нервная система и жизненные органы не являются творцами жизненных действий и реакций, а сами являются порождением, инструментом и необходимым удобством космической Жизне-силы; мозг не является творцом мысли, а сам является порождением, инструментом и необходимым удобством космического Разума. Следовательно, эта необходимость не является абсолютной, она телеологическая; она суть продукт божественной космической Воли в материальной вселенной, Воли, которая намеревается утвердить здесь физическую связь между чувством и объектом, устанавливает здесь материальную формулу и закон Сознания-Силы и создает благодаря ей физические образы Сознательного-Бытия, чтобы служить в качестве начального, доминирующего и определяющего факта мира, в котором мы живем. Это не фундаментальный закон бытия, а конструктивный принцип, необходимость которого вызвана намерением Духа эволюционировать в мире Материи.

На следующей ступени субстанции этим изначальным, доминирующим, определяющим фактом является более не субстанциональная форма и сила, а жизнь и сознательное желание. Поэтому мир за пределами этого материального плана должен быть миром, основанном на сознательной космической витальной Энергии, силе витального поиска и силе Желания и их само-выражении, а не на бессознательной или подсознательной воле, принимающей форму материальной

силы и энергии. Все формы, тела, силы, жизне-движения, чувства-движения, мысли-движения, развития, кульминации, само-исполнения этого мира должны определяться и заниматься этим начальным фактом Сознательной-Жизни, которому Материя и Разум должны подчиниться, должны начинаться с этого, базироваться на этом, ограничиваться или расширяться его законами, мощностями, способностями, ограничениями; и если Разум стремится развить еще большие возможности, то он все же также должен принимать во внимание первозаданную витальную формулу желания-силы, ее цель и ее требования, накладываемые на божественную манифестацию.

Точно также с более высокими ступенями. Следующая в этом ряду должна управляться доминирующим и определяющим фактором Разума. Там субстанция должна быть достаточно тонкой и гибкой, чтобы принимать формы, непосредственно накладываемые на нее Разумом, чтобы исполнять его операции, чтобы подчиняться его требованиям саморасширения и само-исполнения. Связи чувства и субстанции также должны обладать соответствующей тонкостью и гибкостью и должны определяться не связями физического органа с физическим объектом, а связями Разума с более тонкой субстанцией, над которой он работает. Жизнь такого мира явилась бы служанкой Разума в том смысле, для которого нет подходящих понятий у наших слабых ментальных операций и наших ограниченных, грубых и бунтарских витальных способностей. Там Разум доминирует как первозаданная формула, его цель преобладает, его требования превосходят все остальные в законе божественной манифестации. Еще выше Сверхразум — или, в промежутке, принципы, соприкасающиеся с ним — или еще выше чистое блаженство, чистая Сознательная Мощь или чистое Бытие замещает Разум как доминирующий принцип, и мы входим в те диапазоны космического существования, которые для Ведических провидцев были мирами озаренного божественного существования и основанием того, что они назвали бессмертием и что позднее Индийские религии изображали в фигурах подобных Брахмалоки и Голоки, некоего верховного само-выражения Бытия как Духа, в котором душа высвобождается в свои высочайшие совершеннейшие владения бесконечности и красоты вечного Божества.

Принцип, лежащий в основе этого непрерывно восходящего опыта и видения, поднятого за пределы материальной формулы вещей, заключается в том, что все космическое существование является комплексной гармонией и не кончается с ограниченным диапазоном сознания, в котором обычный человеческий разум и жизнь согласны быть заключенными. Бытие, сознание, сила, субстанция сходят и восходят по этой многоступенчатой лестнице, на каждой ступени которой бытие имеет большее само-расширение, сознание — более широкое ощущение собственного диапазона, громадности и радости, сила — большую интенсивность и более быструю и блаженную способность, а субстанция одаривает более тонкой, пластично плавучей и гибкой передачей своей первичной реальности. Ибо большая гибкость означает большую мощность — можно сказать, более истинную реальность; она менее ограничена, чем грубая, обладает большим постоянством в своем бытии наряду с большей потенциальностью, пластичностью и диапазоном становления. Каждое плато возвышенности бытия придает нашему расширяющемуся опыту более высокий план сознания и более богатый мир для нашего существования.

Но как этот восходящий ряд влияет на возможности нашего материального существования? Не было бы вообще никакого влияния, если каждый план сознания, каждый мир существования, каждая градация субстанции, каждая степень космической силы бытия была бы полностью отрезана от того, что следует за ней. Но верно как раз обратное; манифестация духа является сложной тканью, и в конструкции и построение какого-то одного принципа все остальные принципы входят как элементы одного духовного целого. Наш материальный мир является продуктом всего остального, так как все остальные принципы опустили в Материю, чтобы создать физическую вселенную, и каждая частица того, что мы называем Материей, содержит неявно в себе остальное; их тайное действие, как мы видели, вовлечено в каждое мгновение ее существования и каждое движение ее деятельности. И поскольку Материя есть последнее слово нисхождения, то она также является и первым словом восхождения; поскольку мощности всех этих планов, миров, ступеней, степеней вовлечены в материальное существование, то они способны эволюционировать из него. Именно по этой причине материальное бытие не начинается и не кончается газами, химическими соединениями и физическими силами и движениями, галактиками, солнцами и землями, а развивает жизнь, развивает разум, должно окончательно развить Сверхразум и более высокие ступени духовного существования. Эволюция протекает под непрекращающимся давлением супра-материальных планов на материальный, вынуждая его испускать из себя их принципы и мощности, которые в противном случае могли бы, предположительно, спать, заключенные в твердость материальной формулы. Последнее, доведенное до своей крайности, было бы неправдоподобным, поскольку присутствие высших планов предполагает цель их освобождения; но все же этой необходимости, идущей снизу, фактически очень способствует давление родственных превосходящих планов.

А также не может эта эволюция кончиться первой скудной формулировкой жизни, разума, сверхразума, духа, уступающих вместе со своими высшими мощностями сопротивляющейся мощности материи. Ибо по мере их эволюции, по мере их пробуждения, по мере того, как они становятся более активными и более жадными до собственных потенциальностей, по мере этого также должно увеличиваться давление на них с превосходящих их планов, давление, вовлеченное в существование и близкую связь и взаимозависимость миров, должно увеличиваться в интенсивности, мощности и действительности. Эти принципы не только должны проявиться снизу в некотором ограниченном соответствующем появлении, но также должны они спуститься свыше в их характерной мощности и наиболее полном расцвете в материальном бытии;

материальное создание должно открыться ко все более и более широкой игре их активностей в Материи, и все, что требуется — это подходящее восприятие, среда, инструмент. Это предусматривается для тела, жизни и сознания человека.

Конечно, если бы тело, жизнь и сознание были ограничены возможностями грубого тела, являющегося всем тем, что принимают наши физические чувства и физическая ментальность, то для этой эволюции были бы очень узкие границы, и человеческое существо не могло бы надеяться выполнить что-либо существенное большее, чем его теперешнее достижение. Но как открыла древняя наука, это тело не является целым телом даже нашего физического существа; эта грубая плотность еще не вся наша субстанция. Старинное знание Вед повествует нам о пяти степенях нашего существа: материальной, витальной, ментальной, идеальной, духовной или блаженной, и каждой из этих ступеней нашей души соответствует градация нашей субстанции, оболочка, как она образно называется на древнем языке. Более поздняя психология открыла, что эти пять оболочек нашей субстанции служат материалом для трех тел: грубого физического, тонкого и казуального, в каждом из которых душа фактически пребывает одновременно, хотя “здесь и сейчас” мы поверхностно осознаем только материальный носитель. Но можно осознать также наши другие тела, и в действительности открытость завесы между ними, и следовательно, между нашей физической, психической и идеальной личностями является причиной тех “психических” и “окультурных” явлений, которые сейчас начались все более исследоваться, хотя все еще недостаточно и топорно, даже если накоплено много материала. Древние Хатха-йогины и Тантристы Индии уже давно создали науку об этой материи высшей человеческой жизни и тела. Они открыли в плотном теле шесть нервных центров жизни, соответствующим шести центрам жизни и разума в тонком теле, и разработали тонкие физические упражнения, посредством которых эти центры, сейчас закрытые, могут открыться, и может войти в человека высокая физическая жизнь, соответствующая нашему тонкому существованию, и даже могут быть разрушены препятствия на пути обретения тонкого опыта. Важно отметить, что одним обнадеживающим результатом практики Хатха-йоги, проверенным во многих отношениях, явился контроль над физической жизне-силой, освободивший Хатха-йогинов от обычных привычек или так называемых законов, мыслимых физической наукой неотделимыми от жизни в теле.

За всеми этими выражениями древней психо-физической науки лежит один великий факт и закон нашего существа, что каким бы ни было временное положение формы [poise of form], сознания, мощи в этой материальной эволюции, за всем этим должно стоять большее, более истинное существование, по отношению к которому это положение формы предстает только внешним результатом и физически осязаемой стороной. Наша субстанция не кончается с физическим телом; это только земной пьедестал, земная основа, материальная точка отсчета. Как за нашей разбуженной ментальностью существуют более широкие диапазоны сознания, подсознательные и сверхсознательные по отношению к ней, и которые мы иногда, может статься, вдруг осознаем, так же за нашим грубым физическим существованием присутствует другая и более тонкая градация субстанции с более тонким законом и большей мощностью, поддерживающая более плотное тело и которая путем вступления в диапазон сознания, принадлежащий ей, может наложить свои законы и мощности на нашу плотную материю и заменить на более чистые, более высокие, более сильные условия бытия грубость и ограничение нашей теперешней физической жизни, импульсы и привычки. Если бы это случилось, тогда бы эволюция великолепного физического существования, не ограниченного обычными условиями животного рождения, жизни и смерти, трудного содержания и возможностью разлада, упадка и подчинения бедным неудовлетворенным витальным страстям, перестала бы иметь видимость грезы и химеры и стала бы возможностью, базирующейся на рациональной и философской истине, находящейся в согласии со всем тем остальным, что мы до этого знали, переживали и о чем мы могли думать как о явной и сокровитной истине нашего существования.

Вот рациональное пояснение; ибо слишком явно проступает непрерывающийся ряд принципов нашего бытия и слишком близка их взаимная связь, чтобы можно было забраковать один из них и выбросить, тогда как для других уготовано божественное освобождение. Восхождение человека от физического к супраментальному должно открыть возможность соответствующего восхождения в градации субстанции к тому идеальному или казуальному телу, отвечающему нашему супраментальному существу, и покорение Сверхразумом низших принципов и их освобождение в божественную жизнь и божественную ментальность также должно предоставлять возможность покорения наших физических ограничений мощью и принципом супраментальной субстанции. И это подразумевает эволюцию не только беспрепятственного сознания, эволюцию, при которой разум и чувства остается заточенными в стенах физического эго или ограниченными бедным базисом знания, придаваемым физическими органами чувства, а это подразумевает все большее освобождение жизне-мощности из ее смертных ограничений, достижение физической жизни, пригодной для божественного обитателя и — не в смысле прикрепления к или ограничения нашей теперешней телесной конструкцией, а в смысле превышения закона физического тела — покорение смерти, земное бессмертие. Ибо из божественного Блаженства, первозданного Восторга существования, Господь Бессмертия приходит разливающим вино этого Блаженства, мистическую Сому, в эти кувшины ментализированной живущей материи; вечный и прекрасный, он вступает в эти оболочки субстанции для интегральной трансформации существа и природы.

СЕМЕРНАЯ ХОРДА БЫТИЯ

В невежестве своего разума “я” спрашиваю об этих ступенях Богов, что проложены внутри. Все-знающие Боги взяли Младенца [Infant of year] и обвили его семью нитями, чтобы сделать эту ткань.

Риг Веда (I.164.5.)

Под пристальным взглядом на семь великих терминов существования, которые древние провидцы выделили как основание и семерную моду всего космического существования, мы теперь распознали переходные ступени эволюции и инволюции и достигли базиса знания, к которому стремились. Мы установили, что происхождение, содержание, начальная и конечная реальность всего того, что есть в космосе — это триединный принцип трансцендентного и бесконечного Существования, Сознания и блаженства, что является природой божественного бытия. Сознание имеет два аспекта, озаряющий и действенный, состояние и мощь само-осознания и состояние и мощь само-силы, благодаря чему Бытие обладает собой как в статическом состоянии, так и в динамическом движении; ибо в своем созидательном действии оно знает благодаря всемогущему само-осознанию все то, что скрыто в нем и производит и управляет вселенной своих потенциальностей при помощи всеведущей само-энергии. Это созидательное действие Все-Существующего имеет свой узел в четвертом, промежуточном принципе Сверхразума или Реальности-Идеи, в котором божественное Знание составляет одно с само-существованием и само-осознанием и субстанциональной Волей, которая находится в совершенном согласии с этим знанием, поскольку она сама в своей субстанции и природе является само-сознательным само-существованием, динамическим в озаренном действии, эта Воля непогрешимо развивает движение, форму и закон вещей в правильном соответствии с их само-существующей Истиной и в гармонии со значениями ее манифестации.

Это творение зависит от и движется между двуединым принципом единства и множественности; это многообразие идеи, силы и формы, являющееся выражением перводанного единства, и это вечное тождество, являющееся основанием и реальностью множественных миров, делает возможным их игру. Поэтому Сверхразум распоряжается двойной способностью охватывающего и проникающего знания; проходя от сущностного тождества к результирующему единству, он охватывает все вещи в себе как себя Одного в многообразных сторонах и проникает отдельно в каждую вещь в себе как объект своей воли и знания. В то время как по отношению к его перводанному само-осознанию все вещи суть одно бытие, одно сознание, одна воля, один само-восторг, и целостное движение вещей суть движение одно и неделимое, то в своем действии он следует от единства к множественности и от множественности к единству, создавая упорядоченную связь между ними и творя взаимосвязь, но не связующую реальность разделения, создавая тонкое неотделяющее деление или, скорее, проводя линию разграничения и определения внутри неделимого. Сверхразум — это божественный гнозис, который творит, поддерживает миры и управляет ими: это тайная Мудрость, которая поддерживает как наше Знание, так и наше Неведение.

Мы также открыли, что Разум, Жизнь и Материя суть тройной аспект разработки этих высших принципов, насколько вселенная рассмотрена, в подчинении принципу Неведения, поверхностному и кажущемуся само-забытию Одного в его игре деления и множественности. В действительности, эти три принципа — только подчиненные принципы божественной четверки: Разум — это мощь, подчиненная Сверхразуму, мощь, которая приняла точки отсчета деления, в действительности забыла здесь о стоящем позади тождестве, хотя и способна вернуться к нему благодаря озарению из супраментального; аналогично, Жизнь — это мощь, подчиненная энергетической стороне Сатчитананды, это Сила, вырабатывающая форму и игру сознательной энергии с точки зрения разделения, сделанного Разумом; Материя — это форма субстанции бытия, которую принимает существование Сатчитананды, когда подчиняется этому феноменальному действию собственного сознания и силы.

Кроме того, есть и четвертый принцип, который приходит проявление как узел разума, жизни и тела, это то, что мы называем душой; но душа имеет двойное явление, на переднем плане — желание-душа, стремящаяся к обладанию и восторгу вещей, и за желанием-душой, полностью или в значительной степени сокрытая ей, присутствует истинная психическая сущность, являющаяся настоящим вместилищем опыта духа. И мы сделали вывод, что этот четвертый человеческий принцип является проекцией и действием третьего божественного принципа бесконечного Блаженства, но действием в терминах нашего сознания и при условиях эволюции души в мире. Как существование Божественного является в своей природе бесконечным сознанием и само-мощью этого сознания, так природа бесконечного сознания является чистым и бесконечным блаженством;

само-обладание и само-осознание — существо его само-восторга. Космос также является игрой этого божественного само-восторга, и восторг этой игры находится в полном владении Вселенского; но вследствие действия неведения и деления в индивиде он удерживается позади в сублиминальном и сверхсознательном бытии; на нашей поверхности он утрачен и должен искаться, находиться и поступать во владение путем развития индивидуального сознания к универсальности и трансцендентности. Поэтому мы можем, если угодно, выделить восемь¹ принципов вместо семи, и тогда мы постигаем, что наше существование является некоторого рода преломлением божественного существования, в нисходяще-восходящем порядке соответствия:

Существование	Материя
Сознание-Сила	Жизнь
Блаженство	Психическое
Сверхразум	Разум

Божественное нисходит в космическое бытие с чистого существования через игру Сознания-Силы и Блаженства и созидательную среду Сверхразума; мы поднимаемся из Материи через развивающуюся жизнь, душу и разум и освещенную среду Сверхразума к божественному бытию. Узел этих двух, высшей и низшей полусфер² откроется своей божественной свободой как форме божественного Существования. И если есть какая-то цель эволюции, которая сейчас нашла свой венец в человеческом существе, если существует какая-то цель, отличная от бесцельного круговорота и индивидуального ухода с этого круга, если бесконечная потенциальность создания, стоящего между Духом и Материей с промежуточной мощью между ними, имеет какой-либо иной смысл, чем окончательное пробуждение от заблуждения жизни путем неприятия и отвращения от космического усилия и его полного отвержения, то тогда даже такое светлое и могущественное преображение и появление Божественного в создании должно быть этой высоко-поднятой целью и иметь верховную значимость. Прорыв этой прослойки — условие божественной жизни для человечества; ибо благодаря этому прорыву, путем озаренного спуска высшего в природу низшего бытия и могущественного подъема низшего бытия в природу высшего, разум может вновь обрести свой божественный свет во все-охватывающем Сверхразуме, душа реализует свое “божественное я” во все-обладающей все-блаженной Ананде, жизнь вновь станет обладать своей божественной мощью в игре всемогущего Сознания-Силы, и Материя — там, где разум и Сверхразум соприкасаются через тонкую прослойку.

Но прежде чем обратиться к психологическим и практическим условиям, при которых такое преображение может обратиться из сущностной возможности в динамическую потенциальность, мы должны еще многое рассмотреть; ибо мы должны распознать не только сущностные принципы спуска Сатчитананды в космическое существование, что мы уже сделали, но и обширный план ее порядка здесь, и природу и действие проявленной мощи Сознательной-Силы, которая господствует над условиями, при которых мы сейчас существуем. Прежде всего, мы сначала увидели, что семь или восемь принципов, исследованных нами, являются сущностными для всего космического творения и заложены проявленными или еще непроявленными в нас, в этом “Инфанте на года” [Infant of year], каким мы еще являемся — ибо мы все еще далеки от того, чтобы быть зрелыми инструментами эволюционирующей Природы. Высшее Триединство — это источник и базис всего существования и игры существования, и весь космос должен быть выражением и действием сущностной реальности. Вселенная не может быть только формой бытия, которая появилась и обрисовалась в абсолютном нуле и пустыне и остается выставленной против не-существующей пустоты. Она должна быть либо рисунком существования [figure of existence] внутри бесконечного Существования, остающегося за пределами всяких рисунков, либо самим Все-существованием. В действительности, когда мы объединяемся с космическим бытием, то видим, что на самом деле эти две вещи суть одна; то есть, это Все-Существование, изображающее себя в бесконечной серии ритмов в Его собственном концептуальном расширении Себя как Пространство и Время. Более того, мы видим, что это космическое действие или любое космическое действие невозможно без игры бесконечной Силы Существования, производящей и регулирующей все эти формы и движения; и то, что Сила равным образом предполагает или является действием бесконечного Сознания, поскольку есть в его природе космическая Воля, определяющая все связи и схватывающая их своей собственной модой осознания, и она не могла бы так определять их и схватывать их, если бы не было охватывающего Сознания позади этой моды космического осознания, чтобы зачинать, а также поддерживать, закреплять и отражать через свои связи Бытия в развивающемся образовании или становлении себя, которое мы называем вселенной.

Наконец, Сознание всеведущее и всемогущее, находится в полном светлом обладании собой, и такое полное светлое обладание по самой своей природе необходимо является Блаженством, ибо оно не может быть

¹ Провидцы Вед говорят о семи Лучах, но также и о восьми, девяти, десяти или двенадцати.

² Парардха и Апарардха.

ничем иным, обширный вселенский само-восторг должен быть причиной, сущностью и объектом космического существования. “Если бы это было не так”, — говорят древние провидцы, — “если бы этот все-включающий эфир Восторга существования, в котором мы пребываем, если бы этот восторг не был бы нашим эфиром, то ничего не могло бы дышать, ничто не смогло бы жить”. Это самоблаженство может стать подсознательным, кажущимся потерянным на поверхности, но должно оно быть не только в наших корнях, все существование должно быть сущностно поисками и попытками открыть его и обладать им, и по мере того, как творение в космосе находит себя, будь то в воли и мощи или в свете и знании или в бытии и широте или в любви и радости самой по себе, это творение пробуждается к чему-то из тайного экстаза. Радость бытия, восторг реализации посредством знания, восторженное обладание посредством воли и мощи созидательной силы, экстаз единения в любви и радости — высочайшие термины расширяющейся жизни, поскольку они — сущность самого существования в его скрытых корнях, как и на еще невидимых высотах. Следовательно, где бы не проявлялось космическое существование, эти три термина должны быть за ним и внутри него.

Но бесконечному Существованию, Сознанию и Блаженству вообще не требуется бросать себя в видимое бытие или, делая это, это было бы не космическое бытие, а попросту бесконечность фигур без фиксированного порядка или связи, если бы они не поддерживали или не развивали и приносили из себя этот четвертый термин Сверхразума, божественного Гнозиса. В каждом космосе должна быть мощь Знания и Воли, которая из бесконечной потенциальности фиксирует определенные связи, растит плоды из семени, раскрывает могущественные ритмы космического Закона и обзирает миры и управляет ими как их бессмертный и бесконечный Провидец и Правитель³. На самом деле эта мощь есть ни что иное, как Сама Сатчитананда; она не создает ничего, что не было бы в ее собственном само-существовании, и по этой причине всякий космический и настоящий Закон есть вещь, наложенная не снаружи, а изнутри, все развитие есть само-развитие, все семена и плоды есть семена Истины вещей, и плоды этих семян определяются их потенциальностями. По той же самой причине никакой Закон не абсолютен, поскольку только бесконечное абсолютно, и любая вещь содержит внутри себя неисчислимы потенциальности, совершенно превосходящие ее определенную форму и курс, которые определяются только через само-ограничение посредством Идеи, отправляющейся от бесконечной свободы внутри. Эта мощь само-ограничения с необходимостью внутренне присуща неограниченному Все-Существующему. Бесконечное не было бы бесконечным, если бы оно не могло допустить многократную конечность; Абсолют не был бы Абсолютом, если бы он отрицал в знании и мощи и воли и проявлении существа неограниченную способность само-определения. Следовательно, этот Сверхразум есть Истина или Реальность-Идея, внутренне присущая всякой космической силе и существованию, которая по мере необходимости, сама оставаясь бесконечной, определяет и комбинирует и поддерживает связь и порядок и крупные линии манифестации. На языке Риш Вед, подобно тому как бесконечное Существование, Сознание и Блаженство — три высочайших и скрытых Имени Безымянного, так и этот Сверхразум — четвертое Имя — четвертое по отношению к тому в его нисхождении, четвертое по отношению к нам в нашем восхождении.

Но Разум, Жизнь и Материя, нижняя тройка, также необходима для всего космического бытия, но не необходимо в той форме или с действием и условиями, которые мы знаем на земле или в этой материальной вселенной, а в некоторого вида действии, возможно, очень светлом, могущественном, тонком. Ибо Разум есть сущностно способность Сверхразума, которая измеряет и ограничивает, фиксирует некоторый частный центр и обозревает оттуда космическое движение и его взаимодействия. Устанавливая это в каком-то частном мире, на каком-то плане или в космическом устройстве, разуму не требуется быть ограниченным или, лучше сказать, существу, использующему разум в качестве подчиненного дарования, нет необходимости быть неспособным видеть вещи из других центров или с других точек зрения или даже из настоящего Центра всего или в обширности вселенского само-растворения, все же если это существо не способно зафиксировать себя нормально на собственной прочной точке отсчета для определенных целей божественной деятельности, если есть только вселенское само-растворение или только бесконечные центры без некоторого определяющего или свободно ограничивающего центра, тогда нет и космоса, а есть только Бытие, бесконечно размышляющее внутри Себя как творец или поэт может свободно замышлять, прежде чем приступить к определенной творческой работе. Такое состояние должно где-то существовать на бесконечной шкале существования, но это не то, что мы понимаем под космосом. какой бы порядок не мог бы быть там в нем, он должен быть разновидностью нефиксированного, освобожденного порядка, таким, в каком мог бы развиваться Сверхразум, прежде чем приступить к работе фиксированного развития, измерения и взаимодействия связей. Для этого измерения и взаимодействия необходим разум, хотя ему не требуется ни осознавать себя как нечто иное, как подчиненное действие Сверхразума, ни развивать взаимодействие связей на базе само-заклученного эгоизма, такого, какой мы видим деятельным в земной Природе.

³ Провидец, Мыслитель, Он, кто становится везде, Само-существующее. — Иша Упанишад. 8.

Раз уж Разум существует, то это влечет за собой Жизнь и Форму субстанции; ибо жизнь есть попросту определение силы и действия, связи и взаимодействия энергии из многих фиксированных центров сознания — фиксированных, не обязательно в пространстве или времени, а в устойчивом сосуществовании существ или душе-форм Вечного, поддерживающего космическую гармонию. Эта жизнь может очень отличаться от той жизни, какой мы ее знаем или постигаем, но сущностно она будет тем же работающим принципом, который мы видим здесь изображенным в качестве витальности — принципом, которому древние индийские мыслители дали имя Вайи или Праны, жизне-вещества, субстанции воли и энергии в космосе, вырабатываемой в определенной форме, действии и сознательном динамизме бытия. Субстанция также может очень отличаться от тех представлений и ощущений, какие мы имеем о материальном теле, быть гораздо более тонкой, менее жестко ограниченной своим законом само-деления и взаимного сопротивления, и тело или форма может быть инструментом, а не тюрьмой, но все же для космического взаимодействия некоторая определенность формы и субстанции будет всегда необходима, даже если это будет только ментальное тело или нечто более светлое, тонкое и могущественнее и свободнее откликающееся, чем наиболее свободное ментальное тело.

Следовательно, каким бы ни был Космос, даже если в нем поначалу виден только один принцип, даже если сначала этот принцип кажется единственным, и что-либо еще, что может впоследствии проявиться в мире, кажется не более чем его формами и результатами и не чем-то обязательным для космического существования, такой вид, представляемый бытием, может быть только иллюзорной маской или видимостью настоящей правды. Где один принцип проявлен в Космосе, там же все остальные принципы должны не просто присутствовать и быть пассивно сокрытыми, а тайно находиться за работой. В любом земном мире его диапазон и гармония бытия может открыто охватывать все семь принципов в большей или меньшей степени задействованности; в другом мире все принципы могут быть вовлечены в один, который становится изначальным или фундаментальным принципом эволюции в этом мире, но там должна быть эволюция инволюционного. Эволюция семикратной мощи бытия, реализация семерного Имени должна быть судьбой любого мира, который кажется стартующим с инволюции всего в одной мощности. поэтому материальная вселенная была ограничена в природе вещей тем, чтобы развить из скрытой жизни видимую жизнь, из спрятанного разума — видимый разум, и согласно той же природе вещей она должна развить из спрятанного сверхразума видимы Сверхразум, и из сокрытого внутри него Духа — триединое великолепие Сатчитананды. Единственный вопрос -это будет ли земля сценой этого появления или будет человеческое создание на этой или какой-либо другой материальной сцене, в этом или другом цикле больших оборотов Времени, его инструментом и средством. Древние провидцы верили в эту возможность для человека и придерживались ее как божественного предназначения; современные мыслители даже не постигают этого, а если постигают, то отрицают или сомневаются. Если у них есть видение сверхчеловека, то в образе возросших степеней ментальности или витальности; они не допускают никакого нового возникновения, не видят ничего за пределами этих принципов, ибо эти принципы очертили для нас до сих пор наш предел и круг. В этом развивающемся мире, с этим человеческим творением, в ком была зажжена божественная искра, настоящей мудростью скорее будет высокая устремленность, чем отрицание стремления, чем жизнь с надеждой, которая ограничивается и замуровывает себя в пределах этих узких границ кажущейся возможности, стен, которые составляют только промежуточный дом для тренировок. В духовном порядке вещей, чем выше мы направляем наш взгляд и наше стремление, тем больше Истина, которая ищет того, чтобы спуститься на нас, поскольку она уже внутри нас и вызывает к своему освобождению из-под покрова, который скрывает ее в проявляющейся Природе.

СВЕРХРАЗУМ, РАЗУМ И НАДРАЗУМНАЯ МАЙЯ

Здесь Вечное, Истина, сокрытая Истиной, где Солнце распрягает своих коней. Десят сот (его лучей) приходят вместе — Тот Один. “я” видел само великолепие Форм Богов.

Риг Веда (V.62.1.)

Лик Истины сокрыт золотой крышкой; убери ее, О Светозарное Солнце, во имя Закона Истины, ради видения. О Солнце, О единственный провидец, выстрой свои лучи, собери их вместе — позволь мне увидеть наиболее великоленную форму всего [thy happiest form of all] ; везде Сознательное Бытие, Он это Я.

Иша Упанишад (Стихи 15,16)

Истина, Справедливость, Обширность.

Атхарва Веда (XII.1.1.)

Это становится как истиной, так и ложью. Это становится Истиной, даже все это, что есть.

Тайттирия Упанишад (II.6.)

Один вопрос остался невыясненным — процесс падения в Неведение; ибо мы видели, что ничто в первозданной природе Разума, Жизни или Материи не предвещает выпадения из Знания. На самом деле было показано, что это деление сознания — базис Неведения, отделение индивидуального сознания от космического и трансцендентного сознания, чьей сокровенной частью оно еще является и в сущности от него неотделимо, отделение разума от супраментальной Истины, по отношению к которой он должен быть подчиненным действием, отделение Жизни от первозданной Силы, энергию которой она представляет, отделение Материи от первозданного Существования, по отношению к которому она предстает одной формой субстанции. Но все еще следует прояснить, как такое отделение стало возможным в неделимом, при помощи какого особенного само-уменьяемого или само-стирающего действия Сознания-Силы в Бытии: поскольку все суть движение этой Силы, то только из-за некоторого такого действия, затмевающего собственный полный свет и мощь, может возникнуть динамическое и эффективное явление Неведения. Но это проблема была опущена для того, чтобы рассмотреть ее при более близком изучении дуального явления Знания-Неведения, которое делает наше сознание смесью света и тьмы, полу-светом между полным днем супраментальной истины и ночью материального Несознания. Теперь необходимо заметить лишь то, что это явление должно лежать в самом сущностном характере исключительной концентрации на одном движении и статусе Сознательного Бытия, которое помещает все остальное сознание и бытие позади явления и скрывает его там, выделяя только одно частное движение, которое становится для нас истинным знанием.

Все же есть один аспект этой проблемы, который следует немедленно рассмотреть; это пропасть, созданная между Разумом, каким мы его знаем, и супраментальной Истиной-Сознанием, по отношению к которой, как мы нашли, Разум в своих истоках был подчиненным процессом. Ибо эта пропасть внушительна, и если нет ступеней между двумя этими уровнями сознания, то переход от одного к другому, будь то в нисходящей инволюции Духа в Материю или в соответствующей эволюции в Материи по скрытым ступеням, ведущим назад к Духу, кажется невероятным, если не невозможным. Ибо Разум, каким мы его знаем, является мощью Неведения, ищущей Истины, пытающейся наощупь найти ее, достигая только ментальных конструкций и ее представлений в словах и идеях, в образованиях разума, формациях чувств — как если бы черно-белая фотография или кинофильм об отделенной Реальности был бы всем тем, что он может достичь. Сверхразум, напротив, действительно и естественно обладает Истиной и ее образованиями как формами Реальности, а не построениями, представлениями или показательными фигурами. Несомненно, развивающийся разум стеснен своим заключением в темность этой жизни и тела, а первозданный принцип Разума в инволюционном нисхождении является вещью гораздо большей мощности, которой мы не полностью достигли, которая способна свободно действовать в собственной сфере или провинции, строить более откровенные конструкции, более детально вдохновленные образования, более тонкие и важные воплощения, в которых свет Истины присутствует и осязаем. Но все же невероятно, чтобы этот принцип разума, сущностно был другим в своем характерном действии, ибо он также является движением в Неведение, не еще неотделенной порцией Истины-Сознания. Должна быть промежуточная мощь и план сознания в нисходяще-восходящей шкале Бытия, возможно, что-то большее, чем это, что-то с первозданной созидательной силой, через которую был осуществлен этот инволюционный переход от Разума в Знании к Разуму в Неведении, и через которую

обратный эволюционный переход становится постижимым и возможным. Для инволюционного перехода это вмешательство является логическим императивом, а для эволюционного — практической насущностью. Ибо в эволюции действительно существуют радикальные переходы, от неопределенной Энергии к организованной Материи, от неживой Материи к Жизни, от подсознательной или субментальной к воспринимающей, чувствующей и действующей Жизни, от примитивной животной ментальности к концептуальному рассуждающему Разуму, наблюдающего Жизнь и управляющего ею, наблюдающего также себя, способного действовать в качестве независимой сущности и даже сознательно искать превосходения самого себя; но эти скачки, даже значительные, до некоторой степени подготовлены медленными переходами, которые делают их постижимыми и возможными. Не может быть такого огромного, как кажется, пробела между супраментальной Истиной-Сознанием и Разумом в Неведении.

Но если существуют такие промежуточные ступени, то ясно, что они должны быть сверхсознательны по отношению к человеческому разуму, который, как кажется, в своем обычном состоянии не имеет входа в эти высшие сферы бытия. Сознание человека ограничено его разумом и даже заданным диапазоном или шкалой разума: все, что ниже его разума, субментальное или ментальное, но не подпадающее под его шкалу, попросту кажется ему подсознательным или неотличимым от полного несознания; все, что выше — для него сверхсознательно, и разум почти расположен считать его пустыней сознания, видом светлого Несознания. Как человек воспринимает только какой-то определенный диапазон звуков или цветов, и все, что выше или ниже этого диапазона, для него беззвучно и невидимо или, по крайней мере, неразлично, так же шкала ментального сознания, крайние точки которой задаются неспособностью, отмечает верхний и нижний пределы человека. Человек не имеет достаточных средств связи даже животными, своими ментальными сородичами, хотя и не равными ему, и человек даже может отрицать наличие у них разума или настоящего сознания, поскольку моды их сознания — иные и сосредоточены в узком диапазоне, с которым человек не знаком; человек может наблюдать субментальное бытие со стороны, но совсем не может установить с ним связь или непосредственно войти в его природу. Равным образом сверхсознательное для него — закрытая книга, которая может быть заполнена только пустыми страницами. Тогда на первый взгляд кажется, что как будто бы человек не имеет средств связи с этими высшими ступенями сознания: если это так, то эти ступени не могут служить связующим звеном или мостом, и эволюция должна закончиться на человеке, заполнив ментальный диапазон и не в силах преодолеть его; тогда Природа, очертив эти пределы, написала “конец” его восходящим усилиям.

Но при более пристальном взгляде мы начинаем понимать, что эта “нормальность” обманчива и что в действительности существует несколько направлений, в которых человеческий разум устремляется за свои пределы, стремится к тому, чтобы превзойти самого себя; это в точности необходимые линии контакта или скрытые или полу-скрытые переходы, соединяющие разум с высшими уровнями сознания само-проявляющегося Духа. Во - первых, мы уже отметили то место, которое занимает Интуиция в человеческих средствах познания, и Интуиция по своей природе является проекцией характерного действия этих высших уровней на разум Неведения. Верно, что в человеческом разуме ее действие по большей части сокрыто вмешательством нашего обычного интеллекта; чистая интуиция редко встречается в нашей ментальной деятельности: ибо то, что мы называем этим именем, обычно является точкой прямого знания, которая сразу же схватывается ментальным веществом и затягивается им, так что она служит только невидимым или мельчайшим центром кристаллизации, которая в своей массе интеллектуальна или в противном случае ментальна по своему характеру; либо иначе вспышки интуиции быстро замещаются или прерываются, прежде чем получают шанс проявиться, быстрым имитирующим ментальным движением, пронизательностью или быстрым восприятием или скоротечным прыжком мысли, обязанными своим появлением побуждению приходящей интуиции, но препятствующими ее входу и покрывающими ее ментальным заменителем, верным или ошибочным, но в любом случае не подлинным интуитивным движением. Тем не менее, самого факта этого вмешательства свыше, факта, говорящего о том, что за всем нашим исходным мышлением или подлинным восприятием вещей находится сокрытый, полу-сокрытый или быстро раскрываемый интуитивный элемент, уже достаточно, чтобы установить связь разума с тем, что выше него; он открывает связующий проход ко входу в высший духовный диапазон. Разум также может дотянуться до того, чтобы превзойти ограничение эго, увидеть вещи в определенной безличности и универсальности. Безличность является первой чертой “космического я”; универсальность, неограниченность единственной или ограниченной точкой зрения — черта космического восприятия и знания: эта тенденция поэтому является расширением, каким бы ни недоразвитым, этих ограниченных областей разума к космичности [cosmicity], к качеству, являющемуся самим характером высших ментальных планов — к этому сверхсознательному космическому Разуму, который, как мы предположили, должен в природе вещей быть первозданным действием разума, по отношению к которому наш разум является только выводимым и низшим процессом. Опять же, не полностью отсутствует проникновение свыше в наши ментальные пределы. Феномен гения в действительности является результатом такого проникновения — завуалированного, без сомнения, поскольку свет превосходящего сознания не только действует в узких границах, обычно в специфическом поле, без какой-либо регулируемой отдельной организации своих характерных энергий, часто в действи-

тельности совершенно прерывисто, рассеянно и под сверхнормальном или ненормальном безответственном управлении, но также входя в разум, он подчиняется и адаптируется к субстанции разума, так что до нас доходит только модифицированная или преуменьшенная динамика, а вовсе не первозданное божественное сияние того, что могло бы быть названо верхним сознанием за пределами нас. Все же существуют явления вдохновения свыше, открывающего видения или интуитивного восприятия и интуитивной проницательности, превосходящие наше обычное менее озаренное или менее мощное действие разума, и происхождение этих явлений не вызывает сомнений. Наконец, существует обширное и множественное поле мистического духовного опыта, и здесь врата уже широко открыты возможности расширения нашего сознания за пределы теперешних границ — до тех пор, пока из-за обскурантизма, отказывающегося исследовать или из-за прикрепленности к нашим границам ментальной нормальности мы не захлопнем их или не отвернемся от перспектив, которые открываются перед нами. Но в нашем теперешнем исследовании мы не можем позволить себе пренебречь возможностями, которые эти области человеческого стремления преподносят нам, или пренебречь дополнительным знанием о себе и о сокрытой Реальности, которое является дарованием человеческому разуму, пренебречь великим светом, который наделяет их правом действовать на нас и является врожденной мощью их существования.

Существует два последовательных движения сознания, трудных для нас, но находящихся в пределах наших способностей, благодаря которым мы можем получить доступ к высшим ступеням нашего сознательного существования. Это, во-первых, движение вовнутрь, благодаря которому вместо того, чтобы жить в нашем поверхностном разуме, мы пробиваем стену между нашим внешним и нашим теперешним сублиминальным “я”; этого можно добиться при помощи постепенного усилия и дисциплины или путем неистового перехода, иногда при мощном непроизвольном порыве — последнее отнюдь не безопасно для ограниченного человеческого разума, при вышесказанном уверенно жить только внутри своих обычных пределов — но в любом случае, безопасно это или опасно, эта вещь может быть проделана. То, что мы открываем внутри этой нашей тайной части — это внутреннее существо, душа, внутренний разум, внутренняя жизнь, внутренняя тонко-физическая сущность, гораздо большая в своей потенциальности, более пластичная, более мощная, более способная к разнообразному знанию и динамизму, чем наши поверхностные разум, жизнь или тело; внутреннее существо обладает способностью непосредственной связи со вселенскими силами, движениями, объектами космоса, прямого чувства и открытости или непосредственного воздействия на них и даже способностью расширяться за пределы личностного разума, личностной жизни, тела, так что оно все более и более ощущает себя вселенским существом, более не ограниченным существующими стенами нашего слишком узкого ментального, витального, физического существования. Это расширение может распространиться до полного входа в космический Разум, в единение со вселенской Жизнью, даже в тождество со вселенской Материей. Однако, это все еще отождествление с уменьшенной космической истиной или космическим Неведением.

Но раз уж произошло вхождение во внутреннее существо, это “внутреннее Я” находит способность открыться, подняться наверх до вещей, находящихся за пределами нашего теперешнего ментального уровня; это наша вторая духовная возможность. Первым, более обычным результатом будет открытие обширного статичного и безмолвного “я”, которое мы чувствуем как наше настоящее или наше базисное существование, основание всего другого, чем мы являемся. Может придти даже угасание, Нирвана как нашего активного бытия, так и “чувства я”, может наступить растворение в Реальности неопределимой и невыразимой. Но также мы можем осознать, что это “я” есть не только наше собственное духовное существо, но и “истинное я” всех других; следовательно, оно представляется как лежащая в основе истина космического существования. Вся индивидуальность может остаться в Нирване, можно остановиться на статичной реализации, или считая космическое движение поверхностной игрой или иллюзией, наложенной на “безмолвное Я”, войти в некоторое верховное недвижимое и неизменное состояние за пределами вселенной. Но также предлагается другая менее негативная линия сверхнормального переживания; ибо происходит большое динамическое нисхождение света, знания, мощи, блаженства или других сверхнормальных энергий в наше “я молчания”, и мы также можем подняться в высшие регионы Духа, где его недвижимый статус является основанием этих великих и светлых энергий. В любом случае, очевидно, что мы поднялись за пределы разума Неведения к духовному состоянию; но в этом динамическом движении результирующее вольное действие Сознательной-Силы может представляться либо просто в качестве чистой духовной динамики, характер которой никак не определяется, либо может открыться духовный диапазон разума, где разум больше не несведущ о Реальности — это еще не уровень сверхразума, но выводимый из супраментальной Истины-Сознания и все же освещенный чем-то из его знания.

Именно в последней альтернативе мы обнаруживаем тот секрет, которого ищем, находим средства перехода, необходимый шаг к супраментальной трансформации; ибо мы воспринимаем постепенность восхождения, сообщения со все более и более глубоким и интенсивным светом и мощью свыше, шкалой интенсивностей, которые можно рассматривать как ступени в восхождении от Разума или в нисхождении в Разум из Того, что лежит за его пределами. Мы осознаем нахлынувший ливень массы спонтанного знания, которое предполагает природу Мысли, но имеет другой характер, чем у процесса мышления, к которому мы привыкли; ибо здесь нечего искать, нет ни

следа ментальных построений, нет работы рассуждения или трудного открытия; это автоматическое и спонтанное знание с Высшего Разума, по-видимому, обладает Истиной и не ищет спрятанных и удержанных реальностей. Видно, что это Мышление гораздо более способно, чем разум, к тому чтобы включить одновременно массу знания в единственный взгляд; оно имеет космический характер, не отмечено штампом индивидуальных размышлений. За пределами этой Истины-Мышления мы можем различить еще большее озарение, наделенное возросшей мощью и интенсивностью и управляющей силой, светлоносностью природы Истины-Взгляда [Truth-Sight] с мысленной формулировкой в качестве подчиненной и зависимой деятельности. Если мы примем Ведический образ Солнца Истины — образ, ставший реальностью в опыте Вед — то можем сравнить действие Высшего Разума со спокойным постоянным солнечным светом, а энергию Озаренного Разума за его пределами — с потоком сплошных зарниц горящего солнечного вещества. Все же за пределами можно встретить еще большую мощь Истины-Силы, врожденную и точную Истину-видение, Истину-мысль, Истину-ощущение, Истину-чувство, Истину-действие, которую мы в особом смысле называем Интуицией; ибо хотя мы применяли это слово к любому супра-интеллектуальному прямому способу познания, все же то, что мы на самом деле знаем в качестве интуиции — это только одно специфическое движение само-существующего знания. Наша интуиция берет свое начало в этом диапазоне; настоящая интуиция придает нашей интуиции нечто из собственного отчетливого характера и является самым посредником высочайшей Истины-Света, с которой наш разум не может непосредственно связываться. В истоках этой Интуиции мы открываем сверхсознательный космический Разум, находящийся в прямом контакте с супраментальной Истиной-Сознанием, первозданным определителем интенсивности всех движений ниже него и всех ментальных сил -не тот Разум, каким мы его знаем, а Надразум, покрывающий как будто бы на широких крыльях некоторой созидательной Наддуши эту целую нижнюю полусферу Знания-Неведения, связывающий ее с той великой Истиной-Сознанием, хотя в то же время он все еще скрывает под своей золотой Крышкой лицо великой Истины от нашего взгляда, наводняя своим потоком бесконечных возможностей, что служит одновременно препятствием и проходом в наших поисках духовного закона нашего существования, его высочайшей цели, его тайной Реальности. Следовательно, это и есть та оккультная связь, которую мы ищем; это есть та мощь, что одновременно связывает и разделяет верховное Знание и космическое Неведение.

Надразум по своей природе является представителем Сознания Сверхразума, его делегатом в Неведении. Или же мы можем говорить о нем как о защитном двойнике, экранные несходной похожести, через который Сверхразум может опосредовано воздействовать на Неведение, чья темнота позволяет вынести или получить прямой импульс верховного Света. Более того, именно благодаря проекции короны этого светлого Надразума вообще становится возможным это рассеивание уменьшенного света в Неведении, становится возможным отбрасывание противоположной тени, которая поглощает в себе весь свет, становится возможным Несознание. Ибо Сверхразум передает Надразуму все свои реальности, но оставляет ему формулировать их в движении и в соответствии с осознанием вещей, которое все еще является видением Истины и все же в то же время предстает первым истоком Неведения. Сверхразум и Надразум разделяет некая линия, позволяющая свободную передачу, позволяющая нижней Мощности выводить из высшей Мощности все способности овладения или видения, но автоматически вызывающая переходное изменение в этом процессе. Интегральность Сверхразума всегда держит сущностную истину вещей, тотальная истина и истина индивидуальных само-определений ясно сражены друг с другом; он поддерживает в них и между ними неотделимое единство и свободное и полное сознание каждой из них: но в Надразуме этой интегральности уже нет. И все же Надразум хорошо осознает сущностную Истину вещей; он охватывает тотальность; он использует индивидуальные само-определения, будучи не ограниченным ими: но хотя он знает их тождество, может реализовать его в духовном постижении, все же его динамическое движение, даже опирающееся для гарантии на это тождество, не прямо определяется им. Энергия Сверхразума действует через неограниченную возможность отделения и комбинирование мощностей и сторон интегрального и неделимого все-охватывающего Единства. Он берет каждый Аспект или Мощь и придает ему независимое действие, в котором этот Аспект или Мощь обретает полную отдельную важность и способен вырабатывать, можно сказать, свой собственный мир творения. Пуруша и пракрити, Сознательная Душа и исполняющая Сила Природы в супраментальной гармонии являются двусторонней единственной истиной, бытием и динамикой Реальности; там не может быть нарушения равновесия или преобладания одного над другим. В Надразуме мы имеем источник расхождения, четкое разделение, сделанное философией Санкхьи, в которой они появляются как две независимые сущности, Пракрити, способная доминировать над Пурушей и покрывающая его свободу и мощь, сводя его к статусу свидетеля и воспринимающего ее формы и действия, Пуруша, способный возвратиться к своему отдельному существованию и оставаться отстраненным в свободном само-суверенитете путем отвержения ее первозданного затемняющего материального принципа. Так же обстоит дело и с остальными аспектами или мощностями Божественной Реальности: Одним и Многим, Божественной Личностью и Божественной Безличностью, и всем остальным; каждое все же остается аспектом и мощью одной Реальности, но каждое полномочно действовать как независимая сущность в целом, достигать полноты возможностей своего отдельного выражения и развивать динамические следствия этого отделения. В то же время в Надразуме эта отделенность все еще базируется на единстве, неявно лежащем в основании; все

возможности комбинации и связи между отделенными Мощностями и Аспектами, все взаимобмены и взаимности их энергий свободно организованы, и их актуальность всегда в силе.

Если считать Мощности Реальности Божественными, то можно сказать, что Надразум испускает в действие миллион Божеств, каждое из которых полномочно создать свой собственный мир, и каждый мир может связываться, сообщаться и взаимодействовать с остальными. В Ведах по-разному говорится о природе Богов: они все — это одно Существование, которому мудрецы дают разные имена; все же каждому Богу поклоняются так, как если бы он сам был тем Существованием, одним, являющимся всеми Богами разом или содержал их в своем бытии; и все же снова каждый — это отдельное Божество, действующее когда в унисон со своими “соратниками”, когда отдельно от них, а иногда даже в кажущемся противоречии другим Божествам того же Существования. В Сверхразуме все это удерживается вместе как гармонизированная игра одного Существования; в Надразуме каждое из этих трех условий могло бы быть отдельным действием или базисом действия и иметь свой собственный принцип развития и следствия, и все же каждое держало бы мощь комбинирования с остальными в более сложной гармонии. Как с Одним Существованием, так же и с Сознанием и Силой. Одно Сознание неделимо на множество независимых форм сознания и знания; каждая следует своей собственной линии истины, которую она должна реализовать. Одна всеобщая и многосторонняя Реальность Идея расщеплена на множество сторон; каждая становится независимой Идеей-Силой с мощью для собственной реализации. Одна Сознание-Сила высвобождена в миллионы сил, и каждая из этих сил имеет право на собственное исполнение и претендует на гегемонию и оккупацию других сил ради собственной пользы. Точно также Восторг Существования высвобожден во всевозможные виды восторга, и каждый несет в себе свою независимую полноту или суверенные крайности. Так Надразум придает Одному Существованию характер изобилующих бесконечных возможностей, которые могут быть развиты во множество миров или брошены вместе в один мир, в котором нескончаемый переменчивый результат игры определяет творение, его процесс, курс и выводы.

Поскольку Сознание-Сила вечного Существования является вселенским творцом, то природа данного мира будет зависеть от того, какое само-образование этого Сознания выражается в этом мире. Равным образом, видения и представления индивидуального существа о мире, в котором он живет, будет зависеть от положения или процесса становления, который это Сознание предполагает в нем. Наше человеческое ментальное сознание видит мир фрагментарно, рассеченным на отдельные детали при помощи разума и чувства и собранными вместе в некое образование, которое также фрагментарно, дом, который оно строит, приспособлен для вместительности той или другой обобщенной формулировки Истины, но исключает остальные или допускает некоторые, но только в качестве частей или иждивенцев этого дома. Сознание Надразума глобально в своем постижении и может держать вместе в примиряющем видении сколь угодно много различий, кажущихся фундаментальными. Так, ментальный рассудок считает Личностное и Безличностное противоположностями: он постигает безличностное Существование, в котором личность и личностное являются фикциями Неведения или временными построениями; или, напротив, он может видеть личность в качестве первичной реальности и безличностное в качестве ментальной абстракции или только вещества или средства манифестации. Для интеллекта Надразума они являются отдельными Мощностями одного Существования, которые могут проводить свое независимое само-утверждение и также могут объединить вместе свои различные моды действия, создавая как в своей независимости, так и своем единении различные состояния сознания и бытия, каждое из которых может быть законным, и все они могут сосуществовать вместе. Чисто безличностное существование истинно и возможно; но также истинно и возможно полностью личностное сознание и существование; Безличностное Божественное, Ниргуна Брахман и Личностное Божественное, Сагуна Брахман, являются здесь равными и сосуществующими аспектами Вечного. Безличностность может проявляться с личностью, подчиненной ей в качестве моды выражения; но, равным образом, Личность может быть реальностью с безличностью в качестве моды ее природы: оба аспекта стоят лицом друг к другу в бесконечном многообразии сознательного Существования. То, что для ментального рассудка кажется непримиримой разницей, интеллекту Надразума представляется сосуществующей соотносительностью; то, что для ментального рассудка является противоположностями, для интеллекта Надразума — взаимное дополнение. Наш разум видит, что все вещи рождены из Материи или материальной Энергии, существуют благодаря ей, возвращаются в нее; он заключает, что Материя — вечный фактор, первичная и окончательная реальность, Брахман. Либо он видит все как рожденным Жизне-Силой или Разумом, существующим благодаря Жизни или Разуму, уходящим назад во вселенскую Жизнь или Разум, и заключает, что этот мир суть творение космической Жизне-Силы или космического Разума или Логоса. Либо опять же он видит мир и все вещи как рожденные, существующие благодаря и возвращающиеся назад к Реальности-Идее или Знанию-Воле Духа или к самому Духу, и он приходит к идеалистической или спиритической точки зрения на вселенную. Он может зафиксироваться на любом из этих способов видения, но для его нормального раздельного видения каждый способ исключает остальные. Сознание Надразума понимает, что каждый взгляд верен по отношению к действию принципа, который он воздвигает; он может увидеть материальную формулу мира, витальную формулу, ментальную, духовную, и каждая из них может преобладать в собственном мире, и в то же время все могут считаться в одном мире как составляющие мощности. Само-обра-

зование Сознательной Силы, на котором наш мир базируется как на кажущемся Несознании, которое скрывает в себе верховное Сознательное-Существование и держит все мощности Бытия вместе в несознательной скрытности, мир универсальной Материи, реализующий в себе Жизнь, Разум, Надразум, Сверхразум, Дух, каждый из которых в свою очередь вбирает остальные как средства самовыражения, Материя, сама-оказывающаяся в духовном видении манифестацией Духа, с точки зрения Надразума является нормальным и свободно постижимым творением. В своей мощи организации и в процессе исполнительной динамики Надразум является организатором многих потенциальностей Существования, каждая из которых утверждает свою отдельную реальность, но все они могут связываться друг с другом множеством различных способов, и делать это одновременно; Надразум является магическим мастером, уполномоченным вить многокрасочную основу и ткань манифестации единственной сущности в комплексной вселенной.

В этом одновременном развитии многочисленных независимых или скомбинированных Мощностей или Потенциальностей все же нет — или все еще нет — хаоса, конфликта, нет выпадения из Истины или Знания. Надразум — творец истин, а не заблуждений или лжи: то, что вырабатывается в любую данную надментальную энергетику или движение, есть истина Аспекта, Мощности, Идеи, Силы, Восторга, который высвобождается в независимое действие, истину следствия реальности в той независимости. Нет исключительности назначать каждое в качестве единственной истины бытия или другое в качестве низших истин: каждый Бог знает всех Богов и их место в существовании; каждая Идея допускает все другие идеи и их “право быть”; каждая Сила признает место за всеми другими силами и их истиной и значительностями; никакой восторг отдельного исполненного существования или отдельный опыт не отрицает и не бракует восторг другого существования или другого опыта. Надразум — это принцип космической Истины, и обширная, не знающая границ всеобщность есть его дух; его энергия есть все-динамизм, как и принцип раздельной динамики; это некоторого рода низший Сверхразум — хотя он главным образом связан не с абсолютностями, а с тем, что может быть названо динамическими потенциалами или прагматическими истинами Реальности, либо с абсолютами, но в основном по части их мощи производить прагматические или созидательные ценности, хотя, также, его охват вещей скорее глобальный, чем интегральный, поскольку его тотальность построена из глобальных целых или составлена из отдельных независимых реальностей, объединенных и сращенных вместе, и хотя сущностное единство им и схвачено и чувствуется как базис вещей и ощущается проникающим в их манифестацию, но уже не так, как в Сверхразуме, где оно представлено их внутренне связанной и вечно-присутствующей тайной, их доминирующим содержимым, явным постоянным строителем гармоничного целого их деятельности и природы.

Чтобы попытаться понять разницу между этим глобальным Надразумным Сознанием и нашим отделенным и только несовершенно синтезным ментальным сознанием, можно сравнить прямо ментальный взгляд на активности материальной вселенной с надментальным взглядом. Например, для Надразума все религии истинны как развития одной вечной религии, все философии справедливы в своих собственных областях как утверждение собственного взгляда на вселенную под некоторым углом, все политические теории с их практикой — суть законные разработки Идеи-Силы со своим правом на приложение и практическое развитие в игре энергий Природы. В нашем отделенном сознании, изредко озаряемом проблесками всеобщности и универсальности, эти вещи существуют как противоположности; каждая претендует на то, чтобы быть единственной истиной и клеймит остальные в ошибочности и лжи, каждая чувствует себя побуждаемой опровергать или разрушать остальные, чтобы только она одна смогла стать Истиной и выжить: в лучшем случае, каждая должна объявить себя превосходной и допустить остальные только в качестве низших выражений истины. Надментальный Интеллект откажется принять такое понимание или тенденцию даже на мгновение; он позволит всем жить в качестве необходимых частей целого или поставит каждую на свое место в целом или назначит каждой ее поле реализации или стремления. Это так, поскольку наше сознание полностью опустилось в разделение Неведения; Истина больше не является ни Бесконечным, ни космическим целым со многими возможными формулировками, а твердым утверждением, отмечающим любое другое утверждение как ложное, поскольку оно отличается от него и заключено в других пределах. На самом деле наше сознание в своем постижении может достичь существенного приближения к тотальному охвату и всеобщности, но организовать все это в действии и жизни кажется выше его сил. Эволюционный Разум, проявляющийся в индивидах или коллективах, взбрасывает множественность расходящихся точек зрения, расходящихся линий действия и позволяет им работать рука об руку или в столкновении или в определенной смеси; он может делать избранные гармонии, но не может придти к гармоничному контролю истиной тотальности. Космический Разум в эволюционном Неведении даже должен обладать, подобно всяким тотальностям, такой гармонией, если бы только устроенными согласиями и разногласиями; существует в нем также лежащий в основе динамизм тождества: но он несет законченность этих вещей в своих глубинах, возможно, в субстратуме сверхразума-надразума, но не придает ее [полноту] индивидуальному эволюционирующему Разуму, не приносит ее или еще не принес ее из глубин на поверхность. Мир Надразума — мир гармонии; мир Неведения, в котором мы живем — мир дисгармонии и борьбы.

И все же мы можем вместе с тем распознать в Надразуме первозданную космическую Майю, не Майю Неведения, а Майю Знания, все еще Мошь, которая сделала Неведение возможным, даже неизбежным. Ибо если каждый принцип, потерянный в действии, должен следовать своей независимой линии и выводить свои полные последствия, то и принципу отделения должно быть позволено следовать своему полному курсу и достичь абсолютного вывода; это неизбежное нисхождение, *facilis descensus*, которому Сознание, раз уж оно допускает принцип отделения, следует до тех пор, пока путем затемняющей бесконечно малой фрагментации, *tuschyena* (Риг Веда, X.129.3.), оно не входит в материальное Несознание — Несознательный Океан Риг Веды — и если Один рожден из этого собственным величием, то все же поначалу Он сокрыт фрагментарным отделяющим существованием и сознанием, в которых мы пребываем и в которых мы должны соединять все вещи вместе в одно целое. В этом медленном и трудном появлении определенная видимость истины представлена в изречении Гераклита, что Война является отцом всех вещей; ибо каждая идея, сила, отдельное сознание, живое существо самой необходимостью неведения ввергается в столкновение с другими и пытается жить, расти и исполнять себя в независимом самоутверждении, не в гармонии существования с остальными. И все же есть еще лежащее в основе неизвестное Тождество, которое вынуждает нас медленно стремиться к некоторой форме гармонии, взаимозависимости, согласования разногласий, трудному единству. Но только благодаря эволюции в нас сокрытых сверхсознательных мощностей космической Истины и Реальности, в которых они составляют одно, могут быть динамически реализованы гармония и единство, к которым мы стремимся, реализованы в самих фибрах нашего существа, и могут быть реализованы все его само-выражения, и не просто в несовершенных попытках, неполных построениях, всегда меняющихся приближениях. Высшие диапазоны духовного Разума должны открыться на наше существо и сознание, и также должно появиться в нас то, что даже выше духовного Разума, если нам суждено исполнить божественную возможность нашего рождения в космическое существование.

Надразум в своем нисхождении достигает линии, отделяющей космическую Истину от космического Неведения; это та линия, на которой Сознание-Сила, подчеркивая отдельность каждого независимого движения, созданного Надразумом, и пряча или затмевая их единство, может благодаря исключительной концентрации отделить Разум от надментального источника. Аналогичное отделение уже было сделано — это отделение Надразума от своего супраментального источника, но это отделение прозрачно в своей оболочке и допускает сознательную передачу и поддерживает определенное светлое родство; но здесь оболочка непрозрачна, и передача мотивов Надразума к Разуму оккультна и темна. Отделенный разум действует так, как если бы он был независимым принципом, и каждое ментальное существо, каждая базисная ментальная идея, мощь, сила аналогично основывается на своем отдельном “я”; если разум сообщается или комбинируется или контактирует с другими, то не со всеобщностью универсальностью движения надразума, на основе тождества, а как независимая единица, примыкающая к остальным, чтобы образовать отдельно построенное целое. Именно в этом движении мы переходим от космической Истины к космическому Неведению. Без сомнения, космический Разум на своем уровне охватывает свое собственное единство, но не осознает свой собственный источник и основание в Духе или может только охватить его интеллектом, а не в длительном опыте; он действует в себе как будто бы своим собственным правом и вырабатывает из нечего, что он воспринимает как исходный материал без прямой связи с источником, из которого он его воспринимает. Его единицы также действуют в неведении друг о друге и о космическом целом, за исключением знания, которое они могут обрести при контакте и посредством связи — больше нет базисного чувства тождества и взаимного проникновения и понимания, которое происходит от него. Все действия этой Энергии Разума происходят на противоположном базисе Неведения и его делений, и хотя являются результатом определенного сознательного знания, но это частное знание, не истинное и интегральное само-знание, и не истинное и интегральное знание мира. Этот характер продолжает существовать в Жизни и тонкой Материи и повторно появляется в грубой материальной вселенной, которая возникает из финального падения в Несознание.

Все же, как в нашем сублиминальном или внутреннем Разуме, так же и в этом Разуме все еще остается большая мощь сообщения и взаимности, остается более свободная игра ментальности и чувства, чем те, которыми обладает человеческий разум, и Неведение не полное; есть большие возможности для организации сознательной гармонии, внутреннезависимых правильных отношений: разум все еще не возмущен слепыми жизненными Силами и не затемнен невосприимчивой Материей. Это план Неведения, но все же не лжи или ошибки — или по крайней мере падение в ложь и ошибку все еще не неизбежно; это Неведение ограниченное, но не необходимо фальсифицированное. Есть ограничение знания, организация частных истин, а не отрицание или противоположность истины или знания. Этот характер организации частичных истин на основе отделенного знания продолжает существовать в Жизни и тонкой Материи, ибо исключительная концентрация Сознания-Силы, направляющая их в отдельное действие, не полностью разъединяет или вуалирует Разум от Жизни или Разум и Жизнь от Материи. Полное отделение может осуществиться только тогда, когда достигнута стадия Несознания, и из темной матрицы возник мир многократного Неведения. Эти другие все еще сознательные стадии инволюции являются на самом деле организациями Сознательной Силы, в которой каждая живет из своего собственного центра, следует своим собственным возможностям, и сам преобладающий принцип, будь то Разум, Жизнь или Материя вырабатывает вещи на своей

собственной независимой основе; но то, что вырабатывается — истины о себе, а не заблуждения или сплетение истины и лжи, знания и неведения. Но когда ввиду исключительной концентрации на Силе и Форме феноменально кажется, что Сознание-Сила отделяет Сознание от Силы, или когда она втягивает Сознание в слепой сон, потерянный в Форме и Силе, тогда Сознание должно бороться, чтобы вернуться к себе путем фрагментарной эволюции, которая неизбежно влечет за собой ошибку и делает ложь неизбежной. Тем не менее, эти вещи также не являются иллюзиями, которые последовали из первозданного Не-Существования, можно сказать, что они суть неминуемые истины мира, рожденного из Несознания. Ибо Неведение в действительности все еще является знанием, ищущим себя за первозданной маской Несознания; оно теряет и находит; его результаты, естественные и даже неизбежные в их собственной линии, являются истинным следствием этого падения — даже по части правильной работы возвращения из падения. Существование, погруженное в видимое Не-Существование, Сознание, погруженное в кажущееся Несознание, Восторг существования, погруженный в обширную космическую нечувствительность — первый результат падения, и возвращение из него путем обретения в борьбе фрагментарного опыта, перевод Сознания в двойные термины истины и лжи, знания и ошибки, перевод Существования в двойные термины жизни и смерти, перевод Восторга существования в двойные термины боли и удовольствия — — необходимый процесс работы ради само-открытия. Чистый опыт Истины, Знания, Восторга, непреходящего существования был бы здесь противоречием истине вещей. Могло бы быть иначе только в том случае, если бы все эволюционирующие существа спокойно откликнулись на психический элемент внутри них и на Сверхразум, лежащий в основе операций Природы; но здесь приходит в Надразум закон, позволяющий каждой Силе вырабатывать собственные возможности. Естественной возможностью мира, в котором главными принципами являются первозданное Несознание и деление сознания, становится возникновение Сил Тьмы, принуждаемых поддерживать Неведение, благодаря которому они живут, поддерживать невежественную борьбу за знание, порождающее ложь и ошибку, невежественную борьбу за жизнь, вызывающую неправоту и зло, эгоистическую борьбу за удовольствие, рождающее отрывочную радость и боль и страдание; поэтому они суть неизбежные первопечатные символы, хотя и не единственные возможности нашего эволюционного существования. Все же, поскольку Не-Существование есть скрытое Существование, Несознание — сокрытое Сознание, нечувствительность — замаскированная и дремлющая Ананда, то эти сокрытые реальности должны проявиться; спрятанные Надразум и Сверхразум также в конце концов должны исполнить себя в этой кажущейся противоположной организации, всплыть из темного Бесконечного.

Две вещи делают эту кульминацию более легкой, чем это было бы в противном случае. Надразум в спуске к материальному сознанию имеет производные модификации — особенно Интуиция со своими проникающими молниеносными вспышками истины освещает локальные точки и пространство обитания в нашем сознании -которые могут принести ближе к нашему охвату сокрытую истину вещей, и путем более широкого открытия себя сначала во внутреннем существе и затем, как результат, также в нашем внешнем поверхностном “я”, открытости посланиям из высших диапазонов сознания, путем вставания в них, мы сами можем стать интуитивными и надментальными существами, не ограниченными интеллектом и чувством, а способными на более универсальный охват и к прямому касанию истины в самом “я” и теле. В действительности, вспышки озарения из этих высших диапазонов уже приходят к нам, но это вмешательство по большей части фрагментарное, случайное или частичное; мы все же начали расширять себя до их подобия и организовывать в себе бо́льшие активности Истины, на которые мы потенциально способны. Но, во -вторых, Интуиция, Надразум, даже Сверхразум должны быть не только, как мы видели, принципами, внутренне присущими и вовлеченными в Несознание, из которого они появляются в ходе эволюции и которым с неизбежностью назначено эволюционировать, но они должны тайно присутствовать, быть оккультно задействованными, озаряя вспышками интуитивного появления в космической деятельности Разума, Жизни и Материи. Верно, что их действие сокрыто и что даже когда они возникают, то модифицируются средой, материалом, витальным, ментальным, в которых они работают и не легко распознаваемы. Сверхразум не может с самого начала проявиться как Созидательная Мощь во вселенной, ибо если бы это было так, то Неведение и Несознание были бы невозможными, либо медленная эволюция необходимо бы преобразовалась в быстротечное явление. Все же на каждом шаге материальной энергии мы можем увидеть штамп неизбежности, поставленный супраментальным творцом, а во всем развитии жизни и разума — игру линий возможности и их комбинацию, отмеченную штампом вмешательства Надразума. Как Жизнь и Разум были высвобождены в Материи, точно также должны в свое время появиться эти большие мощности сокрытого Божества, должны выплыть из инволюции, и их верховный Свет должен спуститься на нас свыше.

Тогда божественная Жизнь в проявлении не только возможна как высочайший результат и искупление нашей теперешней жизни в Неведении, но, если все обстоит так, как мы увидели, то она является неизбежным продуктом и завершением эволюционной попытки Природы.

Конец Первой Книги